

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Х.М.БЕРБЕКОВА»

На правах рукописи

Пугоева Ася Османовна

**ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ
И ПЕРСОНАЛЬНОМ ТИПАХ ДИСКУРСА**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
профессор А. И. Геляева

НАЛЬЧИК 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	15
1.1. Языковая личность как объект лингвистического анализа ...	15
1.2. Различные трактовки понятия «дискурс» в лингвистике	28
1.3. Особенности подхода к определению термина «когнитивный стиль» в различных областях знания	41
1.4. Соотношение понятий «когнитивный стиль», «идиостиль» и «идиолект»	54
Выводы	63
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА МАНИФЕСТАЦИИ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА	65
2.1. Текст/дискурс как репрезентант когнитивного стиля языковой личности	65
2.2. Экспликация «личностных инвариантов» в дискурсе как способ объективации специфики когнитивного стиля языковой личности	77
2.3. Когнитивный стиль языковой личности институционального дискурса	81
2.4. Когнитивный стиль языковой личности автора персонального дискурса	120
Выводы	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	136
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	142
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	173
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	174

ВВЕДЕНИЕ

Для современного этапа развития языкознания особую значимость представляет исследование языка и созданных на нём речевых произведений в непосредственной связи с их получателем и создателем, выявление и описание специфики репрезентации в дискурсе «человеческого фактора», особенностей проявления в дискурсивном пространстве и в конкретных языковых единицах различных ипостасей человека. Если понимание языка и текста основными объектами филологии соответствовало духу структурной парадигмы, то с утверждением современной антропоцентрической парадигмы и актуализацией коммуникативной деятельности человека посредством текста становится возможным связать текст с его создателем, а язык рассматривать как семиотическую систему, используемую в деятельности говорящего и слушающего в процессе вербализации и понимания текста. Поэтому изучение языковой личности (ЯЛ) как парадигмообразующего понятия лингвистики антропоцентризма относится к числу актуальных направлений исследований современного языкознания.

Настоящая диссертационная работа выполнена в русле данного актуального направления современной отечественной лингвистики. В ней также учитывается предложенный Е. С. Кубряковой [2000а; 2000б; 2000в] когнитивно-дискурсивный подход к исследованию ЯЛ, который обуславливает интеграцию идей когнитивного направления, связанного с познавательными процессами, определяющими особенности категоризации мира человеком и репрезентации результатов познания в языке, с дискурсивной деятельностью человека, с различными аспектами дискурса, такими, как его структурирование, использование различных языковых стратегий его реализации.

В настоящее время проблема репрезентации личности в языке и общении интенсивно изучается не только в лингвистике, но и в философии, культурологии, психологии, психолингвистике, социолингвистике, лингвокульту-

турологии, педагогике, когнитивной поэтике, когнитивной стилистике, когнитивной лингвистике [Артемов 2005; Баишева 2007; Башиева 2014; Беляев 1989; Беспмятнова 1994; Богин 1986; Буряк 2012; Бушев 2012; Василюк 2004; Воркачев 2001; Демьянков 1994; Залевская 1985; Золотова 2013; Иванцова 2010; Иншаков 2005; Искандарова 2012; Караулов 1987; Карасик 2002; Клобукова 1997; Клюканов 1990; Кочеткова 1996; Красных 1997; Кубрякова 1991; Кузнецова 2013; Кулишова 2001; Макаров, Шамхалов, Нургалиев 2005; Нерознак 2005; Махнёва 2012; Попова 2004; Прокудина 2009; Пушкин 1990; Русалов 1989; Седых 2005; Сентенберг 1994; Силантьева 2012; Сиротинина 1997; Ядов 1989 и многие др.].

В современной лингвистике теория языковой личности оформилась в такую отдельную научную дисциплину, как лингвоперсонология. Проблемными направлениями теории ЯЛ являются, например, определение термина «языковая личность», модели ЯЛ, типология ЯЛ и др. Для целевой направленности настоящей диссертации наиболее значимой представляется проблема типологии ЯЛ.

Анализ научных работ, посвященных выявлению и описанию типов ЯЛ в гуманитарных науках, позволяет заключить, что принципы типологии ЯЛ чрезвычайно разнообразны, что обусловлено сложностью ЯЛ как исследовательского конструкта, в рамках которого отдельные типы ЯЛ пересекаются друг с другом.

В гуманитарных науках выявлены и описаны разнообразные типы ЯЛ, определяющие статус её существования: элитарная ЯЛ [Карасик 2004; Кочеткова 1996; Силантьева 2012; Сиротинина 2003], креативная ЯЛ [Шевченко 2014]; авторитарная ЯЛ [Пушкин 1992], полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) ЯЛ [Нерознак, Халеева 2005;]; билингвальная ЯЛ [Башиева 2014]; полилингвальная ЯЛ [Башиева, Дохова, Шогенова 2013]; русская ЯЛ [Василюк 2004; Винокур 1993; Ю. Н. Караулов; Замилова 2013]; этническая и полиэтническая ЯЛ [Безрокова 2013; Волкова, Новикова, Орехова 2012; Сироткина 2007]; языковая личность западной и

восточной культур [Снитко 1995]; языковая и речевая личность [Прохоров, Стернин 2006; Клобукова 1997]; словарная языковая личность [Карасик 2002]; номинативная ЯЛ [Гафурова 2012]; ЯЛ блог-дискурса [Гермашева 2011; Калашникова 2011; Лутовинова 2013]; диалектная ЯЛ [Иванцова 2002; Малышева 2002]; этносемантическая личность [Воркачев 1997]; гендерная ЯЛ [Бадмаева 2010; Беляева 2002; Дохова, Канукоева 2013] и др.

Объектом анализа во многих работах являются ЯЛ поэтов, писателей, ученых, политиков, исторических деятелей, представителей различных социальных институтов, персонажей художественных произведений [Баишева 2007; Беспамятова 1994; Богомоллов 2005; Бурмакина 2007; Бушев 2012; Ворожбитова, Кегеян 2009; Геляева, Пугоева 2015; 2016; Геляева, Хучинаева 2012; Залогина 2004; Искандарова 2012; Менькова 2004; Никадрова 2010; Попова 2004; Смирнова 2009; Тарасова 2003; 2004; 2008; 2009; 2011; 2013; Трещалина 1998; Федорченко 2002; Шевченко 2005; 2014] и др.

ЯЛ как многослойный научный конструкт изучается с позиций таких разнообразных подходов, как теоретико-методологический [Богин 1984; Караулов 1987; Седов 2008]; лингвистический [Сиротинина 1993; Седов 1998; Карасик 2007]; социолингвистический [Башиева, Дохова, Чепракова, Шогенова 2009; Крысин 1976, 2004]; психолингвистический [Пушкин 1990; Седов 2004]; психолингвокультурологический [Красных, Бубнова 2015]; лингвисториторический [Ворожбитова 1995; 2007]; лингвокогнитивный [Богомоллов 2005, Киреева 1998; Осипова 2005; Трипольская 2015]; лингвокультурологический [Воркачев 2001; Карасик 2004; 2009; 2011]; этнолингвистический [Безрокова 2013; Гольдин 1978; Седых 2002] и др.

ЯЛ изучается в гуманитарной науке исходя из различных параметров: 1) из психологических характеристик ЯЛ, репрезентированных в создаваемых текстах [Шаховский 1987; Табурова 1999; Трипольская 2015]; 2) из социолингвистических параметров [Демидова 2011; Иванцова 2002; Ермакова 2007; Кирилина 2000; Котик 2008; Красных 1997; Нефедова 2015; Овсянни-

кова 2005; Строганова 20011; Тарасенко 2007; Фомин 2004; Шмультская 2002]; 3) лингвокультурологических и этнолингвистических особенностей [Асадуллаева 2011; Бровикова 2013; Гуляева 2009; Дмитриева 2006; Карасик 2004; 2007; 2009; Караулов 2010; Коровина 2008; Ле Дык Тху 2003; Мурзинова 2009; Рощина 2012; Седых 2005; Шестак 2003; Щеглова 2010]; 4) речевых особенностей [Величко 2008; Геляева, Хучинаева 2012; Горошко 1996; Золотова 2013; Сопова 2011; Сухих 1998; Тхакушинова 2010] и др.

Даже простым перечислением определить количество разнообразных подходов к исследованию ЯЛ представляется довольно сложным.

Что же касается изучения ЯЛ с точки зрения особенностей когнитивного стиля, специфики манифестации последнего в различных типах дискурса, то данная проблема в лингвистике является наименее разработанной.

Следует отметить, что проблема когнитивных стилей впервые была поднята в психологии, и само понятие «когнитивный стиль» в рамках этой науки до сих пор остается дискуссионным.

В настоящее время в качестве специального термина и объекта исследования «когнитивный стиль» достаточно широко используется в психологии [Холодная 2004; Aylwin 1985; Ausubel 1968; Waber 1989 и др.], где этим термином обозначаются «устойчивые индивидуальные (личностные) особенности структуры интеллекта» [Ausubel 1968: 170], «индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуального поведения» [Холодная 2004: 16].

Для языкознания как термин «когнитивный стиль», так и области исследования в рамках данного понятия являются относительно новыми. Они связаны в основном со стилистикой литературного текста, с анализом поэтического идиостиля и индивидуальной концептосферы [Тарасова 2003; 2004; 2008; 2009; 2011; 2013]. Проблема лингвистического аспекта когнитивного стиля затрагивается в этих работах в связи с исследованием поэтической

концептосферы и функционально-когнитивных особенностей языковых единиц, характерных для идиостиля поэтов и писателей [Андреева 2005; Баева 2011; Тарасова 2011, 2013; Чарыкова 2000].

В лингвистике мало работ, посвященных когнитивным аспектам текстовой деятельности ЯЛ автора институционального и персонального типов дискурса [Леонова 2015; Прокудина 2009].

Поэтому как лингвистическое осмысление термина «когнитивный стиль», определение его объёма, так и выявление особенностей манифестации когнитивного стиля ЯЛ автора различных типов дискурса – институционального и персонального – представляются **актуальными** в теоретическом и практическом отношении.

Кроме того, проекция данного понятия на дискурсивную деятельность ЯЛ позволит по-новому подойти к характеристике языковой личности как институциональной и индивидуальной, с одной стороны, так и самых разных аспектов созданного ею дискурса (таких, как смысловая организация, структурная организация, доминантно используемые языковые средства и стратегии), с другой.

Поэтому в настоящей работе на основе анализа существующих в различных областях знания определений когнитивного стиля ставится задача обоснования того, что основой выявления объёма понятия «когнитивный стиль» являются создаваемые ЯЛ речевые произведения – институциональный и персональный типы дискурса – поскольку представляют собой продукт лингвокреативной дискурсивной деятельности языковой личности.

Объектом исследования в настоящей работе является когнитивный стиль языковой личности как индивидуальный и социально обусловленный способ содержательного и структурного представления информации в тексте/дискурсе.

Предметом исследования выступают «личностные инварианты» как способы и средства языковой манифестации когнитивного стиля ЯЛ в институциональном и персональном типах дискурса.

Поскольку ЯЛ получает воплощение в созданных ею текстах, в качестве **эмпирической базы исследования** были выбраны различные типы текста/дискурса – политический, научный, публицистический как типы институционального дискурса и бытийный в такой разновидности, как художественный, как тип персонального дискурса: Большая пресс-конференция Владимира Путина (Кабардино-Балкарская правда за 19 декабря 2014 года № 242 (24034); Большая пресс-конференция Владимира Путина 23 декабря 2016 года; статьи Александра Проханова в газете «Завтра» ([Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.onlinegazeta.info/moskow/moskva_gazeta_zavtra_online.htm (дата обращения 7 апреля 2016 года); работы учёных-лингвистов: Иванова В.Вс. (Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему // Языкознание: Взгляд в будущее / под ред. проф. Г.И. Берестнева. – Калининград: ФГУИПП «Янтар. Сказ», 2002), Никитина М.В. и Чудинова А.П. (Сборник научных трудов: С любовью к языку. Посвящается Е.С. Кубряковой. – М.–Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002); лирика С.А. Есенина (Есенин С. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5. Предисловие. – М.: Художественная литература, 1962).

Многогранность ЯЛ как объекта исследования, отсутствие в лингвистике монографического исследования когнитивного стиля языковой личности автора персонального и институционального типов дискурса обусловили **цель диссертационного исследования**, которая состоит в том, чтобы выявить особенности манифестации когнитивного стиля ЯЛ в институциональном (статусно-ориентированном) и персональном (личностно-ориентированном) типах дискурса.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) проанализировать работы, посвященные проблеме типологии ЯЛ и типологии дискурса;
- 2) определить соотношение понятий «институциональная личность» и «персональная личность» с понятием «когнитивный стиль»;

3) проанализировать различные аспекты изучения когнитивного стиля в психологии, педагогике, когнитивной психологии, когнитивной поэтике, когнитивной лингвистике;

4) определить соотношение понятий «идиостиль», «идиолект», «когнитивный стиль»;

5) выявить «личностные инварианты» и определить обусловленные ими инварианты–процессы, инварианты–репрезентации, инварианты–модальности, мотивационные когнитивные инварианты ЯЛ в институциональном и персональном типах дискурса;

6) определить, как в дискурсе известных ЯЛ – ученого Вяч.Вс. Иванова, политика В.В. Путина, публициста А.А. Проханова, поэта С.А. Есенина – реализуются индивидуально-личностные характеристики;

7) установить доминантные способы и средства языковой репрезентации «личностных инвариантов» ЯЛ в институциональном и персональном типах дискурса.

Исходя из того, что особенности языкового сознания личности обуславливают специфику речевой деятельности, обуславливая сочетание в ней элементов индивидуального и коллективного характера, в диссертации **рабочая гипотеза исследования** формулируется следующим образом. Создаваемый ЯЛ дискурс неизбежно содержит детерминированные индивидуальным и коллективным сознанием характеристики. Однако степень объективации «личностных инвариантов» и в целом особенности манифестации когнитивного стиля ЯЛ зависят как от принадлежности дискурса к персональному и институциональному типам, так и от индивидуально-личностных характеристик автора.

Анализ такого междисциплинарного объекта исследования, как «когнитивный стиль», обуславливает интеграцию общенаучных, общефилологических и частных лингвистических **методов**. В диссертации использованы такие методы, как: *наблюдение*, которое позволило выявить в дискурсе ЯЛ

признаки институционального и персонального типов; *количественный анализ*, производившийся с целью выявления наиболее частотных элементов в дискурсе и способствовавший определению концептов представления информации и специфических языковых особенностей коммуникативного поведения автора; *дискурс-анализ*, ориентированный на выявление «личностных инвариантов» когнитивного стиля языковой личности; *дистрибутивный и контекстологический анализы*, ориентированные на изучение языковой единицы в контексте, выявление значимых в дискурсе ЯЛ необычных окружений слова, связанных с выражением авторской интенции; *лингвоконцептуальный анализ*, направленный на исследование представленных в дискурсе концептов как единиц репрезентации индивидуальной и коллективной картин мира автора; *интертекстуальный анализ*, предполагающий выявление роли различных прецедентных текстов в выражении авторского замысла.

Теоретико-методологическую основу исследования составили базовые положения антропологической лингвистики, в частности, принцип антропоцентризма, предполагающий синтез идей когнитивного направления с дискурсивной деятельностью человека, а также обусловленная этим принципом проблема интеграции теории языковой личности и теории дискурса, разрабатываемая в исследованиях отечественных и зарубежных ученых [Аликаев Р.С., Алимуратов О.А., Апресян Ю.Д., Арутюнова Н.Д., Богин Г.И., Виноградов В.В., Геляева А.И., Голев Н.Д., Карасик В.И., Караулов Ю.Н., Красных В.В., Кубрякова Е.С., Макаров М.Л.; Манаенко Г.Н., Седов К.Ф. и др.], в частности, в работах по когнитивной лингвистике, в рамках которой язык рассматривается как общий когнитивный механизм хранения, как способ обработки/переработки информации [Демьянков В.З., Кубрякова Е.С., Геляева А.И., Маслова В.А., Красных В.В., Фрумкина Р.М., Шахнарович А.М., Шенк Р. и др.]; по общей теории языка и коммуникации [Дейк Т.А. ван, Бенвенист Э., Вежбицкая А., Залевская А.А., Касевич В.Б., Кибрик А.Е., Леонтьев А.А., Зин-

ченко В.Г., Сорокин Ю.А., Почепцов Г.Г., Тер-Минасова С.Г. и др.]; персонологии [Нерознак В.П., Седов К.Ф., Караулов Ю.Н., Герман Н.Ф., Домашнев А. И., Седых А.П. и др.], по различным типам дискурса [Аликаев Р.С, Базылев В.Н., Гергокаева Дж., Дж., Карасик В.И., Касевич В.Б., Олянич А.В., Седых А.П., Чудинов А.П., Е.И. Шейгал и др.].

Научная новизна исследования заключается в том, что:

1) впервые в настоящей работе такое понятие психологической науки, как «когнитивный стиль», получает лингвистическое осмысление и определение посредством проекции на дискурсивную деятельность ЯЛ;

2) когнитивный стиль понимается как относительно устойчивый и предпочтительный набор когнитивных операций по презентации информации, её структурированию и оценке, свойственный для дискурсивной деятельности конкретно-индивидуальной языковой личности, лингвистически и экстралингвистически обусловленный способом мировосприятия;

3) впервые на основе дискурсивного анализа выявляются общие особенности когнитивного стиля ЯЛ институционального и персонального типов дискурса;

4) впервые устанавливается, что особенности манифестации когнитивного стиля ЯЛ и степень проявления «личностных инвариантов» зависят от принадлежности дискурса – результата дискурсивной деятельности ЯЛ – к статусно-ориентированной или личностно-ориентированной сфере общения;

5) впервые определяются «личностные инварианты» когнитивного стиля ЯЛ, их конфигурации в персональном и различных разновидностях институционального типов дискурса.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Когнитивный стиль в лингвистическом осмыслении представляет собой свойственный для дискурсивной деятельности конкретно-индивидуальной ЯЛ относительно устойчивый и предпочтительный набор когнитивных опера-

ций по презентации информации, её структурированию и оценке, лингвистически и экстралингвистически обусловленный спецификой мировосприятия.

2. Исследование когнитивного стиля в качестве одного из способов объективации языкового сознания личности предполагает связь данного аспекта изучения ЯЛ с дискурсом, который выступает как пространство реализации результатов когнитивной деятельности его автора.

3. Особенности манифестации когнитивного стиля ЯЛ зависят от принадлежности дискурса к персональному и институциональному типам и проявляются в особой конфигурации «личностных инвариантов» и в разной степени их объективации в дискурсивном пространстве ЯЛ.

4. Хотя известная степень трафаретности институционального дискурса создаёт определенные рамки для манифестации специфики когнитивного стиля ЯЛ, дискурсы разных ЯЛ, созданные с соблюдением системы стандартов социального института, содержат «личностные инварианты», позволяющие говорить об особенностях когнитивного стиля «институциональной языковой личности», которая посредством использования различных способов структурной организации дискурса и концептов представления информации репрезентирует присущий ей когнитивный стиль.

5. Личностно-ориентированный дискурс в силу персонифицированного характера отличается многовекторностью и вариативностью содержания и различными способами представления концептуальной информации, что обуславливает свободное авторское представление материала и неограниченные возможности объективации специфики когнитивного стиля автора.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно, находясь на стыке таких разных областей знаний, как лингвистика, когнитивная лингвистика, психология, когнитивная психология, способствует исследованию фундаментальной проблемы соотношения индивидуального и коллективного в личности и вносит существенный вклад

в решение вопроса выявления человеческой индивидуальности посредством определения особенностей когнитивного стиля языковой личности. В работе на основе анализа дискурсов, реализуемых в разных сферах общения (политическом, научном, публицистическом, художественном), определяются инварианты-модальности, инварианты-процессы, инварианты-репрезентации и мотивационные когнитивные инварианты ЯЛ.

Исследование когнитивного стиля представляется особенно значимым для когнитивной лингвистики, а также лингвоперсонологии возможностью использования различных параметров в типологии ЯЛ.

Значимость исследования обусловлена также тем, что его результаты способствуют углублению теории языковой личности, теории дискурса, а также дальнейшей разработке проблемы когнитивных стилей, тем самым стимулируя развитие лингвокогнитивного и когнитивно-дискурсивного направлений в лингвистике.

Практическая ценность диссертации видится в том, что её результаты могут найти применение в вузовских курсах по теории языка, общему языкознанию, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, политической лингвистике, методологическим аспектам филологии, теории языковой личности, теории текста/дискурса.

Апробация работы. Основные положения и результаты проведенного исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», на научных конференциях: Международная научно-практическая конференция «Теория и практика приоритетных научных исследований» (Смоленск, 2016); Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива–2015», «Перспектива-2016» (Нальчик, 2015, 2016); Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы в современной науке и пути их решения»

(Москва, 2016); нашли отражение в научных журналах и сборниках: Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН (Нальчик, 2015); Филологические науки. Вопросы теории и практики (Тамбов 2015, № 8, № 11); Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики (Владикавказ 2016). По теме диссертации опубликовано 8 работ, в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура и объём работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списка источников эмпирического материала и списка сокращений. Объём работы – 174 страницы. Библиография включает 328 наименований, из них – 27 литература на иностранных языках.

ГЛАВА 1. КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Языковая личность как объект лингвистического анализа

Исследование ЯЛ в разных аспектах является одной из актуальных направлений современного языкознания. Теоретико-методологическую базу изучения ЯЛ составляют результаты исследований таких дисциплин, как философия, психология, социология, культурология, этнология, когнитология, лингвистика. Именно этим, а также многогранностью ЯЛ как объекта можно объяснить сложность и неоднозначность подходов к определению данного феномена и способам его описания.

Сегодня в лингвистической научной парадигме имеется достаточно большое количество работ, посвященных проблеме ЯЛ, формам ее существования, что позволяет говорить о разработанной и сформированной теории ЯЛ.

Интерес к ЯЛ можно назвать традиционным для языкознания, потому что представители разных направлений и школ (напр., психологического направления в языкознании, младограмматизма, этнолингвистики, философии языка) обращались к человеческому фактору в языке, к «человеку в языке» и «языку в человеке» (напр., Э. Бенвенист, К. Бюлер и др.) и рассматривали язык как «деятельность индивидуального человеческого духа» (В. фон Гумбольдт).

Что касается отечественной филологии, то она отличалась особым вниманием к языку отдельных личностей. В частности, в трудах В.В. Виноградова [1961; 1963, 1980; 1999], Ю.Н. Тынянова [1968], М.М. Бахтина [1979], В.М. Жирмунского [2006] и других поднимались проблемы соотношения личности автора и персонажа, специфики поэтической речи на основе анализа творчества А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.А. Ахматовой, а также публичных выступлений видных русских адвокатов (В.Д. Спасовича, А.Ф. Кони).

Однако определение понятия «языковая личность» и разработка теории языковой личности в отечественной лингвистике относится к 80-м годам XX века. Первые шаги в изучении языковой личности были сделаны В.В. Виноградовым, который ввел в научный оборот понятие «образ автора», ставшее предшественником термина «языковая личность».

Целостная концепция языковой личности и обоснование термина «языковая личность» принадлежат Г.И. Богину, который в диссертации «Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов» рассматривает языковую личность с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1984: 1].

Начиная с 90-х гг. XX века с появлением работы Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» понятие «языковая личность» «...становится стержневым системообразующим филологическим понятием. Большинство исследователей в настоящее время оно оценивается как интегративное, послужившее началом нового этапа в развитии языкознания – антрополингвистики» [Кочеткова 1996: 15].

В современной лингвистике изучение языковой личности приобрело статус теории, которая не только интегрирует различные подходы исследования ЯЛ, но, по мнению В.А. Масловой, обуславливает «пересмотр проблематики таких уже устоявшихся направлений языкознания, как психолингвистика, социолингвистика, лингвистика текста, которые активно включили в объект своего исследования языковую личность, языковое сознание. Без понятия «языковая личность» невозможно существование таких новых направлений, как лингвистическая персонология, биолингвистика, семиосоциопсихология» и др.» [Маслова 2007: 48–49].

ЯЛ как многоаспектный научный конструкт совмещает в себе различные характеристики: общечеловеческие и национальные, коллективные и ин-

дивидуальные, духовные и физические, эмоциональные и рациональные, требующие научного осмысления.

Многогранностью ЯЛ объясняется разнообразие её трактовок, в которых отражаются различные ипостаси ЯЛ: социальная, индивидуальная, эмоциональная, культурная, поведенческая, языковая и др.

Понятие «языковая личность» определяется в филологических работах как:

– «индивид, способный создавать закодированные обозначения внешнего мира, служащие моделью понятийной действительности и закрепленные кодификацией языкового коллектива» [Еремеева 1991: 44];

– «носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов: а) как индивидуум и автор этих текстов со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками...» [Шмелева 2003: 804];

– «срединное звено между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны» [Карасик 2004: 84];

– «тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин 1984: 12];

– «многомерная, многоуровневая функциональная система, дающая представление о степени владения языком и речью индивидом на уровне активного и творческого осмысления действительности» [Барсукова 2007: 10];

– «динамическая система, характеризующаяся особым соотношением различных параметров: духовного, душевного, интуитивного, рационального, сознательного, бессознательного, узуального, творческого, потенциального, репрезентативного и др.» [Ерошенко 2003: 19];

– «совокупность социально-психологических и культурологических свойств человека, определяющих ее способность к творческой текстовой деятельности и отображению специфической национально-языковой картины мира» [Годунова 2008: 11];

– «индивид, представленный через посредство своего речевого воплощения» [Мурзин 1995] и др.

Многоаспектность данного понятия находит свое конкретное выражение в типологии языковой личности, различным аспектам изучения которого посвящены десятки работ [см., напр.: Баранов 1993; Барсукова 2007; Беспямятнова 1994; Богин 1984; Воркачев 2001; Вострякова 1988; Еремеева 1991; Карасик 2004; Караулов 1987; Клобукова 1997; Клюканов 1990; Крысин 2001; Кочеткова 1996; Нерознак, Халеева 2005; Никитина 1989; Сухих 1998; Шаховский 2008; Шейгал 2000; Яковенко 1998 и др.], в которых рассматриваются языковые способы проявления релевантных признаков различных типов ЯЛ, речевого поведения и речевых стратегий создателя текста и т.д.

В соответствии с целевой направленностью настоящего исследования наиболее близкими представляются трактовки ЯЛ Ю.Н. Караулова как «совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [Караулов 1989: 3]; Г.И. Богина, который под языковой личностью понимает совокупность познавательных, творческих способностей и характеристик субъекта, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определённой целевой направленностью [Богин 1984: 1–2]; Е.В. Иванцовой, определяющей ЯЛ как «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах» [Иванцова 2010: 27].

1.1.1. Различные аспекты изучения языковой личности

В настоящее время лингвоперсонология объединяет специалистов различных областей знаний, изучающих ЯЛ с разных точек зрения. На сегодняшний день известно довольно большое количество направлений, в рамках которых данный языковой феномен исследуется с позиций разных подходов. Одни из них связаны с теоретико-методологическими основаниями исследования ЯЛ [Богин 1984; Карасик 2002; Караулов 1987; Красных 2003; Седых 2005 и др.], другие связаны с построением типологии ЯЛ и выявлением статуса её существования [Карасик 1992; 2002]. К числу таких направлений относятся выделение типов личности с позиций психолингвистики [Горелов 1997; Кулишова 2001; Ляпон 1995; Прокудина 2009; Пушкин 1990; Седов 2000; Сухих 1997 и др.], социолингвистики [Башиева, Дохова, Чепракова, Шогенова 2009; Беспмятнова 1994; Крысин 1976, 2001; Сиротинина 1996 и др.]; лингвокультурологии [Воркачев 2001; Карасик 2002; 2004 и др.]; лингвокогнитологии [Богомолв 2005, Осипова 2005; Прокудина 2009]; лингводидактики [Клобукова 1997]; лингвистики [Караулов 1987; Пушкин 1990; Сентенберг 1994; Сиротинина 1997; Седов 2000; Сусов 1989 и др.].

ЯЛ в лингвистике анализируется в разных аспектах: в прагматическом, коммуникативном, психологическом, социологическом, культурологическом, лингвистическом. Так, например, в различных исследованиях, выполненных в рамках социологического аспекта, выделены и описаны индикаторы определенных общественных групп [Карасик 1992 и др.]; выявлена специфика языка и стиля известных личностей [Бокова 2015; Кузнецова 2013; Искандарова 2012; Драчева 2000], в том числе профессиональной ЯЛ [Баишева 2007; Беспмятнова 1994; Бушев 2012; Золотова 2013]; в рамках культурологического аспекта определены лингвокультурные типажи [Карасик 2009; Крысин 2001; Попова 2004; Махнёва 2012]; в рамках лингвистического аспекта описаны особенности языка и коммуникативного поведения

носителей разных социальных групп и культур [Башиева 2014; Буряк 2012; Василюк 2004; Лютикова 2000] и др.

Кроме того, при типологии ЯЛ учитываются такие характеристики, как коллективность/индивидуальность; универсальность/национальная специфичность; менталитет; социальная принадлежность; психофизиологические характеристики; уровень владения языком (родным и иностранным); иерархия ценностей; особенности картины мира и др.

Исследования, выполненные в рамках каждого направления, актуализируют определенные особенности ЯЛ и отражают специфику её познавательной, поведенческой и коммуникативной деятельности.

Приоритетная роль в разработке теории языковой личности принадлежит лингвистике.

Известно, что ЯЛ проявляется через специфику своего коммуникативного поведения. Поэтому ЯЛ – *Homo Loquens* (HL) является объектом именно лингвистики, в которой он выступает в различных ипостасях: как языковая личность, коммуникативная личность, диалогическая личность, коллективная личность, кооперативная личность, элитарная личность, авторитарная личность, стандартная личность, говорящий, слушающий, пишущий, читающий, автор, читатель, ученый, политик, журналист и т.д. По мнению А.А. Чувакина, совокупность таких объектов, как текст, *homo Loquens* и естественный человеческий язык выступают предметом исследования филологических дисциплин [Чувакин 2011]. Филология последних десятилетий актуализирует связь своего классического объекта – текста – с его создателем и получателем (языковой личностью), что находится в русле новой антропоцентрической парадигмы, отличающейся от предыдущих тем, что происходит переключение интереса с объекта на субъект.

Методы изучения ЯЛ различны и зависят от конкретных целей и задач, которые ставит перед собой исследователь. Акцент на коммуникативной дея-

тельности делает объектом филологии Homo Loquens, акцент на результатах этой деятельности делает объектом филологии текст, Homo Loquens и текст связаны с базовым объектом филологии – естественным языком. Однако исследование ЯЛ не ограничивается только лингвистическим анализом созданных её речевых произведений, а неизменно включает исторические и культурные аспекты их изучения.

Следует отметить, что в современной отечественной лингвистике разработаны основные положения теории языковой личности, а также критерии классификации различных типов языковой личности. К числу таких критериев, например, относятся:

- тип речевой культуры, на основе которого выделяются типы ЯЛ, например, русская, французская, кабардинская и балкарская ЯЛ [Василюк 2004; Седых 2005; Башиева, Дохова, Шогенова 2013 и др.];

- тип ЯЛ, выделяемый на основе её отношения к языку, то есть использования литературного языка, диалекта, обладающий высоким, средним и низким уровнем коммуникативной компетенции, степени приближения коммуникативной компетенции к идеалу и т.д. [Красных 1998; Иванцова 2002; Нерознак, Халеева 2005; Седов 2001; Сиротинина 1998; Сухих 1998; Шейгал 2000 и др.];

- тип ЯЛ, обусловленный типом речевого поведения [Ляпон 1995; Седов 2001 и др.];

- социальные типы ЯЛ, выделяемые по возрастному, гендерному, профессиональному и другим признакам [Беспамятного 1994; Карасик 2009; Мещерякова 2007; Махнева 2012 и др.];

- тип ЯЛ, выделяемый с точки зрения социального статуса или роли и ожидаемой модели поведения индивида [Беспамятного 1994; Крысин 2001; Тупицына 2000 и др.];

– тип ЯЛ, выделяемый по её способности к речетворчеству, то есть креативности, которая находит выражение в языковой игре [Норман 2006 и др.].

Для нас особую актуальность представляет типы ЯЛ, которые могут быть выделены на основе институционального и личностного характера коммуникации. В частности, интерес представляет то, как проявляется специфика когнитивного стиля ЯЛ в институциональном, то есть статусно-ориентированном, и персональном, то есть лично-ориентированном, типах дискурса. В этой связи мы актуализируем такие понятия, как «конкретно-индивидуальная языковая личность» [Карасик 2009: 176] и «институциональная языковая личность» [Сопова 2011].

Следует отметить, что термин «институциональный человек» появился в отечественной научной литературе на рубеже XX–XXI вв. [Артемов 2014: 26]. Более того, отмечалось, что «человек институционален по своему общественному происхождению» [Иншаков 2005: 59]. На новый термин, появившийся вначале в философской и экономической научной литературе, обращают внимание исследователи других областей знаний, в частности, лингвистики. В лингвистических исследованиях этот термин используется как «институциональная ЯЛ», представляющая собой модель характерных для ЯЛ речевых особенностей в типичных ситуациях языкового общения в рамках статусно-обусловленного коммуникативного сценария [Сопова 2011].

В этой связи представляется интересной мысль философа В. Соловьёва о том, что общество есть расширенная личность. С другой стороны, можно сделать вывод о том, что личность есть «сжатое общество», то есть человек изначально является существом лично-общественным, институциональным. Хотя понятие «языковая личность» связано с индивидом и репрезентируется в дискурсе, формирование языковой личности происходит на основе присвоения всего, что создано социумом. То есть, язык конкретно-индивидуальной личности состоит из универсальных и индивидуальных языковых особенностей.

А.Б. Орлов пишет, что личность традиционно определяется как «синтез всех характеристик индивида в уникальную структуру, которая определяется и изменяется в результате адаптации к постоянно меняющейся среде и в значительной мере формируется реакциями окружающих на поведение данного индивида», «личность – это социальное по своей природе, относительно устойчивое и прижизненно возникающее психологическое образование, представляющее собой систему мотивационно-потребностных отношений, опосредующих собой взаимодействия субъекта и объекта» [Орлов 2002: 47].

В большинстве определений под личностью понимается человек в совокупности его социальных и жизненно важных качеств, приобретенных им в процессе социального развития. Согласно лексикографическим источникам и современным учебникам по общей психологии личности, «личность – это социальная сторона, социальное качество в человеке. Это конкретный человек, представитель определенных социальных общностей (нация, класс, коллектив), занимающийся определенными видами деятельности, осознающий свое отношение к окружающей среде и имеющий свои индивидуальные особенности» [Психологический словарь]; «это конкретный человек, взятый в системе его устойчивых социально обусловленных психологических характеристик, которые проявляются в общественных связях и отношениях, определяют его нравственные поступки и имеют существенное значение для него самого и окружающих» [Маклаков 2000: 471].

Личность, по образному определению Н.Ф. Алефиренко, рождается как своеобразный «узелок», завязывающийся в сети взаимных отношений между членами социума в процессе их совместной деятельности. Г.И. Богин также подчеркивает, что языковую личность можно исследовать только во взаимодействии с социальной средой.

Языковая личность, рассматриваемая в этом аспекте, представляет собой неразрывную связь коллективного и индивидуального. С одной стороны,

коллективное в языковом сознании ЯЛ обусловлено индивидуальным опытом многих отдельных личностей, с другой стороны, конкретно-индивидуальная личность формируется на основе коллективного опыта.

Таким образом, ЯЛ представляет собой сложное переплетение коллективного, преломленного через призму индивидуальности, и индивидуально-включенного в коллективное. А если исходить из двух составляющих языковой личности, собственно языковой и коммуникативной, то ЯЛ в дискурсе может быть объективирована, во-первых, как конкретно-индивидуальная личность со специфическими языковыми характеристиками и особенностью коммуникативного поведения, во-вторых, как представитель определенного социального института, обуславливающего соблюдение статусно-ролевых и коммуникативных норм. Представляется поэтому, что специфика объективации особенностей когнитивного стиля ЯЛ будет зависеть как от конкретно-индивидуальных характеристик личности, так и от статусного характера и ситуации коммуникации.

1.1.2. Выявление специфики когнитивного стиля как один из аспектов изучения языковой личности

Связанный с антропоцентрической парадигмой глобальный интерес к личностному аспекту изучения словесных произведений привел к тому, что от дефиниции «текст – это отражение действительности» лингвистика постепенно перешла к «исследованию коммуникативной деятельности человека, к выявлению креативных моментов этой деятельности, к рассмотрению текста как продукта порождения языковой личности» [Геляева, Хучинаева 2012: 148].

Исследовательскую установку современной науки о языке наиболее ярко характеризуют слова Ю.Н. Караулова: «за каждым текстом стоит языковая личность» [Язык и личность 1989: 4-5]. Поэтому отдельное рассмотрение текста и его создателя и получателя – языковой личности – проводится в лингвистике

лишь для конкретизации исследовательских целей. При этом источниками анализа являются созданные индивидом устные и письменные тексты.

Во многих научных исследованиях предпринят анализ языка конкретно-индивидуальной ЯЛ, в частности, личности ученого, поэта, прозаика, исторического деятеля, литературного персонажа. Так, например, объектом исследования явились индивидуально-авторская концептосфера И.А. Бунина [Мещерякова 2007], языковая личность Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла и Архиепископа др. Роберта Цоллича [Махнёва 2012], ЯЛ Ивана Грозного [Попова 2004] и др. Актуальность подобного рода исследований не вызывает сомнения, поскольку анализ созданных отдельными личностями текстов позволяет воссоздать целостную индивидуальную языковую картину мира личности, познать особенности мировосприятия и речевого поведения, то есть, многообразие механизмов проявления ЯЛ.

В рамках целевой направленности исследования для нас представляют особый интерес аспекты изучения ЯЛ, выделенные В. И. Карасиком: ценностный аспект, который проявляется в нормах поведения, закрепленных в языке; познавательный (когнитивный) аспект, который выявляется посредством анализа картины мира ЯЛ; поведенческий аспект, который характеризуется как «совокупность вербальных и невербальных индексов, определяющих языковую личность как индивидуума [Карасик 2002: 22–54].

Мы также опираемся на представленную в работе Ю.Н. Караулова трехуровневую модель структуры языковой личности: вербально-семантический, объективированный в непосредственном наблюдении структурно-языковых элементов, когнитивный, актуализирующий когнитивное пространство языковой личности, её картину мира, и прагматический (мотивационный), выявляющий мотивы и цели ЯЛ [Караулов 1987].

Сопоставляя трехчастную структуризацию аспектов изучения ЯЛ, предложенную В.И. Карасиком, а также трехуровневую модель структуры ЯЛ

Ю.Н. Караулова, можно констатировать, что проблема понимания природы когнитивной деятельности человека и механизмов представления её результатов в языке является одним из приоритетных направлений исследования языковой личности. Основным принцип современной лингвистики – антропоцентризм, по мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, выступает как «постулат о примате когнитивного» [Баранов, Добровольский 1997], согласно которому когнитивные структуры определяют функционирование языковых единиц. Как отмечает А.Е. Кибрик, «языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая «отражается» в зеркале естественного языка» [Кибрик 2008: 75]. На это указывал и представитель американской этнолингвистики Э. Сепир: «язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены» [Сепир 1993: 193].

В этой связи особый интерес для нас представляет так называемый «стилевой подход» к изучению ЯЛ, сформированный в психологии, в рамках которого были сформулированы некоторые положения о природе когнитивных стилей. Для нас является значимой актуализация трактовки когнитивных стилей как предпочтений в выборе способа интеллектуального поведения, речевых стратегий и языковых средств их репрезентации в зависимости от целей, контекста ситуации и требований реальности. Если когнитивный стиль понимать как предпочтения тех или иных способов когнитивной деятельности, то он выступает как форма проявления индивидуальных способностей ЯЛ.

Таким образом, ЯЛ как многослойный объект лингвистического изучения, обуславливающий множество аспектов изучения, предполагает в качестве одного из актуальных направлений **исследование специфики когнитивного стиля**. Поскольку объект нашего исследования – когнитивный стиль ЯЛ – концептуально объединяет в своём названии стиль с определением «когнитивный», когнитивный стиль языковой личности мы рассматриваем, с одной стороны,

как один из этапов понимания стиля индивида, с другой – как аспект изучения ЯЛ. Именно термином «когнитивный стиль» актуализируется неразрывная связь когнитивных структур ЯЛ с языковыми структурами. Именно исследование особенностей когнитивного стиля позволяет выявить специфику структурно-смысловой организации индивидуального ментального опыта, а также набор постоянных характеристик («констант») ЯЛ, выступающих в качестве доминант языкового сознания и коммуникативного поведения.

Именно благодаря такому аспекту исследования ЯЛ, как анализ её когнитивного стиля, становится возможным выявить когнитивные способности личности в организации и репрезентации интеллектуальной деятельности, в частности, определить предпочитаемые способы объективации её ментального мира. Поэтому специфика такого феномена, как «когнитивный стиль», на наш взгляд, состоит не только в существовании своеобразия ментального мира, но и в том, что с помощью данного механизма структурируется и получает вербальную репрезентацию индивидуальная картина мира ЯЛ.

Рассмотрение когнитивного стиля в качестве одного из способов объективации языкового сознания личности как креативной системы предполагает связь данного аспекта изучения ЯЛ с дискурсом, который выступает, с одной стороны, как инструмент репрезентации внутреннего мира автора дискурса, с другой, представляет экстралингвистические характеристики, связанные с культурно-историческими, социально-ситуативными и коммуникативными планами общения.

Поскольку языковую личность в лингвистике можно анализировать с позиций языкового сознания и речевого поведения, материалом анализа в любом аспекте выступает текст/дискурс, в составе которого выявляются определенные маркеры, связанные с речевым поведением, стратегиями, и на основе этого диагностируются личностные инварианты создателя дискурса.

1.2. Различные трактовки понятия «дискурс» в лингвистике

Выдвижение текста/дискурса в качестве центрального объекта не только филологии, но и гуманитарного знания в целом обусловлено особенностями современного этапа развития науки, её антропоцентрической направленностью. Антропоцентризм, по мнению Е.С. Кубряковой, предполагает то, что «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функции для развития человеческой личности...» [Кубрякова 1995: 212]. Поскольку общение человека, его взаимодействие с другими происходит на основе текста, поскольку получение, хранение и передача информации происходит в текстовой форме, текст/дискурс выдвигается в качестве главного объекта филологической науки. Для определения важности дискурса в рамках данного исследования представляется целесообразным привести слова Г.И. Богина о том, что текст, воспринимаемый и создаваемый индивидуумом, является главной характеристикой языковой личности.

Проблема дискурса в настоящее время находится в центре лингвистических исследований.

Не останавливаясь на таких проблемных направлениях новой научной дисциплины – дискурсологии, как соотношение текста, речи и дискурса, структура, функции, категории дискурса, и на конкретном анализе различных подходов к дискурсу, мы актуализируем наиболее адекватные для целей нашего исследования проблемы дискурса, в частности его определение, связь дискурса с регистром общения и проблему типологии.

В науке существуют различные трактовки понятия «дискурс». В контексте нашего исследования заслуживают внимания следующие определения дискурса, принятые в отечественной лингвистике и во многом соответствующие пониманию данного термина Т.А. ван Дейком и П. Серио: «Дискурс –

это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137]; «дискурс – это вербализованная речемыслительная деятельность, взятая во всей совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов и закрепленная в форме текстов (устных и письменных [Красных 2003: 113]; «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве [Чернявская 2001: 14].

Интересной представляется характеристика дискурса как языкового существования, предложенная Б. М. Гаспаровым: «Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своём качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан» [Гаспаров 1996: 10]. Такими обстоятельствами ученый называет: 1) коммуникативные намерения автора; 2) взаимоотношения автора и адресатов; 3) всевозможные «обстоятельства», значимые и случайные; 4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано в частности; 5) жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается; 6) множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия» [Там же: 10]. Данная характеристика

дискурса интересна для нас тем, что в ней интегрируются признаки дискурса как когнитивного, так и коммуникативного образования.

Не менее интересной в рамках целевой направленности исследования является актуализация связанности дискурса с ЯЛ и способами и средствами, или регистром, общения.

Под регистрами речи понимают параметры (условия) коммуникации, связанные с расположением говорящего или пишущего, слушающего или читающего во времени или в пространстве [см., напр., Жеребков 1985: 64]. Для определения регистра общения М. Халлидей вводит понятие «контекст ситуации», который включает три параметра: «поле», обстановка общения; тональность, стиль дискурса; «модус», канал общения» [Halliday 1978, цит. по: Карасик 2009: 239–240].

Для характеристики когнитивного стиля ЯЛ важно определение регистра общения как варианта языка, который говорящий выбирает в зависимости от коммуникативной ситуации, в целом от социального контекста. Именно социальный контекст предполагает все важные жанрово-стилистические характеристики дискурса, как информативные, так и обусловленные личностью адресанта и проекцией дискурса на определенного адресата. Поэтому В.И. Карасик определяет дискурс как «образование, построенное по определенным канонам в соответствии с целями и обстоятельствами общения, и степень каноничности дискурса и является основанием для его типизации» [Карасик 2002: 245].

Особую значимость для нас представляет определение дискурса, данное Г.Н. Манаенко: дискурс – это «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов» [Манаенко 2003: 37]. По мнению Г.Н. Манаенко, модель дискурса состоит из четырёх компонентов:

1) среда (тип социального события, его цель, социально-идеологические условия, обстановка); 2) социальный субъект (социальный статус, ролевые отношения, социальная активность участников, их личные отношения); 3) содержание (интенции и цели, мировоззренческие позиции, общий фонд знаний, знания правил и норм коммуникации), 4) текст (тема речевого общения, отнесенность к какому-либо речевому жанру, композиционное построение высказываний, специфика отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия [Там же: 38].

В соответствии с целевой направленностью данной работы мы в определении дискурса, предложенном Г.Н. Манаенко, актуализируем связь дискурса с субъектом речевой деятельности в определенной сфере человеческого общения и детерминацию этой деятельности социальными условиями, обстановкой и отношениями участников коммуникации.

1.2.1. Типология дискурса

По проблеме типологии дискурса среди исследователей нет единого мнения. С той или иной степенью полноты различные типы дискурса рассматриваются в работах таких ученых, как Т. ван Дейк, Н.Д. Арутюнова, Ю.В. Рождественский, В.И. Карасик, Ю.Е. Прохоров, В.Б. Кашкин и др., которые предлагают свои классификации дискурса, основанные на различных критериях.

Так, на основе критерия «канал передачи информации» выделяются устный, письменный типы дискурса, а также дискурс, сочетающий признаки устного и письменного типов, – гибридный [Кашкин В.Б.]; монологический, диалогический и полилогический типы дискурса [Загнитко АЛ., Кашкин В.Б. и др.]), а также тип дискурса, основанный на электронном способе передачи информации, который представлен в виде общения при помощи СМС, сообщениями в чатах, на форумах [Юсупова Т.С.].

Философы также предлагают свою классификацию дискурсов. Исходя из того, что любой дискурс имеет цель, жанры дискурса философы класси-

фицируют по иерархичности целей. Не разграничивая жанры дискурса и собственно дискурс, философы выделяют гипотаксические и паратаксические дискурсы. В первых типах дискурса, по их мнению, промежуточная цель подчинена главной (напр., обвинительная речь в суде). Вторые же типы дискурса функционально не разграничены, к ним относятся, например, болтовня в курилке, радиопередача и т.п. [Касавин 2006: 11].

По критерию «отнесенность к тексту или ситуации» И.Т. Касавин выделяет текстуальные и ситуационные дискурсы. По мнению исследователя, текстуальные дискурсы закреплены в тексте, «превращены» в него, а ситуационные дискурсы связаны с определенной ситуацией и носят преимущественно устный характер (выяснение отношений, дискуссии в коллективах и т.п.) [Касавин 2006].

В соответствии с критерием «характер адресата» проводится классификация дискурсов на адресатные и безадресатные. Адресатные дискурсы ориентированы на адресата, более или менее обозначенного [Загнитко А. Л.], тогда как безадресатные или общеадресатные типы дискурса направлены не на какую-то конкретную личность участника коммуникации, а на адресата как такового, адресата вообще. К данному типу А. Л. Загнитко относит художественный, публицистический, научный и другие дискурсы.

Исследование дискурса с точки зрения его направленности/ненаправленности на адресата представляется перспективным аспектом дискурсивного анализа.

В соответствии с данным критерием и на основе таких признаков, как способ коммуникации, публичность/приватность коммуникации, О.Ф. Русакова в коллективной монографии «Современные теории дискурса» выделяет следующие типы дискурса: дискурсы повседневного общения (бытовые разговоры, дружеские беседы и т.д.); институциональные дискурсы (юридический, административный и т.д.); политический дискурс (дискурс политиче-

ских идеологий, политических институтов, политических акций); публичный дискурс (дискурс гражданских инициатив и выступлений, дипломатический, PR-дискурс); медиа-дискурсы; арт-дискурсы; дискурс деловых коммуникаций (дискурс деловых переговоров, бизнес-коммуникаций); маркетинговые дискурсы (дискурс рекламы, продаж и т.д.); академические дискурсы (дискурс научных сообществ, гуманитарных дисциплин); культурномировоззренческие дискурсы (дискурсы культурных эпох, философских и религиозных течений) [Rusakova 2006: 29].

Проблема типологии дискурса наиболее тщательно и многосторонне представлена в работах В. И. Карасика. Ему принадлежат несколько вариантов типологии дискурса, основанные на разных критериях. Во-первых, В.И. Карасик противопоставляет перформативный и неперформативный типы дискурса. В основе такого различия, по мнению В.И. Карасика, лежит «противопоставление по признаку «факт – фикция» [Карасик 2009: 298]. Ученый считает, что «общение, содержанием которого является заведомо неверифицируемая и не принимаемая на веру информация, следует признать фикциональным. В этом плане признак перформативности соотносится с признаком информативности» [Там же: 298]. Одним из важных признаков перформативности В.И. Карасик признаёт отнесенность речи к настоящему времени. В качестве примера перформативных высказываний и дискурса исследователь приводит религиозный и юридический дискурсы [Там же: 299–300]. При этом он высказывает мнение, что почти всегда официальное общение можно называть перформативным [Карасик 2009: 300]. Представляется, что к данному типу можно отнести, в частности, административный, судебный, военный дискурсы.

В. И. Карасиком также разработана типология дискурса на основе прагмалингвистического и социолингвистического критериев.

В соответствии с прагмалингвистическим критерием, В.И. Карасик выделяет юмористический и ритуальный типы дискурса, тогда как основой

классификации прагмалингвистических типов дискурса выступают следующие параметры: одноплановость/многоплановость смыслов; заданность/открытость реакции; серьезность/несерьезность общения; абсурдность/реальность, кооперативность/конфликтность общения; приоритет содержания/формы общения; конкретность/отвлеченность тематики [Карасик 2009: 305]. Исходя из предложенных параметров, ученый выделяет такие типы дискурса, как: одномерный/многомерный; сценарный/несценарный; серьезный/юмористический; этикетный или кооперативный/агональный; информативный/фасцинативный; перформативный/аргументативный [Карасик 2002: 320–332]. По мнению автора данной классификации, типичным жанром юмористического дискурса является анекдот, модель которого строится на основании трёх признаков: юмористическая интенция, юмористическая тональность и стереотипы юмористического поведения [Там же: 332], тогда как ритуальный дискурс характеризуется как «закрепленная традицией последовательность символически значимых действий... особый символически нагруженный поступок, подтверждающий соответствие ритуальной ситуации её сакральному образцу» [Там же: 333].

Кроме того, В.И. Карасик отмечает, что «ритуализация в разной степени присуща различным типам дискурса, выделяемым на социалингвистическом основании, и специфически преломляется в конститутивных признаках типов институционального дискурса (цель, участники, хронотоп, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы)» [там же: 335].

Для нас особую ценность представляет типология дискурса, разработанная В.И. Карасиком на основе прагмалингвистического и социалингвистического критериев и выделение на этой основе личностно-ориентированного (персонального) и статусно-ориентированного (институционального) типов дискурса. Отличительными особенностями личностно-ориентированного общения, как считает В.И. Карасик, является его связь с ситуациями, «когда

участники общения раскрывают друг другу все богатство своего внутреннего мира и воспринимают друг друга как личности» [Карасик 2009: 278]. Автор выделяет две разновидности личностно-ориентированного дискурса: бытовой и бытийный. Бытийный дискурс, по его мнению, может быть художественным или философским. Он относит художественный дискурс к разновидностям личностно-ориентированного (персонального) типа дискурса.

Статусно-ориентированный (институциональный) тип общения имеет место в тех ситуациях, когда его участники являются представителями того или иного социального института, который выступает как «властная инстанция, которая управляет иерархией статусных ролей, осуществляет статусно-ролевое позиционирование основных субъектов социального института» [Русакова, Русаков 2008: 93]. Институциональным В.И. Карасик называет дискурс, «в рамках которого противопоставляются сложившиеся в обществе типы общения (политический, педагогический, религиозный, медицинский, научный, юридический, рекламный, военный, дипломатический и другие, отражающие специфику соответствующего социального института)» [Карасик 2009: 278].

Важным признаком институционального дискурса некоторые авторы признают его связь с властной инстанцией как основной характеристикой социального института, поскольку власть выступает как «форма социальных отношений, характеризующаяся способностью влиять на характер и направление деятельности и поведения людей, социальных групп и классов посредством экономических, идеологических и организационно-правовых механизмов, а также с помощью авторитета, традиций, насилия, права» [Мартынов 2012: 290]. Поэтому дискурсы представителей разных профессий, не имеющих связи с властными инстанциями, называют профессиональными дискурсами или дискурсами профессиональных сообществ [Зайцева 2010: 34].

В рамках типологии дискурса, а также для цели настоящего исследования значимыми представляются проблемы разграничения личностно-

ориентированного (персонального) и статусно-ориентированного (институционального) типов дискурса, определения наиболее полного списка институциональных дискурсов и их соотношения с профессиональными, установления границ между бытовым и бытийным дискурсами и др.

Нам представляется целесообразным подход к изучению дискурса с позиций теории поля, предлагаемый С.А. Даниловой, согласно которому в каждом типе дискурса можно выделить ядро и периферию. По мнению Д.Р. Фахрутдиновой, любой институциональный дискурс в качестве периферийных допускает включение элементов персонального дискурса, и наоборот [Фахрутдинова 2008: 262]. В монографии «Homo institutus – Человек институциональный» отмечается, что «... бытовое общение является генетически исходным и содержит в свернутой форме особенности общения на статусно-представительском уровне. Полное устранение личностного начала превращает участников институционального общения в манекенов, но, вместе с тем, существует интуитивно ощущаемая участниками общения граница, выход за которую подрывает основы существования того или иного социального института» [Homo institutus – Человек институциональный 2005: 679–680].

Мы, как и Фахрутдинова Д.Р., склонны считать, что между институциональным и персональным типами дискурса нет четких границ. Это, прежде всего, имеет место в неядерных жанрах, например, в научно-популярных жанрах научного дискурса.

Следует отметить, что противопоставление персонального и институционального дискурса проводится в исследовательских целях. В действительности, как отмечает В.И. Карасик, институциональный и персональный типы дискурса включают в себя признаки других типов дискурса, проявляющиеся «на чужой территории», т.е. транспонированные признаки (например, элементы проповеди как части религиозного дискурса в политическом, рекламы – в медицинском, научной дискуссии – в педагогическом) [Карасик 2000].

Вместе с тем следует признать, что для различных типов институционального дискурса свойственны определенные пропорции статусных и личностных компонентов.

Таким образом, институциональный и персональный типы дискурса кроме ядерных признаков содержат и периферийные: а именно, институциональный – элементы персонального, а персональный – элементы институционального. Из этого логически вытекает, что как институциональный, так и персональный типы дискурса достаточно подвижны и склонны к изменениям, поскольку естественная коммуникация характеризуется синкретичностью рационального и эмоционального. Лабильность дискурса зависит также от того, что коммуникативное поведение языковой личности – автора дискурса – многомерно и характеризуется как стандартными моделями передачи информации, так и отклонениями от этой модели. Кроме того, оно совмещает разные коммуникативные планы общения: передачу информации, поддержание контакта, воздействие, самопрезентацию и др. От степени реализации той или иной модели и присутствия доминантных средств выражения данных коммуникативных планов в конкретном дискурсе зависит степень институциональности / персональности дискурса.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что используемые разными авторами критерии классификации дискурса весьма разнообразны, что объясняется как неоднозначностью подхода исследователей к типологии дискурса, так и сложностью исследуемого объекта, совмещающего в себе разные характеристики. Так, например, институциональный дискурс может быть адресатным или не иметь конкретного адресата, письменным и устным, монологическим и диалогическим, включать в себя элементы персонального дискурса и т.д. Исходя из этого, логично предположить, что разработка непротиворечивой типологии дискурса является довольно сложной задачей.

Нам представляется, что та или иная типология дискурса, а также выделение и отдельное рассмотрение конкретных его типов зависит от тех задач, которые ставит перед собой исследователь.

В соответствии с целью нашей работы, объектом исследования в настоящей диссертации явились институциональный и персональный типы дискурса с точки зрения объективации в них особенностей когнитивного стиля языковой личности, в частности, такие типы институционального дискурса, как политический, публицистический и научный, и персонального дискурса, как бытийный (художественный). В целях актуализации специфики когнитивного стиля ЯЛ в работе анализируются названные типы институционального и персонального дискурсов, созданные разными личностями. Такой подход представляется нам целесообразным, так как позволяет установить, во-первых, как особенности когнитивного стиля ЯЛ репрезентируются в персональном (личностно-ориентированном) и институциональном (статусно-ориентированном) типах дискурса, во-вторых, какие признаки присущи дискурсу конкретной ЯЛ.

1.2.2. Дискурсивный анализ как метод изучения специфики когнитивного стиля языковой личности

В настоящее время различные направления, связанные с исследованием дискурса, объединяются под общим названием дискурс-анализ (анализ дискурса, дискурс(ив)ный анализ), который понимается как отдельная интегративная «лингвистическая дисциплина, изучающая структуру синтаксических последовательностей, больших, чем высказывание, с точки зрения их порождения и использования в реальных условиях человеческой коммуникации» [Иванов 2003: 165]. Будучи новой дисциплиной, дискурсивный анализ объединяет различные направления исследования дискурса, связанные как с анализом структуры и языковых особенностей дискурса, так и его идеологических, исто-

рических, культурных аспектов, социолингвистических и психолингвистических моделей, специфики проявления в нём межличностного взаимодействия.

Аспекты изучения дискурса в рамках различных направлений зависят от конкретных исследовательских целей. Поскольку язык получает конкретную реализацию в дискурсе, языковые явления не могут быть адекватно описаны вне их дискурсивного употребления. А поскольку использование языка в конкретных коммуникативных ситуациях связано с языковой личностью, то и ЯЛ можно описать на основе анализа её дискурсивной деятельности. Исходя из этого, дискурсивный анализ является в настоящей работе одним из основных методов исследования специфики когнитивного стиля ЯЛ автора институционального и персонального типов дискурса.

Многие исследователи дискурса едины во мнении, что «целью дискурсивного анализа является выявление социального контекста, стоящего за устной или письменной речью, исследование взаимосвязи между языком и социальными процессами. Трактовка языка как дискурса включает отношение к нему как к форме социального действия, непосредственным образом укорененного в социальных условиях его реализации» [см., напр.: Прокошкова, Гецкина 2006: 452].

Известно, что существуют не только формальные, но и глубинные принципы построения дискурса, которые зависят от социального контекста, ситуации, способа или канала передачи информации, коммуникативной цели, наличия контакта между адресантом и адресатом во времени и пространстве, реальности или виртуальности коммуникации, статуса языковой личности и др. На наш взгляд, выявление этих принципов является целью дискурсивного анализа.

Исходя из того, что дискурс, с одной стороны, выступает как динамический коммуникативный процесс, с другой, – как результат этого процесса – текст, он может быть исследован и как процесс, и как результат.

При исследовании дискурса ЯЛ как процесса и результата для нас важна актуализация двух её аспектов – социального и когнитивного. С одной стороны,

дискурс как социальный феномен детерминируется культурно-историческими условиями и характеризуется универсальными, присущими для конкретного социума признаками. С другой стороны, дискурс как когнитивный феномен обуславливается как общими для человеческой когниции процессами, так и характерными для определенной ЯЛ когнитивными стратегиями структурно-смысловой организации информации в нем. Часть этой информации манифестируется в вербальной форме, часть остается невыраженной.

По мнению одного из известных представителей французской школы М. Фуко, цель дискурс-анализа состоит в том, чтобы «отыскать безгласные, шепчущие, неиссякаемые слова, которые оживляются доносящимся до наших ушей внутренним голосом. Необходимо восстановить текст, тонкий и невидимый, который проскальзывает в зазоры между строчками и порой раздвигает их. ...Его главный вопрос неминуемо сводится к одному: что говорится в том, что сказано?» [Фуко 1996: 29]. То есть для дискурсивного анализа важно выявление не только того, что реально эксплицировано в его рамках, но и того, что осталось невысказанным, скрытым.

Как считает Т.Б. Алисова, дискурсивный анализ связан не только с исследованием структуры, таксономии дискурса, его связи с более «мелкими» уровнями языка, но и с определением того, где, когда, кем текст/дискурс создан, к кому обращен, по какому поводу, с какой целью, в чьих интересах, каковы оценочные, идеологические установки автора [Алисова 1996]. Поскольку коммуникация по природе совмещает в себе множество модусов и модальностей, дискурсивный анализ позволяет выявить и исследовать их в единстве.

В рамках целевой направленности настоящей диссертации дискурсивный анализ используется для определения «личностных инвариантов» автора институционального и персонального типов дискурса, выявления специфики сочетания универсальных и индивидуальных характеристик дискурсивной деятельности ЯЛ при репрезентации, структурировании и оценке информации.

1.3. Особенности подхода к определению термина «когнитивный стиль» в различных областях знания

Известно, что индивидуальные различия в способах обработки и переработки информации впервые стали изучаться в 50–60-х годах XX века такими американскими психологами, как Г. Уиткин, Дж. Каган, Г. Клейн, Р. Гарднер, Д. Озбел и другие. В рамках когнитивной психологии в результате исследования индивидуальных особенностей человеческого интеллекта в обработке информации многозначное понятие «стиль» стало использоваться для характеристики различий в способах восприятия и мышления. Само понятие «когнитивный стиль» (cognitive styles) впервые в научный оборот было введено во второй половине XX века американским психологом Р. Гарднером.

В отечественной психологической науке исследования когнитивных стилей относятся к 70-м годам XX века [Колга 1976; Соколова, 1976; Холодная 1997; 2004 и др.].

В психологии под этим термином понимаются относительно устойчивые процессуальные особенности индивидуальной познавательной деятельности, связанные со способами получения и обработки информации.

Когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуального поведения [Холодная 2004].

Идея о существовании устойчивых различий в способах восприятия и мышления, сформулированная Дж. Кляйном (Klein), впоследствии было обогащено представлениями о полевом поведении, то есть об индивидуальных различиях в способах взаимодействия человека с информационным полем [WitKin 1974].

В психологической науке термин «когнитивный стиль» стал использоваться не сразу. Вначале пользовались термином «познавательный стиль ин-

теллектуальной деятельности». В отдельных работах использовались также термины «ригидность» и «жизненный стиль». Так, американский психолог Д. Озбел (D. Ausubel 1968) выделил 20 особенностей интеллекта, среди которых такие, как склонность к приобретению новых знаний или детализация уже имеющихся, жесткость или гибкость мышления при решении задач, предпочтительное запоминание определенной информации и др.

Впервые возникшая на стыке психологии личности и психологии познания, теория когнитивных стилей начинает использоваться и в рамках других наук, связанных с исследованием различных аспектов человеческой когниции.

Как сложный научный конструкт «когнитивный стиль» в настоящее время является предметом исследования специалистов различных областей знаний: психологии, индивидуальной психологии, педагогики, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, коммуникативной стилистики, когнитивной поэтики, стилистики научной речи. Однако по вопросу об объеме понятия «когнитивный стиль» и значению данного термина нет единства мнений.

Хотя в отечественной и зарубежной психологии интенсивное изучение так называемых когнитивных стилей началось в 60–70-е годы XX века, проблема когнитивных стилей даже в рамках этой науки остается до сих пор недостаточно разработанной. По мнению И.П. Шкуратовой, природа когнитивных стилей не до конца изучена. Их связывают с уровнем интеллекта, свойствами темперамента и с мотивацией личности [Шкуратова 1994]. М.А. Холодная отмечает, что «психология когнитивных стилей остается мало разработанной областью исследований, до сих пор находящихся в стадии становления» [Холодная 2004: 8].

Проблема особенно осложняется в осмыслении этого сложного междисциплинарного понятия в рамках конкретных научных дисциплин. Следует отметить, что уже первые психологические исследования когнитивных стилей показали, что их анализ не может ограничиваться пониманием стиля только как

способа обработки информации. Не случайно ещё в 30-е годы XX века известный отечественный психолог Л.С. Выготский писал: «Познавательные процессы – только часть процессов интериоризации, они подчинены личности, определяющей и регулирующей их, ...личность — первичное, что создается вместе с высшими функциями» [Выготский 1986: 54]. А сами эти функции — «перенесенные в личность, интериоризованные отношения социального порядка, основа социальной структуры личности. ... Индивидуальное личностное – не contra, а высшая форма социальности» [Выготский 1986: 59]. То есть, для Л.С. Выготского не познавательные процессы, включая мышление и сознание, а личность является основой, вокруг которой строится вся психика человека. По мнению Л.С. Выготского, психология «гуманизируется», «мыслит не мышление, мыслит человек»: «Раз человек мыслит, спросим: какой человек ... При одних и тех же законах мышления ... процесс будет разный, смотря по тому, в каком человеке он происходит» [Там же: 59].

Известны и другие работы, в которых проблема индивидуальных стилей рассматривается в контексте соотношения индивидуального стиля творчества и стиля эпохи.

Таким образом, хотя когнитивный стиль считается индивидуальной характеристикой человека и показателем определенных уникальных специфических механизмов регуляции его познавательной деятельности, когнитивные стили подчиняются также действию некоторых общих закономерностей организации когнитивной сферы человека.

В современной психологической науке отмечается даже необходимость создания такой области, как «психология когнитивных стилей», и рассмотрения этой проблемы в аспекте понимания диалектики «общего – единичного». Так, известный отечественный исследователь М.А. Холодная, которая занимается проблемой когнитивных стилей, в своей работе «Когнитивные стили. О природе индивидуального ума» указывает: «Необходимо было найти ту фено-

менологию интеллектуальной деятельности, в которой одновременно были бы представлены как общие закономерности устройства интеллекта, так и его индивидуально-специфические свойства. И вот в 50-60-х годах XX века в исследованиях американских психологов такая феноменологическая область была найдена – предметом изучения стали индивидуальные различия в способах переработки информации, получившие название когнитивных стилей... Проблематика когнитивных стилей представляет интерес именно как та потенциальная область психологического знания, где, возможно, будет найден вариант объединения *общепсихологического* и *дифференциально-психологического* аспектов изучения человеческого интеллекта с выходом на понимание природы *индивидуального разума*» [Холодная 2004: 11–12].

Отечественные и зарубежные психологи выделяют около двадцати различных когнитивных стилей по разным критериям: по типу восприятия, по типу реагирования личности, по особенностям когнитивного контроля, по диапазону эквивалентности, по сложности, по типу мышления, по доминирующему способу обработки информации, по локусу контроля и др., основными из которых являются: 1) полезависимость/полenezависимость; 2) узкий/широкий диапазон эквивалентности; 3) импульсивность/рефлексивность; 4) узость/широта категории; 5) ригидный/гибкий познавательный контроль; 6) толерантность/нетолерантность к нереалистическому опыту; 7) фокусирующий/сканирующий контроль; 8) сглаживание/заострение; 9) конкретная/абстрактная концептуализация; 10) когнитивная простота/сложность. Впервые эти термины были использованы в связи с изучением перцептивной деятельности американскими учеными под руководством Г. Уиткина, автора теории когнитивных стилей [H.A. Wit-Kin, D. R. Goodenough, 1982].

Большое количество исследований в психологии посвящено анализу различных когнитивных стилей, например, импульсивности /рефлексивности [J. Kagan, 1965, 1966]; полезависимости /полenezависимости. Г. Уиткина

[H.A. Wit-Kin, D.R. Goodenough, 1982]; узости–широты категоризации [Pettigrew, 1939]; когнитивной сложности–простоты [Bieri, 1955]; аналитичности–синтетичности, или концептуальной дифференцированности [Gardner, 1959]. Впервые эти термины были использованы психологами в связи с изучением перцептивной и интеллектуальной деятельности человека.

В когнитивной психологии термин «когнитивный стиль» также используется для обозначения устойчивых характеристик человека, его индивидуальных способностей воспринимать информацию или предпочтительных способов решения проблем.

В работах одного из ведущих представителей когнитивной психологии американского ученого Д. Озбела дан анализ понятия «когнитивный стиль». По его мнению, «когнитивный стиль выражает устойчивые индивидуальные (личностные) особенности структуры интеллекта» [Ausubel 1968: 170], то есть, теоретически когнитивный стиль рассматривается им как проявление индивидуальных черт личности в познавательных процессах. Данное понимание термина «когнитивный стиль», безусловно, находится в рамках парадигмы психологии. Д. Озбелом также выделены такие особенности интеллекта, как, например, склонность к приобретению новых знаний или детализация уже имеющихся, жесткость или гибкость мышления при решении задач, предпочтительное запоминание определенной информации и др.

Согласно М.А. Холодной, когнитивный стиль – это «индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его индивидуального поведения» [Холодная 2004: 16].

В рамках индивидуальной психологии данным термином обозначаются устойчивые особенности познавательных процессов личности, обуславливающие применение различных исследовательских стратегий [Адлер 1993]. В когнитивной психологии его используют для обозначения

устойчивых свойств личности, определяющих восприятие, переработку и передачу информации.

Существующие в рамках даже отдельной психологической науки многообразные определения когнитивного стиля психологи объясняют разнообразием проявлений, в которых когнитивный стиль себя обнаруживает [Холодная 2004]. Когнитивный стиль трактуется и как структурная характеристика познавательной сферы, и как индивидуально-своеобразные способы получения когнитивного продукта, и как устойчивая характеристика субъекта, и как предпочтение определенного способа интеллектуального поведения [Холодная 2004].

Несмотря на многообразие дефиниций когнитивного стиля и существующие противоречия в них, можно найти общий знаменатель у всех этих определений: в них подчеркивается **связь когнитивного стиля с индивидуальными особенностями личности.**

Итак, в психологии понятие «когнитивный стиль» используется для обозначения относительно устойчивых способов познавательной деятельности, познавательных стратегий, заключающихся в своеобразных приемах получения и переработки информации, а также приемов ее воспроизведения и способов контроля.

Термин «когнитивный стиль», достаточно широко используемый в психологии и педагогике, для лингвистической науки является относительно новым. По вопросу об объеме понятия «когнитивный стиль» и значению данного термина нет единства мнений, поэтому для настоящего исследования этот вопрос представляется интересным и значимым.

Некоторые психологи отмечают, что когнитивный стиль представляет собой подсистему индивидуального стиля деятельности, связанную с гностическими компонентами [Скотникова 1988; Кочетков]. Так, по мнению Д.В. Соичивко, «индивидуальный стиль деятельности» представляет собой систему спо-

способов вербального преобразования информации, формирующуюся на основе мотивов и целей деятельности, а когнитивный стиль – это индивидуальные системы переработки информации довербального уровня [Сочивко 1986].

Можно ли считать, что когнитивный стиль является системой способов переработки информации довербального уровня? Представляется, что, если стиль определяется как когнитивный, то в рамках данного термина должны рассматриваться «все процессы, с помощью которых сенсорные данные на входе преобразуются, редуцируются, развиваются, запоминаются, вспоминаются и используются» [Neisser 1967: 4, цит. по: КСКТ 1996: 83]. То есть, в качестве когнитивных рассматриваются не только «процессы перцептуального, сенсомоторного опыта, происходящего в актах простого соприкосновения с миром, но и процессы «высшего порядка» – мышление и речь» [Schwarz 1992: 12–13, цит. по: КСКТ 1996: 81].

Не вызывает сомнения то, что когнитивное пространство человека можно исследовать по поведению ЯЛ, так как большинство из осуществляемых ею видов деятельности реализуются при участии языка. Таким образом, язык «рассматривается как когнитивный процесс, осуществляемый в коммуникативной деятельности и обеспечиваемый особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу» [Голованова Е.И. 2004: 18].

При определении понятия «когнитивный стиль» следует также особо отметить, что человек – социальное существо, поэтому является носителем как индивидуальной, так и коллективно обусловленной информационно-когнитивной системы, составляющими которой выступают язык, сознание, мышление и память. Хотя когнитивные процессы протекают в голове индивида, «все процессы протекают в определенном социальном контексте и тесно связаны с реальными потребностями человека и его взаимодействием со средой» [Neisser 1992; Kintsch 1992]. Поскольку благодаря языку получают вербальную репрезентацию различные когнитивные структуры, то есть еди-

ницы информационно-когнитивной системы, язык не может не входить в объём понятия «когнитивный стиль» языковой личности. Более того, язык является важнейшей составляющей данного понятия. Лишь благодаря языковой репрезентации концептуальная система ЯЛ и составляющие её когнитивные структуры становятся доступными для моделирования и изучения.

Когнитивные стили как «индивидуально-своеобразные способы переработки информации» (Пажитнова Е.Е.) изучаются и в рамках когнитивной педагогики, в которой особое внимание уделяется познавательным структурам и инструментам человека и способам их развития [Сергеев 2012], тому, как учащийся может использовать в результате учения «внутренние» инструменты, представленные в виде структур обработки и преобразования информации [Пажитнова Е.Е. Влияние когнитивных стилей деятельности педагогов на адаптацию учащихся к обучению в школе [Электронный ресурс] nsportal.ru> ...shkola ...kognitivnych-stiley ...pedagogov . Дата обращения 17 марта 2017 года]. По её мнению, именно благодаря этим способам-стилям учитель может создавать программы, учитывая индивидуальные особенности детей. Однако учителя должны использовать информацию о когнитивных стилях как стимулятор размышлений об индивидуальности.

По мнению Г. Клауса, когнитивный стиль связан с индивидуальными различиями в учении, которые «могут быть сведены к предпочтению учащимся тех или иных перцептивных и когнитивных стратегий» [Клаус 1987: 71].

Таким образом, усилия специалистов в области психологии и педагогики в исследовании когнитивного стиля направлены на выявление стабильных индивидуальных характеристик когнитивных проявлений ЯЛ, таких, как тип мышления, восприятия, реагирования, в связи с этим на первый план выдвигается исследование таких особенностей личности, как полезависимость–полenezависимость; импульсивность–рефлексивность; ригидность–гибкость; интравертность–экстравертность и др.

В когнитивной науке признается, что понятие «когнитивный стиль» пришло в когнитивизм из психоаналитической традиции, в которой данное понятие объясняет, «как импульсивное и эмоциональное «Оно» (Id) контролируется более интеллектуально и реалистично ориентированным «Эго» [Демьянков 1994: 27]. Под когнитивным стилем в широком смысле понимается «предпочитаемый подход к решению проблем, характеризующий поведение индивида относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей, не вне зависимости от интеллектуального уровня индивида, его «компетенции» [Waber 1989, цит. по: Демьянков 1994: 27]. Кроме того, представители когнитивной лингвистики указывают, что «для выделения стиля существенно не то, достигается ли в результате цель, а то, как она достигается» [Aylwin 1985, цит. по: Демьянков 1994: 27].

В филологии вопрос о когнитивных стилях и осмысление этого сложного междисциплинарного понятия с точки зрения различных филологических дисциплин относится к числу актуальных проблем. До сих пор не определены корреляции термина «когнитивный стиль» с такими смежными понятиями, как «идиостиль», «идиолект», «актуализация», не уточнены его составляющие. Кроме того, следует отметить, что набор признаков, обуславливающий объём данного понятия, не ограничивается выявленными психологами особенностями личности, представляющими собой разные стороны общего её когнитивного стиля, такими, например, как полезависимость–полenezависимость, импульсивность–рефлексивность, ригидность–гибкость; интравертность–экстравертность и другими [см., напр.: Холодная 2004].

Исследования когнитивного стиля проводятся и в рамках коммуникативной стилистики и когнитивной поэтики. Следует отметить, что существуют отдельные интересные исследования когнитивных аспектов текстовой деятельности языковой личности [Бутакова 2002; Леонова 2015; Прокудина 2009; Тарасова 2004; 2008; 2009], в рамках которых художественный текст

изучается с позиций идиостилистики, в частности, исследуется идиостиль автора, понимаемый как многоплановое проявление мировидения автора, репрезентированное в семантике, структуре и прагматике дискурса [Болотнова 2006; 2011], анализируются индивидуальные авторские концепты и языковые способы их реализации, [Тарасова 2003; 2004; 2009], а также воплощение в тексте авторского сознания [Бутакова 2003].

Значимыми в рамках целевой направленности настоящей работы являются исследования по идиостилистике научной речи [Архипова 2002; Барляева 1993; Болдырева, Кашкин 2001; Геляева, Хучинаева 2012; Кажарова 2006; Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. 2011], посвященные выявлению и описанию речевых особенностей автора научного дискурса.

Эгоцентрические координаты лингвистического дискурса рассматриваются в работе Гергокаевой Дж.Дж. [2008]. В ней особое внимание уделяется выявлению специфики дискурса, обусловленной психологическими и социокультурными особенностями языковой личности автора, лингвокреативных характеристик его дискурсивной деятельности, соотношения в дискурсе объективного и субъективного. По мнению Гергокаевой Дж. Дж., «любая деятельность человека, в том числе и текстовая (текстотворческая, дискурсивная), не может не быть антропоориентированной (эгоориентированной), поскольку языковая личность представляет результаты своего видения и осмысления исследуемого объекта» [Гергокаева 2008: 5–6]. Подход, принятый в данной работе, представляет для нас особый интерес, поскольку в ней актуализируется зависимость структурной и смысловой организации дискурса от языковой личности, определяется его эгоориентированность, что непосредственно связано с понятием «когнитивный стиль».

Как отмечено выше, термин «когнитивный стиль» для лингвистической науки является относительно новым.

В когнитивной лингвистике понятие «когнитивный стиль» связывается со способностью человека осуществлять различные познавательные операции по переработке, организации и представлению информации. Само определение данного понятия в когнитивной лингвистике как предпочитаемый подход к решению различных проблем, связанный с различными характеристиками индивида, свидетельствует о неоднозначности трактовки его объема.

Нам представляется, что при определении термина «когнитивный стиль» в лингвистическом аспекте следует исходить из концептуального содержания понятия «когнитивный».

Для нас особой значимостью представляет дефиниция понятия «когнитивный стиль» представителей когнитивной лингвистики, которые определяют его как «стиль подачи и представления информации, особенностей её расположения и структуризации в тексте/дискурсе, связанный со специфическим отбором когнитивных операций или их предпочтительным использованием в процессах построения и интерпретации текстов разных типов» [Beaugrande, Dressler 1981; Leech, Short 1981, цит.: по Лузина 1997: 80], а также предпочтительное использование комплекса лингвистических приёмов и средств в определенных прагматических целях.

В рамках лингвистического его понимания, на наш взгляд, важно выделить такие характеристики термина «когнитивный стиль», как устойчивые постоянные свойства личности, проявляющиеся как предпочтение к определенным когнитивным операциям и их последовательности, обуславливающие специфику речевой деятельности конкретного индивида. Исходя из такого понимания, данный термин можно определить как **относительно устойчивый и предпочтительный набор когнитивных операций по презентации, структурированию и оценке информации, свойственный для дискурсивной деятельности языковой личности.**

Нам представляется, что с лингвистической точки зрения наиболее целесообразным в определении понятия «когнитивный стиль» является структурно-семантическое исследование текста как результата когнитивной деятельности языковой личности. Если материалом анализа при определении когнитивного стиля для психологов являются, прежде всего, познавательные экспериментальные задачи, требующие от испытуемого выбора правильного решения из множества данных и позволяющие вскрыть стратегию личности в процессе их решения, то для лингвиста, на наш взгляд, таким материалом служит текст/дискурс, поскольку он выступает как способ вербализации мышления, «при котором актуализируются когнитивные аспекты языка – нелинейный и непрерывный характер мышления» [Плисецкая 2003].

На наш взгляд, информационное поле дискурса и его композиционная структура представляют собой способ актуализации познавательных и дискурсивных стратегий языковой личности в переработке, структурировании и экспликации информации, выступая как репрезентанты когнитивного стиля ЯЛ.

Текст/дискурс, репрезентируя мыслительную деятельность языковой личности, является «продуктом лингвокреативной деятельности говорящего и несет на себе «печать» индивидуальности его автора» [Гергокаева 2007: 61]. Для определения специфики понятия «когнитивный стиль» важна не только информационная функция дискурса, то есть новая информация, составляющая смысловое пространство дискурса, в котором представлены доминантные концепты языковой личности, свидетельствующие о её интеллектуальных возможностях, в целом о её когнитивной компетенции. Существенную роль играют и способы экспликации этой информации, а также то, в каком виде предстает в дискурсе мыслительная деятельность языковой личности, ход его мыслей, как личность системно (или не системно) организует дискурс, представляет информацию в структурированном (или неструктурированном) виде, как развертывается общая тема, как вводятся дополнительные подтемы и т.д.

Таким образом, при определении объёма понятия «когнитивный стиль» с лингвистической точки зрения следует исходить не из специфики поведения и характера языковой личности, как это делается в психологии, а из анализа текста/дискурса для выявления названных когнитивных особенностей. При этом особое внимание должно уделяться исследованию речевых произведений языковой личности в следующих аспектах:

1) определить предпочтительно используемые в анализируемом тексте концепты представления информации, способы их актуализации и препарирования ими в дискурсивной деятельности;

2) выявить используемый в текстовой деятельности относительно стабильный набор процедур и их последовательность в обработке информации;

3) определить инвариантные репрезентационные модели стратегий и оценок, эксплицированные в текстовом пространстве.

Исходя из этого, когнитивный стиль можно определить как относительно устойчивый и предпочтительный набор когнитивных операций по презентации информации в содержательном аспекте, её структурированию и оценке, свойственный для дискурсивной деятельности отдельной языковой личности.

Итак, когнитивный стиль мы понимаем как лингвистически и экстралингвистически обусловленные предпочтительные для данной ЯЛ способы содержательного и структурного представления результатов когнитивной деятельности в создаваемых ею речевых произведениях.

Нам представляется, что проблема интерпретации когнитивного стиля, не может быть решена:

1) без определения набора когнитивных характеристик ЯЛ – личностных инвариантов, входящих в само понятие «когнитивный стиль» и выступающих как его составляющие;

2) без установления соотношения индивидуального и общего в структуре ЯЛ.

1.4. Соотношение понятий «когнитивный стиль», «идиостиль» и «идиолект»

Когнитивный стиль относится к числу актуализированных когнитивно-дискурсивной парадигмой понятий в лингвистике, которое, как отмечено выше, определяется представителями когнитивной психологии как способ решения проблемы, характерный для определенного типа ЯЛ, то есть теоретически когнитивный стиль рассматривается как проявление индивидуальных черт личности в познавательных процессах и особенностей её интеллекта. Связь когнитивного стиля с индивидом обуславливает определение соотношения данного понятия с достаточно широко используемыми в филологической науке терминами «идиостиль» и «идиолект».

В рамках целевой направленности данного исследования важным в теоретическом и практическом отношении является анализ различных трактовок понятий «когнитивный стиль», «идиостиль» и «идиолект» и на основе их аппликативного соотнесения определение универсального и специфического в их концептуальном содержании, а также представление одного из возможных способов осмысления термина «когнитивный стиль» с лингвистической точки зрения.

Следует отметить, что до сих пор нет единства мнений как в определении термина «когнитивный стиль», так и понятий «идиостиль», «идиолект» [Третьякова 2010; Силантьева 2012].

Обращает на себя внимание использование в исследуемых понятиях полисемантического термина «стиль».

В настоящее время в науке существует около полусотни определений термина «стиль», обусловленных их функционированием в различных областях знаний: лингвистике, литературоведении, эстетике, искусствоведении и др.

Так, для теории литературного языка и стилистики стиль – это «общественно осознанная, объединенная определенным функциональным назначе-

нием система языковых элементов литературного языка, способов их отбора, употребления, взаимного сочетания и соотношения» [КРР 2003: 696]. В литературоведении стиль определяется как «устойчивая общность образной системы, средств художественной выразительности, принципов построения произведения, способов изображения, проявляющаяся в склонности к определенному кругу тем, идей, проблем, конфликтов, характеризующих своеобразие писателя, направления, метода, эпохи» [ЛЭС 1987: 402].

М.М. Бахтин определяет стиль как реализацию творческого метода в конкретно-исторических условиях, требующую определенного единства приемов оформления и создания текста. Определяя стиль как результат выбора определённых способов из возможных способов создания текста, М.М. Бахтин актуализирует оригинальность текста [Бахтин 1986].

В.В. Виноградов под стилем подразумевает систему индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения [Виноградов 1961].

Анализ представленных в лексикографических источниках определений позволяет выделить два аспекта значения данного термина. Первый аспект связан с характеристикой стиля в его отношении к процессу деятельности: стиль – это «способ осуществления чего-либо, отличающийся совокупностью своеобразных приемов» [СРС 1984. Т. 4: 266]. Вторым аспектом значения данного слова является определение стиля как *продукта* деятельности: «стиль – это совокупность приемов использования средств языка, характерная для какого-либо писателя или литературного произведения, направления, жанра» [СРС 1984. Т. 4: 266].

Для нас представляется существенной актуализация того, что стиль, с одной стороны, представляет типовые, повторяющиеся характеристики исследуемого объекта, с другой, – индивидуальные, особенные, оригинальные. То есть, понятие «стиль» включает и типовые, и индивидуальные признаки.

Производные от термина «стиль» понятия «когнитивный стиль», «идиостиль», «идиолект» в современной науке в функциональном аспекте характеризуются доминантным использованием в различных областях знаний: когнитивный стиль – в психологии и когнитивной лингвистике, идиостиль и идиолект – в литературоведении, стилистике текста. Естественно, в рамках отдельных научных областей эти понятия определяются по-разному.

По мнению Н.С. Болотновой, «проблема идиостиля является одной из ключевых в стилистике художественной литературы» [Болотнова 1992: 63]. Т.А. Чернышева [2010] определяет идиостиль как систему содержательных и формальных лингвистических характеристик, свойственных произведениям конкретного автора и делающих уникальным воплощенный в них авторский способ языкового выражения. Близкое определение индивидуального стиля мы находим у С.Т. Золяна: идиостиль – это «система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, с чьей помощью воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения становится очевидным» [Золян 1989: 8]. Именно благодаря этой системе языковых характеристик, частотно репрезентированных в дискурсе языковой личности, авторский способ языкового выражения становится уникальным. При этом эта система включает не только языковые, но и текстовые особенности, то есть, всю совокупность доминантных отличительных свойств дискурсивной деятельности ЯЛ.

В.В. Виноградов связывает индивидуальный стиль с системой «средств и форм словесного выражения» [Виноградов 1963: 105], В.А. Пищальникова определяют его как целостную систему, которая «возникает вследствие применения своеобразных принципов отбора, комбинирования и мотивированного использования элементов языка» [Пищальникова 1992: 20–21]. Кроме того, она отмечает, что установление системы смыслов, присущих автору и отличающих его от других, выявляет доминантное изображение им определенных реалий действительности, т.е. картину мира данного автора.

По мнению Ю.Н. Караулова, идиостиль – это стиль языковой личности во всем многообразии проявления специфики ее уровней: вербально-семантического, когнитивного, мотивационного в процессе порождения текста, а также в структуре, семантике и прагматике текста [Караулов 1987].

Актуализация в термине «идиостиль» такой характеристики, как определенный выбор и отбор языковых средств, частотность их употребления и комбинирования ЯЛ, сближает данный термин с понятием «когнитивный стиль».

По мнению В.И. Карасика «идиостиль писателя, включая в себя идиолект, проявляется в языковой и коммуникативной компетенции, осознанном выборе средств общения, языковом чутье и вкусе» [Карасик 2004: 10, 13].

Итак, в различных источниках идиостиль определяется как совокупность содержательных и формальных лингвистических признаков, характерных для произведений определенного автора, делающих уникальным объективированный в этих произведениях индивидуальный авторский способ языкового выражения.

Анализ различных точек зрения по проблеме соотношения понятий «идиолект» и «идиостиль» показывает, что эти понятия соотносятся между собой как поверхностная и глубинная структуры. По мнению В.В. Григорьева, «представленное на поверхности множество связанных между собой языковых факторов, составляющих идиолект, уходит функциональными корнями в «языковую память» и «генетику лингвистического мышления» автора и в результате оказывается сводимым к иерархической системе инвариантов, организующих так называемый «поэтический мир» автора» [Григорьев 1983: 54–56], то есть идиостиль.

Следует отметить одну функциональную особенность термина «идиостиль», а именно то, что до недавнего времени он традиционно использовался только для характеристики художественных произведений. В теории художественной литературы под идиолектом понималась также вся совокупность созданных автором текстов в их хронологической последовательности,

а под идиостилем – совокупность глубинных текстопорождающих доминант определенного автора.

В последние десятилетия к данному термину обращаются и в рамках идиостилистики научной речи при исследовании когнитивных аспектов дискурсивной деятельности языковой личности автора научного дискурса [Архипова 2002; Геляева, Хучинаева 2012; Кажарова 2006; Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. 2011 и др.].

Итак, соотносимый с идиостилем термин «идиолект» определяется как «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка» [ЛЭС 1990: 171]. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» (СЭС) идиолект определяется как «совокупность собственно языковых особенностей (стабильных характеристик), имеющих место в речи отдельного носителя языка [СЭС 2011: 149], а идиостиль, соответственно, как совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности (индивидуальности писателя, ученого, конкретного говорящего человека), тем не менее формирующихся под воздействием всей экстралингвистической основы – как функционально-стилевой, жанрово-стилевой, так и индивидуально-стилевой» [СЭС 2011: 149].

То есть, в отличие от идиолекта, представляющего собой стабильные, преимущественно проявляющиеся в речи индивида языковые особенности, концептуальную специфику идиостиля составляют текстовые характеристики.

Что касается когнитивного стиля, то он тоже определенный стиль познавательной интеллектуальной деятельности, связанной с восприятием информации, её специфической обработкой, переработкой и языковой презентацией.

Критический анализ приведенных выше определений понятий «когнитивный стиль», «идиостиль» и «идиолект» позволяет констатировать определенное концептуальное единство их содержания, поскольку они связаны с индивидуальным, специфическим, особенным, будь то способ переработки ин-

формации отдельной языковой личностью, отдельное произведение или творчество писателя, образ жизни общества. Все эти определения объединяет то, что они связаны с характеристикой природы индивидуальной деятельности.

В рамках целевой направленности данной работы интерес представляет отмеченная многими исследователями обусловленность идиостиля автора когнитивными факторами (например, типом мышления, специфическими способами познания и др.) [см., напр., Булацкая, Гулевич 2014]. Но если идиостиль обусловлен когнитивными факторами, то чем он отличается от когнитивного стиля? В этой связи представляется уместным привести характеристику понятия «стиль» из речи, которую произнес французский естествоиспытатель Жорж Луи Леклерк Бюффон 25 августа 1763 года при избрании его в члены Французской академии: «Стиль – это человек», то есть ученый указывал, что стиль есть уникальная особенность человека [Серов 2003]. В таком понимании термин «стиль» соотносится с особенностями типа мышления, восприятия, реагирования, манеры вести себя, говорить и т.д.

В отличие от стиля, идиостиля и идиолекта когнитивный стиль уже в силу того, что содержит определение «когнитивный», должен быть связан с различными видами когнитивной деятельности человека. Поскольку «понятие когниции включает не только утонченные занятия человеческого духа (такие как знание, сознание, разум, мышление, представление, творчество, разработка планов и стратегий, размышление, символизация, логический вывод, решение проблем, делание наглядным, классифицирование, соотнесение» [Flavell 1977, с.2, цит. по: Демьянков 1994: 23], но и «процессы более земные, такие, как организация моторики, восприятие, мысленные образы, воспоминание, внимание и узнавание [A.Bühler 1983, с. 14–15: цит. по: Демьянков 1994: 23], «когниция организует в человеке смыслообразование» [Демьянков 1994: 25] и репрезентацию этих смыслов.

Итак, когниция понимается как совокупность различных ментальных процессов: восприятия, концептуализации, категоризации, обработки инфор-

мации, а также различных способов его репрезентации (языкового представления). Исходя из этого, В.З. Демьянков рассматривает когницию и интерпретацию как рядоположенные явления, что в филологии интерпретация понимается как вид когниции, непосредственным объектом которой является продукт речевой деятельности, а результаты и инструменты интерпретации насквозь пропитаны личностными характеристиками [Демьянков 1989]. По мнению В.З. Демьянкова, именно когнитивисты впервые заставили поставить вопрос о том, «как и когда индивид отбирает из богатства языка именно данные его средства». [Демьянков 1994: 27].

Поэтому, на наш взгляд, дифференциальным признаком понятия «когнитивный стиль», отличающим его от терминов «идиолект» и «идиостиль», является актуализация когнитивных механизмов представления информации. Для когнитивного стиля важна не только информация, но и процедуры, механизмы обращения с ней.

Не случайно в когнитивной лингвистике когнитивный стиль определяется «как стиль подачи и представления информации, особенностей её расположения и структуризации в тексте/дискурсе, связанный со специфическим отбором когнитивных операций или их предпочтительным использованием в процессах построения и интерпретации текстов разных типов» [Leech, Short 1987; Beaugrande, Dressler 198, цит. по КСКТ 1996: 89].

В существующих на сегодняшний день психологических определениях когнитивного стиля актуализируется в большей степени психологический и аспект деятельности личности. Но если усилия психологов в исследовании когнитивного стиля направлены, прежде всего, на выявление типов мышления, восприятия, реагирования, то представители когнитивной лингвистики актуализируют также специфику репрезентации информации, характерную для конкретной языковой личности, отмечая при этом, что разные виды деятельности не могут находиться «вне зависимости от интеллектуального уровня индивида» и особенностей восприятия.

Особо следует отметить, что в психологии когнитивный стиль понимается как «индивидуально-своеобразные способы переработки информации» [Холодная 2004]. Но если последние рассматриваются психологами в рамках понятия «когнитивный стиль», то создаваемые языковой личностью речевые произведения как продукт индивидуальной лингвокреативной дискурсивной деятельности ЯЛ, а также их концептуальная и структурная специфика не могут не иметь отношения к когнитивному стилю. Поэтому нам представляется, что лингвистическое осмысление понятия «когнитивный стиль» должно быть связано с текстовой деятельностью ЯЛ.

Если объектом определения специфики когнитивного стиля для психологов являются в основном познавательные экспериментальные задачи, требующие от испытуемого выбора правильного решения из множества данных и позволяющие вскрыть стратегию личности в процессе их решения, то для лингвиста таким объектом служит текст/дискурс, создаваемый или воспринимаемый языковой личностью и вербализующий своеобразие её мышления и восприятия.

На наш взгляд, особенности информационного поля дискурса и его композиционной структуры актуализируют **познавательные и дискурсивные стратегии языковой личности в переработке, структурировании и экспликации информации и репрезентируют типические особенности стиля деятельности индивида, определяя своеобразие его когнитивного стиля.** Поскольку текст/дискурс, прежде всего, репрезентирует мыслительную деятельность языковой личности, он является «продуктом лингвокреативной деятельности говорящего и несет на себе «печать» индивидуальности его автора» [Гергокаева 2008: 61].

Для определения специфики понятия «когнитивный стиль» важна как информационная составляющая дискурса, его смысловое пространство, в котором представлены доминантные концепты ЯЛ, свидетельствующие о её интеллектуальных возможностях, так и способы экспликации этой информа-

ции, то есть то, в каком виде предстает в дискурсе мыслительная деятельность языковой личности, ход его мыслей.

Таким образом, при лингвистическом осмыслении понятия «когнитивный стиль» следует исходить не из специфики поведения и характера языковой личности, как это делается в психологии, а из анализа текста/дискурса для выявления названных когнитивных особенностей. При этом особое внимание следует уделить исследованию речевых произведений языковой личности в следующих аспектах:

- 1) выявление частотных в анализируемом дискурсе концептов и способов их актуализации в дискурсивной деятельности;
- 2) определение используемого в текстовой деятельности относительно стабильного набора процедур и их последовательности в обработке информации;
- 3) выявление инвариантных репрезентационных моделей стратегий и оценок, эксплицированных в текстовом пространстве.

Исходя из этого, понятие «когнитивный стиль» определяется нами как **характерный для отдельной языковой личности лингвистически и экстралингвистически обусловленный индивидуальный предпочтительный способ содержательного и структурного (концептуального и формального) представления результатов когнитивной деятельности в создаваемых ею речевых произведениях.**

Для нас особую актуальность представляет и следующая характеристика когнитивного стиля: Это «относительно стабильное сочетание «личностных инвариантов» у конкретного индивида» [Демьянков 1994: 27].

Когнитивный стиль можно также определить как относительно устойчивый и предпочтительный набор когнитивных операций по презентации, структурированию и оценке информации, свойственный для дискурсивной деятельности отдельной языковой личности.

Выводы

Анализ и систематизация источников, составляющих теоретические и методологические основы исследования когнитивного стиля языковой личности в институциональном и персональном типах дискурса, позволили прийти к следующим общим выводам:

1. ЯЛ как парадигмообразующее понятие антропологической лингвистики мы, вслед за Г.И. Богиним, рассматриваем как совокупность познавательных, творческих способностей и характеристик субъекта, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определённой целевой направленностью [Богин 1984: 1–2].

2. ЯЛ как многослойный объект обуславливает множество аспектов изучения, одним из которых является исследование специфики её когнитивного стиля, благодаря которому становится возможным выявить когнитивные способности личности в репрезентации и структурной организации интеллектуальной деятельности, в частности, определить предпочитаемые способы объективации её ментального мира.

3. Рассмотрение когнитивного стиля в качестве одного из способов объективации языкового сознания личности как креативной системы предполагает связь данного аспекта изучения ЯЛ с дискурсом, который выступает как инструмент репрезентации внутреннего мира автора.

4. В диссертации мы исходим из следующего определения дискурса, предложенного Г.Н. Манаенко: дискурс – это «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов» [Манаенко 2003: 37].

5. Дискурсивный анализ является в настоящей работе одним из основных методов исследования специфики когнитивного стиля, который позволяет выявить «личностные инварианты» ЯЛ.

6. Когнитивный стиль как междисциплинарный научный конструкт изучается в науке с позиций разных областей знания: психологии, когнитивной психологии, когнитивной педагогики, коммуникативной стилистики текста, когнитивной лингвистики. Однако в трактовке понятия «когнитивный стиль» в разных областях знания и значению данного термина нет единства мнений.

7. Несмотря на множество дефиниций когнитивного стиля и существующие противоречия в них, во всех этих определениях подчеркивается связь когнитивного стиля с индивидуальными особенностями личности.

8. Когнитивный стиль в диссертации определяется как относительно стабильные и предпочтительные для данной ЯЛ способы содержательного, структурного и оценочного представления результатов когнитивной деятельности в создаваемых ею речевых произведениях, лингвистически и экстралингвистически обусловленные индивидуальным способом мировосприятия.

9. Проблема интерпретации когнитивного стиля связана с определением набора когнитивных характеристик ЯЛ – «личностных инвариантов», репрезентированных в текстовом пространстве, входящих в само понятие «когнитивный стиль» и выступающих как его составляющие.

10. Дифференциальным признаком понятия «когнитивный стиль», отличающим его от понятий «идиолект» и «идиостиль», является актуализация не только представляемой информации, но и когнитивных механизмов её репрезентации.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА МАНИФЕСТАЦИИ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

2.1. Текст/дискурс как репрезентант когнитивного стиля языковой личности

С утверждением антропоцентрической парадигмы и актуализацией когнитивного подхода к языку текст/дискурс рассматривается не просто как сложное структурно-содержательное образование, а как результат когнитивной деятельности языковой личности автора. Поэтому при когнитивных исследованиях текста/дискурса особое внимание уделяется выявлению не только коллективно детерминированной информации, а репрезентации в нём индивидуального ментального пространства автора и способам его экспликации в текстовом пространстве.

Настоящая глава посвящена рассмотрению текста/дискурса как пространства репрезентации особенностей когнитивного стиля языковой личности.

В предыдущей главе было отмечено, что при осмыслении понятия «когнитивный стиль» необходимо обращение к дискурсивной деятельности ЯЛ, что специфика когнитивного стиля языковой личности проявляется в объективации в тексте / дискурсе её индивидуальной картины мира, а также используемого набора когнитивных операций по презентации, структурированию и оценке представляемой информации. Не только информационное поле текста/дискурса, представленная в нём совокупность идей, но и их лингвостилистическая и структурная реализация выступают достаточно информативным материалом для суждения о ЯЛ автора, демонстрируют особенности дискурсивной деятельности, способности осуществлять различные когнитивные операции по описанию, повествованию, истолкованию, сравнению, аргументации, оценке, структурированию информации. Способы объективации этих когнитивных операций наглядно проявляются в дискурсивной дея-

тельности ЯЛ и в результате этой деятельности – тексте. Исходя из этого, мы рассматриваем текст как пространство реализации особенностей когнитивного стиля ЯЛ, специфика которого в своих основных чертах реконструируется на основе анализа созданного этой личностью дискурса.

Если исходить из таких определений когнитивного стиля, как: «предпочитаемый подход к решению проблем, характеризующий поведение индивида относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей, но не вне зависимости от интеллектуального уровня индивида, его “компетенции”» [Демьянков 1994: 27]; «индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуального поведения» [Холодная 2004: 16]; «индивидуальные (личностные) особенности структуры интеллекта» [Ausubel 1968: 170], то понятие «когнитивный стиль» включает в себя как специфику индивидуальных особенностей интеллектуального поведения, так и в целом интеллектуальный уровень ЯЛ. Однако не следует забывать, что индивидуальное интеллектуальное поведение формируется в рамках определенной лингвокультурной общности и под влиянием принятых в социуме, в профессиональном сообществе норм и оценок, поэтому оно выступает как синтез **коллективного и индивидуального знания**. Но когда речь идёт о когнитивном стиле конкретной ЯЛ, безусловно, актуализируется индивидуальная модель структуры её интеллекта, которая формируется в результате когнитивной деятельности.

Не вызывает сомнения тот факт, что интеллектуальный уровень ЯЛ определяет смысловое пространство дискурса, а также используемые в нём доминантные концепты, свидетельствующие также о направленности профессиональной деятельности личности и в целом о когнитивной компетенции. Бесспорно и то, что большинство видов деятельности осуществляются ЯЛ при участии языка. Поэтому, на наш взгляд, при определении объёма поня-

тия «когнитивный стиль» ЯЛ следует особое внимание уделять языку как способу формирования основ и репрезентации результатов мыслительной и речевой деятельности, а не только индивидуальным различиям в способах переработки информации, как утверждают некоторые психологи [см., напр., Холодная 2004: 11]. Поскольку информация получает репрезентацию в языке, то когнитивный стиль выступает как интеракция когнитивных и языковых структур. В пользу рассмотрения когнитивных и языковых структур как составляющих когнитивного стиля говорит и тот факт, что отмеченные психологами характеристики когнитивного стиля получают реализацию в большей степени в дискурсивной деятельности ЯЛ и репрезентируются в текстовом пространстве.

Таким образом, если усилия психологов в исследовании когнитивного стиля языковой личности направлены на выявление типов мышления, восприятия, реагирования, то для лингвистического осмысления данного понятия важна актуализация роли языка как когнитивного инструмента, репрезентирующего и трансформирующего информацию, и рассмотрение его как определяющей характеристики когнитивного стиля ЯЛ.

Поэтому, с лингвистической точки зрения, при исследовании феномена «когнитивный стиль» наиболее целесообразным является анализ создаваемых ЯЛ речевых произведений, тем более что в когнитивной науке признаётся, что «когницию (то есть, все виды когнитивной деятельности, в том числе и когнитивный стиль – *прим. автора – А.П.*) лучше всего изучать, исследуя язык» [КСКТ 1997: 83].

Итак, материалом для анализа специфики когнитивного стиля языковой личности служит текст / дискурс, поскольку он выступает как способ вербализации результатов всей когнитивной деятельности.

Известно, что в зависимости от различных лингвистических и экстралингвистических факторов дискурс, а также текст как результат дискурсив-

ной деятельности классифицируются по разным основаниям. Например, по жанрово-стилистической отнесенности выделяют научный, публицистический, официально-деловой, художественный, обиходно-разговорный типы текста, по функционально-смысловому назначению – тексты-описания, тексты-повествования, тексты-рассуждения, количеству участников коммуникации – монолог, диалог, полилог, по способу передачи информации – устный и письменный и др.

Поскольку объектом нашего исследования являются как письменные тексты, так и устная речь, для нас важны разные основания классификации дискурса, тем более что существуют дискурсы, характеризующиеся неопределенностью жанра, невозможностью предсказать тематические векторы его развития и т.д.

Безусловно, что принципы организации текста/ дискурса зависят от разных факторов, например, от предметной области, конкретной коммуникативной ситуации, способа передачи информации, адресата и др. Однако приемы использования языковых средств и способов конструирования, структурирования текста/дискурса, упорядочения информации зависят от создателя дискурса. Именно от ЯЛ, на наш взгляд, зависит и то, в какой степени и как будут представлены в тексте/дискурсе средства, ориентированные на рациональную или эмоциональную сферу адресата, как и с какой целью иностилевые элементы используются в рамках текстов разной жанровой и стилистической отнесенности.

В рамках целевой направленности нашей работы мы актуализируем то, что:

1. Текст / дискурс является пространством объективации индивидуальной картины мира ЯЛ, его информационное поле выступает местом локализации ключевых концептов, обусловленных экстралингвистическими и личностными факторами. В этой связи следует обратить внимание на мнение исследователей, занимающихся, например, когнитивными аспектами научного дис-

курса и отмечающих, что научный дискурс представляет собой отражение когнитивных структур сознания ЯЛ ученого, что дискурсивная деятельность в целом является когнитивным процессом [Геляева, Хучинаева 2012; Гергокаева 2008; Карасик 2000]. Поэтому даже такой консервативный тип дискурса, как научный, созданный по одной тематике разными типами ЯЛ, отличается использованием не одних и тех же концептов представления информации.

Для доказательства данного положения сравним, например, научные статьи «Метафора: уподобление vs интеграция концептов» М.В. Никитина [Никитин 2002] и «Метафорическое моделирование действительности в политическом нарративе» А.П. Чудинова [Чудинов 2002]. Рассматриваемые статьи представляют собой одну и ту же область научной деятельности, один тип дискурса (научный), выполнены в рамках когнитивной семантики и посвящены решению одной и той же научной задачи, а именно, характеристике метафорического моделирования.

Вопреки тематическому единству для анализа концептуальной метафоры и описания её конкретных моделей, авторами используются, во-первых, разные концепты представления информации. Например: *Метафорический перенос имен предполагает аналогическое сходство денотатов, то есть сходство не по линии гиперсемы (родовой части) исходного значения, а по признакам из области его импликационала и гипосемы. ...В общем виде механизм (модель, формула) метафорического словопреобразования состоит в том, что при аналогичном сходстве двух денотатов (классов денотатов) какой-то признак или связка признаков из области импликационала (а также гипосемы) исходного значения составляют гипосему производного метафорического значения... При этом общий семантический признак – основание метафоры – может быть разной природы [Никитин 2002: 256–257]; метафоризация признаков слов обнаруживает тесную зависимость от общих и частных особенностей признаковой семантики [Там же: 258]; важ-*

но заметить, что когнитивные процессы **метафорического осмысления** существенно различаются у адресанта и адресата [Там же: 261].

Хотя автор данной статьи М.В. Никитин исследует изучаемый объект в рамках теории концептуальной метафоры, для него предпочтительными концептами представления метафоры остаются традиционные термины, такие, как *метафорический перенос, метафорическое словообразование, метафорическое значение, основание метафоры, метафоризация, метафорическое осмысление*.

Иная картина наблюдается в дискурсе А.П. Чудинова. Исходя из того, что он рассматривает метафору как «ментальную операцию, как способ познания и объяснения мира» [Чудинов 2002: 299], он отказывается от традиционной терминологии описания метафоры и отдает предпочтение терминам теории когнитивной метафоры: **Метафорическая модель** – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система **фреймов (слотов, концептов)** одной сферы (**сферы-источника**) служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы (**сферы-мишени**) [там же: 299], для описания метафорической модели ... необходимо охарактеризовать её следующие признаки: 1. Исходную понятийную область (в других терминах – **ментальную сферу-источник, сферу-донор**) метафорической экспансии. 2. Новую понятийную область (в других терминах – **ментальную сферу-мишень, денотативную зону, рецепиентную сферу, направление метафорической экспансии**) [там же: 299].

Хотя в данных статьях единицей презентации выступает одна и та же единица – метафора, исследование которой проводится в рамках единого теоретического направления, отбор и использование разных ключевых концептов представления информации свидетельствует об особенностях картины мира авторов, определяющих специфику вербальной репрезентации смыслового пространства изучаемого объекта в создаваемых ими текстах.

2. Композиционная структура текста / дискурса, актуализация в ней познавательных и дискурсивных стратегий ЯЛ в переработке, систематизации, упорядочения и экспликации информации служит определенной цели, а именно: воздействия на адресата. То есть, авторское понимание излагаемой проблемы находит отражение не только в специфической вербальной репрезентации концептуального пространства дискурса, но и в особенностях его формальной организации, что важно также для лингвистического осмысления понятия «когнитивный стиль».

Представители когнитивной лингвистики указывают, что для определения специфики понятия «когнитивный стиль», «для выделения стиля существенно не то, достигается ли в результате цель, а то, как она достигается» [Демьянков 1994: 27].

Если рассматривать научный дискурс под этим углом зрения, то можно выявить, что в нем в интегрированной форме представлена комбинация разных блоков информации. По мнению Дж.Дж. Гергокаевой, модель научного дискурса представляет собой «сложное переплетение разных видов знаний его автора», которые «по-разному распределяются в текстовом пространстве» [Гергокаева 2008: 73].

Существенную роль в рамках выявления специфики когнитивного стиля разных ЯЛ – авторов научного дискурса – играет определение особенностей сочетания, упорядочения этих блоков информации в структурировании дискурса.

Научный дискурс как тип институционального дискурса строится по инвариантной модели с использованием относительно стабильного набора когнитивных операций, обуславливающих его композиционно-смысловую организацию. Например, ядерные жанры научного дискурса, такие, как научная статья и монография, характеризуются достаточно стабильной композиционно-смысловой организацией, реализуют конститутивные признаки научного дискурса в полной мере: они состоят из коммуникативно-значимых

отрезков, выполняющих определенные функции: 1) в заголовке выражается основная тема, идея текста, который кроме того определяет векторы изложения информации; 2) во вводной части определяются актуальность, цель, задачи исследования; 3) в основной части текста решаются поставленные задачи; 4) в заключении делаются выводы.

Но даже если не принимать во внимание то, что присущая научному дискурсу относительно стабильная композиция варьирует в различных типах научного дискурса (в текстах точных и гуманитарных наук), количество структурных частей и их конфигурация в текстовом пространстве различаются у разных типов ЯЛ и определяет специфическую особенность когнитивного стиля авторов.

В этой связи интересным является вопрос о структуре конкретных типов институциональных дискурсов как продуктов интеллектуальной деятельности различных типов ЯЛ.

Институциональные дискурсы, как правило, характеризуются достаточно жёсткой структурной организацией, которая обуславливается доминантными признаками функциональных стилей, в рамках которых они создаются (например, характерным признаком научного дискурса является безличность изложения, официально-делового – клишированность, публицистического – эмоциональность и т.д.). Исходя из этого, можно предположить, что известная степень трафаретности институционального дискурса создаёт определенные рамки, сужающие возможности проявления специфики когнитивного стиля его автора. Тем не менее, автор, не нарушая параметров, присущих тому или иному типу дискурса, путём использования определенного набора языковых средств и способов структурирования, имеет возможность создать свой неповторимый «семантический узор текста, соединить различные его элементы, усилить, скрепить их» [Вежбицкая 1978: 406].

Анализ статей М.В. Никитина и А.П. Чудинова показал, что в них используется набор когнитивных процедур, определяющий относительно стабильный характер коммуникативно-значимых блоков, присущих для научного стиля речи. Однако использование их в определенной последовательности, в разном объёме, а также неодинаковое распределение информации внутри блоков позволяет говорить о специфике когнитивного стиля их авторов.

«Семантический и структурный узор текста» М.В. Никитина, сочетание и объём различных блоков в нем отличается тем, что с первых предложений автор определяется с предметом анализа, задачами, а также предвещает предполагаемую последовательность распределения в тексте различных блоков информации, например: *«Речь пойдет о когнитивно-семантических механизмах образования и осмысления метафорических выражений... В задачу статьи ставится изложить в виде цельной концепции представления автора по заявленной проблеме с учётом альтернативных решений. Для этого первоначально приводятся в тезисной форме отправные положения авторской концепции, затем критически оценивается теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и теория концептуальной интеграции М. Тернера и Ж. Фоконье, после чего обосновывается альтернативное понимание интеграции концептов и подводятся итог сопоставления разных подходов»* [Никитин 2002: 255].

Дискурс А.П. Чудинова структурирован по-иному. В нём первый блок посвящён довольно подробному анализу истории изучения метафоры в разных лингвистических направлениях, например: *«Исследование теории концептуальной метафоры и описание её конкретных моделей в различных видах дискурса – одно из интенсивно развивающихся направлений современной когнитивной лингвистики, которая в изучении рассматриваемого феномена полностью отказалась и от традиционного (идушего ещё от Аристотеля) взгляда на метафору как на «сокращенное сравнение», один*

из способов «украшения» речи, и от характерного для генеративистики представления о метафоре как своего рода взаимодействию двух глубинных структур, и от присущей структурализму ориентации на изучение “собственно языковых” закономерностей метафоризации. Современная когнитивная лингвистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира» [Чудинов 2002: 298].

Для рамок статьи является достаточно объёмным и анализ специфики исследования метафоры в современной когнитивной лингвистике. Здесь же даётся определение метафорической модели, характеризуются её признаки. Данный блок завершается формулировкой цели исследования: *«В настоящем исследовании рассматриваются метафорические модели, выделенные на основе общности концептуальной сферы-мишени метафорической экспансии. ... Основная задача исследования – выявление сфер источников метафорической экспансии» [Там же: 300–301].*

По-разному структурирован и оформлен у авторов и такой обязательный для любого дискурса коммуникативно значимый отрезок, как заключение, подведение итогов.

Так, М.В. Никитин интегративно и компактно представляет основной вывод исследования: *«В заключение подчеркнём главный вывод, вытекающий из анализа когнитивной стороны процессов метафоризации. ... Интеграция концептов как слияние двух концептов в один – явление вполне возможное, но периферийное и специфическое. ... Концепты такого рода отвечают условию интеграции: две ментальные единицы не просто взаимодействуют, но образуют целое – единый концепт со своим денотатом» [Никитин 2002: 269].*

Для А.П. Чудинова характерно расчленённое представление выводов в упорядоченном виде: *«Проведенное исследование политического нарратива «Российские федеральные выборы на рубеже веков» даёт основание для*

следующих выводов. 1. Нарративный анализ – одно из перспективных направлений исследования современной политической метафоры. ... 2. В рассматриваемом политическом нарративе получили широкое развитие метафорические модели с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества. ...». 3. ...дискурс российских избирательных кампаний нового века будет отличаться актуализацией совсем других метафорических моделей» [Там же: 309–310].

Рассматриваемые дискурсы отличаются также и тем, как в них разворачивается общая тема, как вводятся дополнительные подтемы.

Анализ композиционной структуры статей М.В. Никитина и А.П. Чудинова позволяет также констатировать, что логика структурирования информации в них как в ядерных типах научного дискурса обусловлена не только логикой научного познания, но и прагматическими установками автора. Как отмечают А.И. Геляева и Дж.Дж. Хучинаева, «структурируя дискурс, автор добивается нескольких целей: актуализирует проблему, выражает своё отношение к излагаемому, обеспечивает последовательность изложения, подготавливает читателя к тому, о чём будет повествоваться» [Геляева, Хучинаева 2012: 149]. То есть, в текстовом пространстве эксплицируются модели стратегий и оценок ЯЛ, благодаря которым индивидуальность автора, особенность его когнитивного стиля проявляются особенно ярко.

Так, например, в дискурсе М.В. Никитина субъективно-оценочные и образные элементы используются чаще, чем в дискурсе А.П. Чудинова, выступая мощным средством воздействия на адресата: *«Сходство судеб Клинтона и «Титаника» – всего лишь метафора структурного сходства ситуаций ... Но не будем чрезмерно придирчивы. Метафоры в примере нет, но заготовки имеются... Если довести их мысль до логического завершения и не скрывать конечный вывод, то надо признать, что метафора... порождает **противоестественных концептуальных уродцев, та-***

ких, как Титаникоклинтон (Клинтонотитаник), Айсбергмоника (Моникоайсберг)» [Там же: 264; 266] и др.

Выступая как творческий процесс/результат репрезентации хода мыслей автора, статьи одновременно содержат различные средства, выполняющие усилительно-выделительную функцию. Кроме того, всем контекстом изложения выражается авторское отношение к содержанию сообщаемого: *«Можно ещё, хотя и с существенной поправкой, отнести к интеграции концептов те случаи, когда в один образ сплавляются ошибочно, по незнанию или намеренно, с какими-то целями, черты разных денотатов. Так, один малосведущий сторонник ленинизма соединил в своих портретах лысину и бороду В.И. Ленина с усами И.В. Сталина. Пример забавен, но на деле за ним стоят важные когнитивные процессы...» [Там же: 268].*

Таким образом, анализ текста/дискурса как одного из видов когнитивной деятельности ЯЛ позволяет с лингвистической точки зрения осмыслить понятие «когнитивный стиль» и охарактеризовать его как относительно устойчивый и предпочтительный набор когнитивных операций по презентации, структурированию и оценке информации, свойственный отдельной ЯЛ и устойчиво проявляющийся в созданном этой личностью тексте/дискурсе.

Проведенный анализ подтверждает, что текст/дискурс является результатом лингвокреативной деятельности языковой личности и «несёт на себе «печать» индивидуальности её автора» [Гергокаева 2008: 61]. Поэтому при осмыслении понятия «когнитивный стиль» ЯЛ особое внимание должно уделяться анализу текста/дискурса, при создании которого получают реализацию способности ЯЛ к дискурсивной деятельности.

Характеристика текста/дискурса как репрезентанта когнитивного стиля языковой личности обусловлена следующими факторами.

Во-первых, текст/дискурс является пространством реализации индивидуальной картины мира ЯЛ. Смысловое пространство дискурса, его инфор-

мационное поле, а также используемые в нём доминантные концепты определяются принадлежностью ЯЛ к определенному социальному институту, то есть, направленностью профессиональной деятельности и, в целом, когнитивной компетенцией языковой личности.

Во-вторых, в формальной организации дискурса проявляется специфика когнитивной деятельности ЯЛ структурированно представлять информацию. Несмотря на то, что типы институциональных дискурсов имеют достаточно устойчивую формальную организацию, количество структурных частей и их конфигурация в текстовом пространстве различаются у разных типов ЯЛ.

В-третьих, в текстовом пространстве использованием специфических субъективно-оценочных и образных элементов эксплицируются модели стратегий и оценок ЯЛ, благодаря которым индивидуальность автора и особенности его когнитивного стиля проявляются особенно ярко.

2.2. Экспликация «личностных инвариантов» в дискурсе как способ объективации специфики когнитивного стиля языковой личности

Каждая ЯЛ обладает набором постоянных характеристик, которые, выступая в качестве доминант языкового сознания, определяют коммуникативное поведение, специфику дискурсивной деятельности, в целом – тип ЯЛ.

Говоря о ЯЛ, В.В. Виноградов ещё в 1930 году в книге «О языке художественной прозы» писал: «Памятник – не только одно из произведений коллективного языкового творчества, но и отражение индивидуального отбора и творческого преобразования языковых средств своего времени в целях эстетически действительного выражения замкнутого круга представлений и эмоций. И лингвист не может освободить себя от решения вопроса о способах использования преобразующей личностью того языкового сокровища, которым она может располагать» [Виноградов 1930: 91]. Это высказывание В.В. Виногра-

дова имеет непосредственное отношение к творческой деятельности ЯЛ по отбору средств языка и их специфическому использованию в создаваемом дискурсе В этом смысле индивидуальная креативная дискурсивная деятельность ЯЛ как реализация различных когнитивных процессов в современных когнитивных исследованиях определяется как когнитивный стиль.

Как считает В.З. Демьянков, «каждому человеку свойствен свой когнитивный стиль» [Демьянков 1994: 27-28].

Мы отметили, что данное понятие объединяет различные характеристики языковой личности, связанные с предрасположенностью вести себя определенным образом, представлять информацию специфическим способом, лучше реализовать конкретные виды языковой деятельности и т.д. Эти устойчиво проявляемые характеристики определяются как **личностные инварианты**.

Из всех приведенных в первой главе определений понятия «когнитивный стиль» в данной части работы мы актуализируем характеристику когнитивного стиля как «относительно стабильного сочетания «личностных инвариантов» у конкретного индивида» [Huteau 1987: 7, цит. по: Демьянков 1994: 27].

Так, представители когнитивной лингвистики выделяют три вида «личностных инвариантов»:

- инварианты-модальности и инварианты-процессы в обращении с информацией: речь идет о большей или меньшей степени интеллектуальной эффективности, склонности (в конкретных обстоятельствах) выбирать последовательность тех, а не иных операций;

- инварианты-репрезентации, соотнесенные по содержанию и по своей структуре;

- мотивационные когнитивные инварианты, связанные с представлениями о цели действия и с необходимостью стимуляции» [Там же: 27].

Применительно к объекту нашего исследования «**личностные инварианты**» можно определить как устойчивые постоянные свойства ЯЛ, проявляющиеся как предпочтение к определенным когнитивным опе-

рациям и их последовательности, к использованию определенных концептов представления информации, обуславливающие специфику речевой деятельности ЯЛ.

В «личностных инвариантах» как индивидуальных способах восприятия, переработки и передачи информации, использования языковых единиц проявляется уникальность личности, её индивидуальные свойства, обозначаемые как «когнитивный стиль».

Одного типа ЯЛ отличает фокусирование внимания на определенных объектах, свойствах на фоне других объектов и свойств, другой – обращает внимание на совершенно иные свойства объекта.

«Личностные инварианты» особенно ярко проявляются в результате дискурсивной деятельности. Личность реализует себя в своем речевом поведении, отдавая предпочтение тем или иным когнитивным операциям, тому или иному стилю общения (официальному, почтительному, прямому, косвенному), определенным способам представления информации, её интерпретации и структурированию. Различные типы ЯЛ используют не одни и те же модели вербализации когнитивных структур: один тип ЯЛ доминантно использует так называемую прямую модель репрезентации концептуальной системы с преобладанием стилистически нейтральных языковых единиц, другой тип – непрямую, эмоционально и экспрессивно окрашенную, эксплицируемую метафорическими, метонимическими, символическими моделями, выступающими репрезентантами «невидимых миров».

При определении понятия «личностный инвариант» нам представляется целесообразным привести толкование понятия «инвариант» из энциклопедии «Социология»: «Инвариант — (от лат. *invarians*, *-ntis* неизменный) англ. *invariant*; нем. *Invariante*. 1. Выражение, число и т. п., связанное с какой-либо целостной совокупностью объектов, остающееся неизменным на всем протяжении их преобразований» [Социология: Энциклопедия 2003]. Для нас это толкование важно тем, что в нём инвариант характеризуется как нечто

неизменное, стабильное. Исходя из данной характеристики инварианта, «когнитивный стиль» можно определить как совокупность неизменных характеристик ЯЛ, проявляющихся в коммуникативном поведении, дискурсивной деятельности. Эти характеристики определяют и предпочтительный подход конкретной ЯЛ к решению определенных проблем, связанных с формированием и пониманием дискурса.

Экспликацию стабильных «личностных инвариантов» в дискурсе мы рассматриваем как способ проявления специфики когнитивного стиля языковой личности.

В этой связи возникает вопрос о том, как и в какой степени различные «личностные инварианты» (инварианты–модальности и инварианты–процессы в обращении с информацией, инварианты–репрезентации, мотивационные когнитивные инварианты) проявляются в персональном и институциональном типах дискурса.

Априори можно предположить, что автор персонального типа дискурса относительно свободно может использовать различные языковые средства и выразить присущие ему индивидуальные характеристики и особенности, что персональный дискурс не накладывает ограничения на способы саморепрезентации, то есть, на манифестацию в дискурсе инвариантов–модальности, инвариантов–процессов, инвариантов–репрезентации, мотивационных когнитивных инвариантов. Поэтому естественно предположить, что в персональном дискурсе наиболее выпукло проявляется специфика когнитивного стиля ЯЛ.

Напротив, известная степень предопределенности институционального дискурса социальным институтом обуславливает различную степень проявления и различные конфигурации «личностных инвариантов» в дискурсе, в частности, инвариантов–модальности, которые, в соответствии с принятым в определенном социальном институте стандартом коммуникативного взаимодействия, репрезентируются специфически, определяя особенность когнитивного стиля автора дискурса.

Нашей целью не является детальный анализ типов дискурса. Однако для выявления того, как сочетаются в дискурсе индивидуальные и институциональные характеристики ЯЛ и в какой степени проявляются «личностные инварианты» в персональном и в различных разновидностях институционального дискурса, в последующих параграфах работы непосредственному анализу будет предпослано описание конститутивных характеристик различных типов дискурса.

2.3. Когнитивный стиль языковой личности институционального дискурса

Хотя институциональный дискурс в целом и определенные его типы получили достаточно широкое освещение в исследованиях социолингвистического и прагмалингвистического характера [Аликаев 1999; Архипова 2002; Базылев 2005; Барляева 1993; Бурдые 1999; Ворожбитова, Кегеян 2009; Демьянков 2002; Кажарова 2006; Карасик, 1992; 2000; 2002; 2009; Котюрова, Тихомирова 2011; Макаров 2003; Рожкова 2003; Сопова 2011; Фахруддинова 2008; Чернявская 2006; Чудинов 2007; Шейгал 2000 и др.], термин «институциональный дискурс» неоднозначно определяется разными учеными.

Так, П. Бурдые трактует институциональный дискурс как «устойчивую систему статусно-ролевых отношений, сложившуюся в коммуникативном пространстве жизнедеятельности определенного социального института, в рамках которой осуществляются властные функции символического принуждения в форме нормативного предписания и легитимации определенных способов мировидения, мироощущения, векторов ценностных ориентаций и моделей поведения» [Бурдые 1999: 136]. Кроме того, автор отмечает, что в институциональном дискурсе объективируются нормы и стандарты статусно-ролевого поведения.

М. Фуко понимает институциональный дискурс как поле дискурсивных практик в рамках социального института, который детерминирует порядок коммуникации, структурирует объекты посредством отделения нормы от ненормы и навязывает обществу определенную оценочную и когнитивную базу [Фуко 1996].

Особая роль в исследовании социолингвистических типов дискурса принадлежит В. И. Карасику, который выделил различные разновидности институционального дискурса [Карасик 2002] и определил институциональный дискурс как «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик 2000: 45].

По мнению В.И. Карасика, институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений и имеет два системообразующих признака: цели и участники общения. Например, исходя из такой цели, как завоевание и удержание власти, по его мнению, выделяется политический дискурс, а участниками данного типа дискурса являются политики, представители определенного политического института и их адресат в широком смысле [Карасик 2000].

Исходя из того, что институциональное общение обуславливается стандартами типа социального института, В. И. Карасик называет его «коммуникацией в своеобразных масках» [Там же].

Как справедливо отмечается в одном журнале, «наша речь, как одежда и макияж, должна соответствовать ситуации, в которой мы оказываемся, и людям, к которым мы обращаемся» [Штучка 2001: 46]. Из этого следует, что участники институционального дискурса должны учитывать фактор адресата, коммуникативную ситуацию и с их учетом осуществлять выбор языковых средств.

Специфика институционального дискурса определяется как его системообразующими признаками – целью и участниками общения, так и различ-

ными признаками, обусловленными типом конкретного социального института, такими, например, как хронотоп, тематика, дискурсивные формулы, ключевой концепт, мотив, стратегия, канал, жанр, регистр общения.

В лингвистике выделены различные разновидности институционального дискурса. Так, В.И. Карасик к институциональному типу дискурса относит, например, такие типы, как педагогический, религиозный, научный, политический, медицинский [Карасик 2004].

Исходя из типа социального института, выделяют также административный, военный, деловой, дипломатический, рекламный, спортивный, юридический, массово-информационный, или публицистический и другие типы дискурса. Приведенные типы институционального дискурса, конечно, не исчерпывают существующие типы институционального общения.

В настоящей диссертации с целью определения специфики репрезентации когнитивного стиля ЯЛ рассматриваются не все типы институционального дискурса, а лишь отдельные, в которых стандарт институционального общения соблюдается более или менее последовательно и зависит от ЯЛ: это такой наиболее консервативный тип институционального дискурса, как научный, а также менее жестко структурированные типы институционального дискурса, как политический и публицистический.

2.3.1. Специфика манифестации «личностных инвариантов» языковой личности в научном дискурсе

Известно, что научный дискурс является одним из типов институционального дискурса, целью которого является процесс вывода нового знания о предметах, явлениях, их свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный коммуникативными канонами научного общения – логичностью изложения, доказательством истинности или ложности тех или иных положений, предельной абстрактизацией предмета речи [Аликаев 1999]. С актуализацией когнитивных аспектов научного дискурса иссле-

дователи начинают уделять особое внимание специфике вербализации в тексте/дискурсе научного мышления ученого, рассмотрению дискурса как коммуникативно-когнитивной деятельности ЯЛ и определению роли автора в формировании структуры и содержания дискурса [Гергокаева 2008; Данилевская 2003; Данилова 2015; Кажарова 2006; Кубрякова 2000; Карасик 2000; 2002; Макаров 2003; Манаенко 2003; 2009; Плеханова 2003 и др.].

Особую значимость в рамках целевой направленности исследования представляет характеристика в современных лингвистических исследованиях научного дискурса как «сложного комплекса субъективно-объективных отношений научно-познавательной деятельности и её продукта» [Котюрова 1988: 17] и актуализация активности субъекта, обуславливающего личностный компонент научного текста [Кожина 1994: 15]. В манифестации таких компонентов научного дискурса, как цель, стратегии, ключевые концепты, определении предмета исследования, методов, проведении критического анализа источников, формулировании задач, гипотезы, представлении результатов исследования и их оценки, определении теоретической и практической ценности исследования и его перспектив ведущая роль принадлежит ЯЛ автора. Кроме того, ЯЛ в порождаемом дискурсе посредством специфичных дискурсивных формул, а именно, профессионально- или личностно-маркированных языковых единиц объективирует особенности своей текстовой деятельности. Однако ЯЛ в разных жанрах научного дискурса использует разные стратегии, а также концепты представления информации. Если для ядерных жанров научного дискурса основной стратегией является вывод нового знания и его представление, то для рецензии – его мотивированная оценка, а для вторичных жанров – переработка информации и извлечение из текста основного содержания. Поэтому «личностные инварианты» не в одинаковой степени эксплицируются в дискурсе ЯЛ.

Существенным является выявление того, какова специфика проявления «личностных инвариантов» в разных жанрах научного дискурса. С этой целью проанализируем дискурс известного отечественного лингвиста В. Вс. Иванова, в частности, статью «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему» [2002], на основе которого попытаемся определить репрезентированные в ней доминанты когнитивного стиля ученого. При решении данного вопроса мы опираемся на определения понятия «когнитивный стиль», данные в рамках индивидуальной психологии (устойчивые особенности познавательных процессов личности, обуславливающие применение различных исследовательских стратегий [Адлер 1993]), когнитивной психологии (устойчивые свойства личности, определяющие восприятие, переработку и передачу информации). Кроме того, для нас важной является актуализация связи «личностных инвариантов» с понятием «когнитивный стиль» и следующее определение последнего: когнитивный стиль – это «относительно стабильное сочетание «личностных инвариантов» у конкретного индивида» [Демьянков 1994: 27].

Для определения стабильно представленных в дискурсе «личностных инвариантов» проанализируем работу В.Вс. Иванова «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему»: *«Хотя научное языкознание ...существует более 3 тысяч лет, главные его проблемы только ещё начинают формулироваться. Их подробное обсуждение, а по возможности и решение, откладывается на наступившее столетие. Ниже перечислены лишь некоторые из них... Я начинаю с «внутренней лингвистики» в смысле Соссюра. Группа первых шести вопросов касается членений речи, и соотношений между единицами языка разных уровней, следующие 4 вопроса относятся к лексической и грамматической семантике и к тексту в целом, в 17–20 я затрагиваю вопросы аффективного и поэтического языка, в последнем разделе (21) говорю о методах будущего исследования в целом»* [Иванов 2002: 6–7].

Данный фрагмент из работы В. Вс. Иванова отличается четко структурированным представлением информации, что, безусловно, позволяет читателям рассматривать эти части как значимые.

Выведенным в активную позицию названием работы «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему» уже предполагается выделение различных вопросов к будущему лингвистики, которые в пространстве дискурса представлены в качестве двадцати одного содержательно самостоятельного блока (например: 1. *Насколько линейна реализация фонем в речи? Психофонетика и письмо. ...* 7. *Пути семантических исследований. Распределение семантических и грамматических типов значений в мозге. ...* 21. *Замечания к проблеме методологии наук*), которые, тем не менее, образуют целостный дискурс, объединенный пониманием всех этих вопросов как будущего лингвистики. Другой автор мог бы структурировать эту же информацию в ином виде.

Дискурс В.Вс. Иванова приобретает динамическую структуру, благодаря тому, что уже на первой странице в качестве фигуры выделяется выражение: *Ниже перечислены лишь некоторые из них...* [Там же: 7], которое предопределяет дифференциацию предполагаемой для изложения информации.

В относительно небольшой по объёму работе подобный способ актуализации структурных частей встречается довольно много: «*Поэтому несколько приводимых ниже иллюстраций* носят совсем предварительный характер. ...*Приведу кратко предварительные данные* обследования языков Лос-Анджелеса. < > *Самой многочисленной языковой группой* города, включающей немногим меньше половины населения» является испаноязычная. < > *Вторым* по числу говорящих ... *остается американский стандарт* английского языка. ... *Третьим* по численности в Лос-Анджелесе армянское меньшинство (около полумиллиона говорящих). ...*Четвертым* из индоевропейских языков ... *является фарси. Пятый* из языков индоевропейской семьи – русский; *Начало второй половины XX века* ознаменовалось несколькими

крупными открытиями, которые обозначили новый этап в развитии науки в целом. Назову те из них, которые вошли в научный обиход в период моего научного становления...» [Иванов 2002: 38; 51–76] и др.

Приведенные примеры подтверждают то, что одним из важных показателей специфики когнитивного стиля В. Вс. Иванова, репрезентацией инвариантов-процессов является линеаризация дискурса.

В психолингвистическом понимании «правила линеаризации концептуализируют представления говорящего об устройстве мира, познанного, а затем расчлененного и упорядоченного им сообразно его потребностям и оценкам» [Сигал 2005: 25]. В применении к порождению текста эти правила выступают как когнитивные операции по способу представления информации, то есть, как её структурное и смысловое упорядочение.

Таким образом, к числу инвариантов-процессов В. Вс. Иванова относятся четкое структурирование информации, её определенная упорядоченная подача, линеаризация, которая обусловлена как содержанием сообщения, так и спецификой когнитивных стратегий ЯЛ.

В дискурсе В. Вс. Иванова представлены и специфические инварианты-репрезентации, то есть, предпочтительно используемые автором определенные языковые средства, концепты представления информации, делающие узнаваемым когнитивный стиль. Именно особым образом организованные словесные выражения способствуют кристаллизации смысла и актуализации когнитивного стиля.

По словам В. фон Гумбольдта, «речь в соответствии с безграничными возможностями её употребления... требует соразмерных этим возможностям элементов... Поэтому она всегда стремится обрести такие языковые элементы, которые обеспечили бы оптимальное выражение мыслительных форм...» [Гумбольдт 1984: 126–127]. К таким соразмерным для лингвиста В.Вс. Иванова инвариантам-репрезентациям относится я-форма представления мате-

риала: «Для типологических сопоставлений я **выбрал** присутствующие в разных языках противопоставление большого (увеличительность) и малого (уменьшительность); Но о большинстве языков мира я **сужу** только по их описаниям, часто весьма несовершенным; Едва ли не самым поразительным для всего **моего** поколения было знакомство с теорией информации ... **Меня** заинтересовала работа Шеннона о теоретико-информационном подходе к дешифровке ... **Мне** ещё повезло в том отношении, что я в 1960–1963 гг. принимал участие в тех занятиях А.Н.Колмогорова, которые привели к созданию его теоретико-информационной модели стиха» [Иванов 2002: 39; 77–78].

Статья В. Вс. Иванова несколько отличается от стандарта ядерного научного жанра, поскольку она представляет собой научно-популярный жанр, на что указывает и повествовательный характер дискурса, отличающий его от строгого научного описания: **Удивительность** человеческого языка с эволюционной точки зрения **состоит** и в том, как органы, ставшие нужными для речи (но вначале имевшие другие функции), были использованы в качестве клавиатуры столь сложно построенного инструмента; **Поразжала свобода**, с которой сочиняются такие вполне новые обороты: языковому творчеству пределы здесь не поставлены; Бахтин был первым, кто **настаивал** на необходимости металингвистики... Не вполне ясно, **удастся** ли выделение её в особую науку [Там же: 10; 19; 41].

Однако такие концепты представления информации в дискурсе В.Вс. Иванова, как *психофонетика, морф, грамматические универсалии, грамматикализация, лексикализация, синхрония, диахрония, нейролингвистика, языковая ситуация* и многие другие, являются маркерами отнесенности дискурса к определенному институту.

Особенности когнитивного стиля проявляются и как инварианты-репрезентации, соотнесенные по содержанию и структуре. Они детерминируются также включающей весь массив знаний личности индивидуальной

языковой картиной мира, которую, вслед за В.А. Масловой, мы понимаем как «модель мира, представленную в сознании личности системой концептов, выраженных средствами языка в определенный исторический период» [Маслова 2004: 41].

Статья В.Вс. Иванова, посвященная лингвистическим проблемам, отличается широким привлечением концептов, относящихся к другим областям знания, что свидетельствует о широте актуализированного в тексте когнитивного пространства ученого, например: *Я много думал о выводах по поводу языковых функций двух полушарий в свете изучения функциональной асимметрии; Ещё раз я смог не на востоке, а на западе – в Польше – наблюдать продолжение традиций того странного веротерпимого союза разных религий и языков; Общие идеи по мере того, как их изложение становится более абстрактным, частично могут пересекаться с определенными разделами математики. ... Рене Том занимался просто теорией особенностей, но сфера приложения теории катастроф (в том числе и к языку) гораздо шире. ... Опять-таки возвращаясь к примеру Колмогорова, можно напомнить, что теория вероятности как математическая дисциплина входит в теорию меры. ... убедительным примером может оказаться теория симметрии. ... В такой же мере, в какой по Янгу, физика после Эйнштейна целиком строится на понятии симметрии, его аналог выдвигается на передний план [Иванов 2002: 49; 83;].* Эти концепты, использованные в дискурсе В.Вс. Иванова, выступают также как маркеры социального опыта человека определенной эпохи.

Обусловленность концептуальной организации дискурса определенным социальным институтом, как было отмечено выше, проявляется и в лиnearизации дискурса, в специфическом упорядочении смыслового пространства дискурса и его репрезентации актуализацией идей, связанных с институциональным научным (лингвистическим) дискурсом: «Согласно замеча-

тельной мысли Соссюра, пока ещё не получившей достаточно плодотворного развития, лингвистика и другие семиотические дисциплины, оперирующие категорией ценности, именно поэтому должны строго разделять **синхронный срез и диахронию**» [Там же: 85].

В дискурсе В. Вс. Иванова представлен также специфический способ актуализации информации, способствующий обратить внимание на отдельные положения работы: *«Сделаю оговорку относительно приводимого здесь материала; Опять-таки вернусь к примеру Колмогорова... Можно надеяться, что наиболее плодотворным соприкосновением с математикой для лингвистики может оказаться именно поиск и выработка общих идей, объединяющих её с другими науками»* [Там же: 38; 83]. Это также связано с доминантным для лингвиста способом структурирования информации.

Что касается мотивационных «личностных инвариантов», то в этом плане анализируемая работа не отличается спецификой представления цели исследования. Цель и задачи сформулированы универсальными для научного дискурса формулами: *В работе предполагается провести обзор актуальных проблемных областей современной науки о языке. ... Автор полагает также, что в будущем станет особо значимым эстетический критерий лингвистических исследований. ... Чтобы сделать понятнее, что имеется в виду, в последующем изложении каждый из вопросов иллюстрируется поясняющими примерами* ... [Там же: 6–7]. Итак, в дискурсе В.Вс. Иванова проявляются различные личностные инварианты, но особое место занимают инварианты-процессы в обращении с информацией: склонность к упорядоченной подаче информации и линеаризации речи, которая подкрепляется инвариантами-репрезентациями, представленными субъективно-маркированной я-формой изложения материала, широким привлечением интертекстуальных концептов, а также повествовательным характером дискурса, отличающимся от строгого научного описания.

2.3.2. Инварианты-модальности, инварианты-процессы, инварианты-репрезентации и мотивационные когнитивные инварианты когнитивного стиля ЯЛ автора политического дискурса

Хотя ЯЛ политика является предметом интенсивного разностороннего анализа как антропоцентрической лингвистики, так и гуманитарных наук в целом [В.Н. Базылев; В.З. Демьянков; В.И. Карасик; В.Б. Касевич; В.А. Маслова; А.А. Пушкин; К.Ф. Седов; И.В. Сопова; А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.], до настоящего времени нет специального монографического исследования институциональной языковой личности, не выявлены её конститутивные признаки, в частности, особенности когнитивного стиля автора политического дискурса.

Исследователи политического дискурса трактуют его как вид институционального общения, основной целью которого является достижение, а также удержание политической власти, для реализации которого автор использует различные языковые средства побуждения адресата к определенным действиям в сфере политики, внушение некоторых оценок [Демьянков 2002; Карасик 2004; Маслова 2008; Шейгал 2000 и др.]. От личностно-ориентированного дискурса он отличается такими свойствами, как статусно-ролевые характеристики участников общения, коммуникативные цели и стратегии и реализующие их языковые единицы, базовые концепты [В.И. Карасик; О.В. Попова; О.Е. Рожкова; И.В. Сопова; А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.].

Характеризуя типовые свойства, дискурсивные характеристики и функции политической коммуникации, А. П. Чудинов отмечает, что «политическая коммуникация преимущественно институциональна: это означает, что общение происходит ... между представителем одного социального института (правительства, парламента, общественной организации, муниципалитета и т.п.) и представителем другого социального института, или «гражданином», «избирателем» » [Чудинов 2007: 54 –55].

В этой связи представляется целесообразным актуализировать, что статус «институциональная языковая личность» обуславливает правила стандартного коммуникативного поведения и построения дискурса. Между тем, дискурсы разных ЯЛ, созданные с соблюдением системы стандартов социального института «Политика», содержат «личностные инварианты», делающие их узнаваемыми, что позволяет говорить об особенностях когнитивного стиля «институциональной языковой личности».

Как отмечает И. В. Сопова, личность политика выступает, с одной стороны, как носитель индивидуальных речевых характеристик, с другой – как идеальный тип институциональной личности, выражающий перспективы реализации надежд и чаяний электората [Сопова 2011]. С одной стороны, социальный институт «Политика» предопределяет стандартное коммуникативное поведение ЯЛ, с другой, – ЯЛ для эффективного коммуникативного взаимодействия с адресатом должен реализовать себя и как личность путем выбора определенных экспрессивно-маркированных средств структурно-смысловой организации дискурса.

Поэтому выявление того, как институциональность и личностный характер коммуникации специфически сочетаются в дискурсе В.В. Путина как известного российского политика, определение «личностных инвариантов» как показателей специфики его когнитивного стиля является основной целью данной части диссертационной работы.

Объектом анализа явилось выступление Владимира Путина на большой пресс-конференции 18 декабря 2014 года и 2016 года.

Следует отметить, что выбор текста выступления Владимира Путина на большой пресс-конференции в качестве материала для анализа обусловлен тем, что он включает в себя следующие разновидности речи: во-первых, вступительная часть выступления, которая представляет собой монолог и в которой презентация информации и её определенная структуризация не детер-

минированы вопросами журналистов, а зависят от создателя текста; во-вторых, остальная часть дискурса, выступающая как диалог, содержательно и структурно обусловлен поставленными вопросами, задающими векторы разворачивания текста.

Априори можно предположить, что указанными особенностями будет обусловлено использование различных «личностных инвариантов» как во вступительной, так и в остальной части дискурса.

Безусловно, дискурс любого политика характеризуются некоторыми типовыми структурно-семантическими и прагматическими признаками, присущими для дискурса массовой коммуникации, к которым относятся: институциональность и личностный характер коммуникации и выраженность авторского "я"; общедоступность и эзотеричность; диалогичность и монологичность; полнота и редукционизм информации; толерантность и агрессивность; социально-оценочный характер изложения информации; использование как стандартных для политического дискурса, так и экспрессивных языковых средств и др. [см., напр., Чудинов 2007: 53–66]. Однако фокусирование внимания на позитивной характеристике поддерживаемых взглядов проводится разными политиками с использованием разных дискурсивных стратегий, тактик, приёмов и ходов.

Анализ дискурса Владимира Путина с точки зрения определения в нем инвариантов-процессов позволяет утверждать, что наиболее частотными в реализации его коммуникативных интенций являются различные типы структурно-смысловой актуализации информации, к числу которых, прежде всего, относится *выдвижение*, которое является важной составляющей его когнитивного стиля. Выдвижение выступает в дискурсе В. Путина как инвариант-процесс, то есть, способ подачи, представления, структурирования информации.

Выявление специфики его использования в процессе построения текста/дискурса публичной ЯЛ является актуальным и значимым.

Термин «выдвижение» в отечественной лингвистической традиции в основном использовался в применении к художественным текстам как один из приёмов их построения. С актуализацией когнитивного направления и изучения текстовой деятельности ЯЛ особое внимание стало уделяться роли выдвижения в процессе построения и понимания текста.

В существующих в когнитивной лингвистике дефинициях приводятся различные характеристики выдвижения. Этот термин определяется как: «...способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного уровня или чаще разных уровней» [Арнольд 2002: 99]; «категория текста, отождествляемая с риторическим подчеркиванием информации» [Longacre 1983, цит. по: КСКТ 1997: 21], «концепт, характеризующий важность помещения на первый (передний) план по своей значимости той или иной языковой формы, которая выступает в качестве поискового стимула, или «ключа» в процессах языковой обработки информации» [там же: 21]; мотивированное коммуникативное выделение [Филлмор 1981]; неестественная выделенность [Osgood 1984].

При определении данного понятия, на наш взгляд, особое внимание должно уделяться трактовке выдвижения как лингвокогнитивной операции, которая осуществляется ЯЛ в процессе её дискурсивной деятельности и в соответствии с её интенциями. Именно автор дискурса определяет наиболее значимую для адресата информацию в тексте и актуализирует её, либо выдвигая на передний план, либо используя другие лингвориторические способы. Поэтому характеристика выдвижения как «мотивированного коммуникативного выделения» с актуализацией особенно важных элементов переда-

ваемой информации помещением их в активную зону представляется нам наиболее обоснованной.

Выдвижение мы рассматриваем как одну из характеристик общего когнитивного стиля ЯЛ, поскольку оно является определенным способом организации текста, используемым автором для управления вниманием адресата в целях лучшего восприятия последним текста.

Основной интенцией В. В. Путина как политика является фокусирование внимания на тех идеях и представлениях, которые характеризуют его взгляды и платформу политической партии «Единая Россия» на социально-политическую жизнь народа, на различные проблемы, то есть выдвижение их на передний план.

Какие способы выдвижения В.В. Путин как институциональная ЯЛ наиболее часто использует в своём дискурсе?

Анализ выступлений В.В. Путина в целом позволяет констатировать, что для них присущи все типовые структурно-семантические и прагматические свойства политического дискурса. Они отличаются такими содержательными, структурными и экспрессивными характеристиками, как конкретность, четкость и ясность поставленных целей, логичность, аргументированность, информативная насыщенность, эмоциональность и динамизм, которые обеспечиваются использованием различных языковых средств, в частности:

1) фазовых глаголов и темпоральных наречий: *Как мы и делали в прошлый раз, я **начну**, скажу о результатах работы, а **затем** постараюсь ответить на ваши вопросы; Я сказал **вначале** и хочу этим **закончить**...* [БПК 2014];

2) аргументационных текстов: *Дело о «Башнефти» не имеет ничего общего с пересмотром итогов приватизации. **Почему? Потому что** судом не поставлена под сомнение законность приватизации...* [БПК 2014];

3) цифрового материала: *Сальдо торгового баланса выросло на **13,3 миллиарда** долларов и составило **148,4 миллиарда** долларов; ...доходы будут пре-*

вышать наши расходы на **1,2 триллиона рублей**, это примерно **1,9 процента ВВП**; **Естественный прирост населения за девять месяцев – 37,1 тысячи человек**; ...постоянное жильё получили **11700 военнослужащих** [БПК 2014];

4) эмоционально маркированных единиц: *Но лакировать всё бесконечно тоже невозможно...; Три миллиарда в загашинике – понимаете, о чём идёт речь? ...под нули шёл за интересы страны; Самое главное – это обеспечить социальное благополучие людей...; Центральный банк не намерен их «палить» бездумно* [БПК 2014].

В реализации названных коммуникативных качеств речи особую роль играет такая когнитивная процедура управления вниманием читателя/слушателя, как выдвигание.

Дискурс В.В. Путина отличается максимальным направлением фокуса внимания слушателей/читателей на наиболее значимые в данной коммуникативной ситуации события и факты. В информативно насыщенном и динамичном дискурсе автора фиксация внимания адресата достигается использованием различных способов и типов выдвигания, и прежде всего, *градации*.

В лингвистике под *градацией* понимается «стилистическая фигура, состоящая из ряда словесных компонентов (не менее трёх): слов, словосочетаний, частей предложения, предложений, изобразительно-выразительных средств языка, расположенных в порядке их возрастающей или убывающей семантической и/или эмоциональной значимости» [КРР 2003: 139]. Для ступенчатого представления частей дискурса, их расположения в градуированной по степени значимости последовательности и актуализации этой последовательности в дискурсе В. В. Путина используются различные способы и приёмы, реализуемые посредством различных языковых средств:

1) нумерации: *Первое – это, естественно, самое основное, экономический показатель. Рост валового внутреннего продукта – он за 10 месяцев текущего года составил 0,7, может быть, будет где-то 0,6 процента... не*

много ускорилось промышленное производство ... прирост составил 1,7 процента ... **Второе.** Ответственность за всё, что происходит в стране, всегда лежит на главе государства... И от этой ответственности я никогда не уклонялся и уклоняться не собираюсь. **И наконец,** по поводу кадровых ошибок... [БПК 2014];

2) сцепления сходных структурных элементов текста, в результате которого достигается его когерентность: *После прошлогодней паузы немного ускорилось производство... Продолжает развиваться агропромышленный комплекс... Несмотря на все турбулентности на финансовом рынке, федеральный бюджет в этом году будет свёрстан с профицитом, то есть доходы будут превышать наши расходы на 1,2 триллиона рублей ... У нас снижается смертность и увеличивается рождаемость... Достигнуты и превышены установленные на 2014 год целевые соотношения заработной платы* [БПК 2014];

3) вводных слов и предложений: **Безусловно,** если ситуация будет неблагоприятно развиваться, то нам придется вносить какие-то коррективы в наши планы. **Безусловно,** придется что-то сокращать. Но также безусловно, и я хочу это подчеркнуть, как говорят специалисты, «отскок в плюс» ...; **Кстати сказать,** наши китайские друзья это прекрасно понимают; **Безусловно,** я разделяю озабоченности представителей сельского хозяйства...; **Конечно,** мы должны видеть, понимать и тонко реагировать на то, что происходит... [БПК 2014];

4) обратного порядка слов: *На низких значениях находится уровень безработицы... Главным итогом года в социальной сфере нужно назвать, конечно, позитивную демографическую ситуацию ... Влияют на сегодняшнюю ситуацию и внешнеэкономические факторы, прежде всего, конечно, цена на энергоносители; ... Немного ускорилось промышленное производство...* [БПК 2014];

5) дейктических элементов: *Это то, что я хотел бы сказать вначале по цифрам; В этом же самая главная проблема сегодняшних международных отношений...; Вот в чём проблема* [БПК 2014];

6) повтора языковых единиц, направленных на интенсификацию оценки: *Думаю, что все мы понимаем, что главный вопрос сегодняшнего дня, главный вопрос, который интересует граждан нашей страны, – о том, в каком состоянии находится экономика, национальная валюта...; ...этим вопросам – вопросам социального благополучия граждан – мы будем уделять особое внимание в предстоящий период* [БПК 2014];

7) противопоставления: *...все ресурсы, которые нам были нужны для выполнения не только социальных обязательств, но и по развитию оборонной сферы...; Известно, что значительная часть электроэнергетики Украины работает на донбасских углях, но до сих пор не покупают* [БПК2014];

8) парцелляции, использованием которой достигается расчленение сложной синтаксической структуры на интонационно-смысловые части, актуализируемые автором для восприятия наиболее важной информации: *Кто вышел в одностороннем порядке из договора, который, безусловно, являлся одним из краеугольных камней всей системы международной безопасности? Мы, что ли? Нет. Это сделали Штаты. В одностороннем порядке вышли. Создают угрозу для нас. Разворачивают элементы стратегической ПРО не только на Аляске, но и в Европе, и в Румынии, и в Польше – прямо возле нас...* [БПК 2014].

Эффект актуализации усиливается за счет использования в градационном ряду языковых средств, связанных гиперо-гипонимическими отношениями: *Достигнуты и превышены установленные на 2014 год целевые соотношения заработной платы по десяти категориям работников... Это прежде всего педагоги школ, учреждения дополнительного образования, соци-*

альные педагоги, преподаватели вузов, врачи, средний и младший медперсонал, работники учреждений культуры [БПК 2014].

Следует отметить, что охарактеризованные выше типы выдвижения актуализируют значимые смысловые отрезки как в пределах предложения, так и абзаца и даже целого текста.

Наиболее часто встречающимся в дискурсе Владимира Путина типом выдвижения является *вопрос*, в том числе и риторический: *Мы полностью прекратили, а американские стратегические самолёты с ядерным оружием продолжали летать. Зачем? Против кого? Кому угрожали? В Европе что делают американские вооружённые силы...? А система ПРО рядом с нашими границами? Это что, разве не стена? Мы, что ли, свои вооружённые силы выдвигаем к границам Соединенных Штатов либо других государств? И Вы хотите сказать, что мы проводим агрессивную политику?* [БПК 2014].

Выдвижение часто реализуется также вопросно-ответной конструкцией: *Почему так происходит? Потому что люди и душой, и сердцем чувствуют, что мы, и я, в частности, действуем в интересах подавляющего большинства граждан Российской Федерации; Возможно ли дальнейшее снижение цен на нефть...? Да, возможно; Сможем ли мы это сделать или не сможем? Точно сможем; На чём основан мой оптимизм? На том, что экономика неизбежно будет приспосабливаться к жизни и работе в условиях низких цен на энергоносители; Вопрос: хотим ли мы равноправных отношений? Да, хотим. Но при безусловном уважении наших национальных интересов ...* [БПК 2014];

Итак, доминирующим способом представления информации в рассматриваемом дискурсе Владимира Путина, инвариантом-процессом является выдвижение, которое реализуется выбором наиболее значимых с точки зрения автора слов, словосочетаний, предложений, частей текста и выдвижением их в активную зону с целью фиксации внимания слушателя/читателя на

них. При этом основную роль в специфичном построении дискурса автор отводит таким типам выдвижения, как *вопрос, в том числе риторический, вопросно-ответная конструкция, стилистическая конвергенция*. Выявлено, что как во вступительной, так и в остальной части выступления В.В. Путина используются одни и те же способы и типы выдвижения. Однако стилистическая конвергенция как тип выдвижения встречается в основном во второй части выступления В.В. Путина, что, на наш взгляд, детерминировано содержанием и эмоциональной направленностью вопросов журналистов.

Особый интерес в рамках исследования специфики когнитивного стиля В.В. Путина как автора институционального типа дискурса представляет анализ *инвариантов-модальности* в его дискурсе.

Демонстрируя общестилевые признаки политического дискурса, выступление В.В. Путина отличается специфическим сочетанием экспрессивных и стандартных языковых средств, особой их конфигурацией в рамках дискурса.

Г.И. Богин отмечал, что от творческих способностей и характеристик субъекта зависят особенности создаваемых им текстов, степень их структурно-языковой сложности, глубина и точность отражения действительности [Богин 1984]. На наш взгляд, от творческих способностей говорящего, от креативности его мышления в первую очередь зависит степень экспрессивизации дискурса, обуславливающий его воздействующую силу.

Эмоциональность политического деятеля относится к личностным параметрам его коммуникативного поведения что, безусловно, находит отражение в его дискурсе.

Исходя из того, что языковая личность как феномен актуализируется своей дискурсивной деятельностью, а специфика его индивидуального стиля рельефно проявляется через выбор языковых средств, предметом анализа явились также средства и приёмы интимизации повествования в дискурсе

В.В. Путина в плане определения их роли в репрезентации особенностей его когнитивного стиля.

Исследование интимизации повествования не относится к числу традиционных проблем лингвистики. Сам термин «интимизация повествования» был введен в научный оборот Л.А. Булаховским, и он использовался в основном в литературоведении при изучении стиля русских писателей и анализе средств экспрессивизации в их художественных произведениях. Поэтому для отечественной филологии было характерно рассмотрение интимизации повествования как одной из специфических черт художественного текста. Вопросы, связанные с использованием приемов и средств интимизации повествования в других типах текстов, а также ролью этого стилистического приёма в актуализации специфики индивидуального стиля ЯЛ, затрагивались лишь sporadически. Поэтому актуальность и необходимость исследования интимизации повествования в лингвокогнитивном аспекте как приёма объективации особенности когнитивного стиля языковой личности – продуцента политического дискурса – представляется несомненной.

Определение когнитивного стиля как специфического способа представления информации, её структуризации в тексте/дискурсе конкретной ЯЛ предполагает доминантное использование определенных лингвистических приемов и средств выражения эмоционально-оценочного восприятия действительности, способствующих созданию эффекта непосредственной беседы с читателем/слушателем, что составляет суть интимизации повествования.

В лексикографических источниках термин «интимизация повествования» определяется как «стилистический приём, включающий такое использование речевых средств, в результате которого создаётся эффект доверительного непосредственного общения автора с читателем или слушателем» [КРР 2003: 224]. При таком понимании данного термина очевидна связь терминологического значения рассматриваемого понятия с основным лексиче-

ским значением слова, которое определяется в толковых словарях как: «1. Касающийся отдельного лица, его личной жизни, отношений с близкими людьми. 2. Находящийся в тесной, дружественной связи, отношениях; близкий. 3. Лишенный сухой, строгой официальности» [СРЯ 1981: 673].

Если исходить из приведенных толкований значения, то основу терминологизации, безусловно, составили семы «индивидуальный», «близкий», «лишенный сухой официальности».

На коммуникативном уровне интимизацию, таким образом, следует понимать как субъективизацию повествования, детерминированную эмоционально-оценочным восприятием информации, и представление этой информации как сокровенного размышления, доверительного обсуждения, в котором автор приглашает участвовать адресата, тем самым имплицитно совместное осмысление злободневных проблем.

По мнению Е.В. Ласточкиной, суть понятия «интимизация повествования» состоит «в минимизации коммуникативного расстояния между автором и читателем» [Ласточкина 2013: 114]. Эта «минимизация коммуникативного расстояния» между автором и адресатом в дискурсе Владимира Путина достигается различными, «лишёнными сухой, строгой официальности» средствами, к числу которых в первую очередь относится *«авторская модальность»*, включающая единицы разных уровней языка.

По мнению А.Г. Баранова, авторскую модальность эксплицируют «операторы эмотивного, эпистемического, деонтического и композитивного характера, служащие выразителями субъективного отношения автора к содержанию текста» [Баранов 1993: 102] и придающие ему особую экспрессивную окраску.

В языке существуют различные стилистические средства экспрессивизации, к которым относят различные формы субъективной модальности, фигуры речи, крылатые слова и выражения, то есть любые средства вырази-

тельности речи, относящиеся к разным уровням языка и служащие усилению её убедительности.

Наибольшей частотностью в дискурсе Владимира Путина отличаются *лексические средства* экспрессивизации, к числу которых относятся:

1) тропы, служащие усилению выразительности речи и передаче эмоционально-экспрессивных и оценочных значений: *За этот «черный» для рубля понедельник-вторник была лавина критики в адрес Центрального банка... ; Но лакировать все бесконечно тоже невозможно... ; Я не считаю, что это указ без жизни... ; Не потому, что денег нет, хотя денег никогда нет, даже в самые тучные годы их не хватает* [БПК 2014];

2) стилистически маркированная лексика и обороты речи разговорного характера: *Конечно, можно «наезжать» на Набиуллину, но не надо забывать, что в целом их политика является адекватной...; Они решили, что они...теперь империя, а все остальные – вассалы, и нужно дожимать...; А отхапать у Мексики Техас – это справедливо? Не украсть, не кого-то надуть, а именно поработать на рынке...; Три миллиарда в загашинике – понимаете, о чем идёт речь? Можно, конечно, бесконечно их трепать, этих чиновников, но не забывать, что от их эффективной работы зависит судьба миллионов наших граждан; Наши бюрократы ещё отдыхают по сравнению с брюссельскими; Быть постоянно в зависимости, постоянно на крюке где-то? Знаете, что они сделали? Не знаете. Я вам скажу: они уволились просто. Цирк, да и только* [БПК 2014];

3) фразеологизмы: *Есть ли в чьих-то действиях признаки того, что они перегибают палку, что называется? Я, когда был там, господину Эрдогану сказал: «Может быть, о некоторых вещах нам сейчас не стоит публично говорить, не стоит дразнить гусей, а то завтра налетят сюда?»; Но всё-таки грань между оппозиционерами и «пятой колонной» внутренняя...*

«пятая колонна» – это те люди, которые исполняют то, что продиктовано интересами другого государства... [БПК 2014];

4) модальные частицы: *Но не мы же это сделали, не мы же там переворот устраивали; Мы, что ли, свои вооруженные силы выдвигаем к границам Соединенных Штатов либо других государств? Нас кто-нибудь слушает, хоть какой-то диалог с нами по этому поводу ведут?* [БПК 2014].

Приведенные примеры показывают, что, несмотря на официальный стиль изложения, дискурс Владимира Путина отличается яркой экспрессивно-оценочной маркированностью, прагматической целью которой является стремление к прямому диалогу с адресатом, к фиксации его внимания на злободневных проблемах.

В информативно насыщенном и динамичном дискурсе автора фиксация внимания адресата достигается использованием различных способов и средств, к доминантным из которых относятся *модальные слова и конструкции*. Выступая как стилистический приём выдвижения и выделения определенной части дискурса, модальные слова в дискурсе Владимира Путина служат цели интимизации повествования: *Но, конечно, при этом нужно элементы социальной справедливости соблюдать; В чём, на мой взгляд, должна состоять конкретика? Безусловно, мы стараемся поддерживать максимально проекты подобного рода; Безусловно, я разделяю озабоченности представителей сельского хозяйства...; Я уже, по-моему, отчасти ответил на Ваш вопрос; Вы знаете, сейчас интерес к совместной работе в рамках ШОС проявляют и Иран, и Пакистан, и Индия; Думаю, что и вы заинтересованы в том, чтобы там было всё спокойно* [БПК 2014].

Своё субъективное отношение к высказываемому Владимир Путин часто выражает не только комплексом языковых средств субъективной модальности, но и приёмами *экспрессивного синтаксиса*:

1) анафорой, выполняющей эмоционально-выделительную функцию: ...**никаких** попыток, **никаких** указаний, **никакой** организации никогда **не было** и **не будет**, **какой бы то ни было** травли в отношении **кого бы то ни было**; Это должно происходить **максимально** публично, и **максимально** должна быть общественность в это вовлечена [БПК 2014];

2) парцелляцией, реализующей эффект непринужденного общения: Результат – госпереворот; Это сделали Штаты. В одностороннем порядке вышли. Разворачивают элементы стратегической ПРО – прямо возле нас [БПК 2014];

3) вопросно-ответной конструкцией, осуществляющей диалогизацию монологической речи и придающей дискурсу оттенок непринужденности, разговорности: *Не хотят? Ну и не будем; Знаете, что они сделали? Как вы думаете, что они сделали? Не знаете. Я вам скажу: они уволились просто. Цирк, да и только* [БПК 2014];

4) стилистической конвергенцией, сочетающейся с другими приёмами выразительности, например, с парцелляцией: *Базы НАТО кто двигает к нам, военную инфраструктуру? Не мы. Нас кто-нибудь слушает, хоть какой-то диалог с нами по этому поводу ведут? Нет, вообще никакого* [БПК 2014].

Для дискурса Владимира Путина характерны интертекстуальные конструкции типа «текст в тексте»: ... *а если по сусекам поскрести, можно на рынок выйти? Надо научиться на это реагировать адекватно, не шуметь и не кричать на каждом углу: «Караул! Рятуйте, громадяне, меня шельмуют!»* [БПК 2014].

Дискурс Владимира Путина отличается частым использованием такого приёма, как *стилистическая конвергенция*. Ещё в Античных риториках мы находим определение этого сложного стилистического приёма: «Сильное впечатление производит обыкновенно и сочетание нескольких фигур, когда две или три, объединившись как бы в компанию, способствуют силе, убедительности и красоте речи» [АТЯС 1996: 277].

Итак, суть стилистической конвергенции заключается в сочетании разных стилистических приёмов и фигур, приводящих к усилению экспрессивности: *...может быть, мишке нашему надо посидеть спокойненько, не гонять поросят и подсвинков по тайге... Может быть, его в покое оставят? Не оставят, потому что будут всегда стремиться к тому, чтобы посадить его на цепь* [БПК 2014].

Взаимодействие в дискурсе нескольких стилистических приёмов и фигур, а именно: метафор (*мишка, посадить на цепь*), стилистических экспрессивов, в частности слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*спокойненько, денежки, мишка*), повтора вводного слова (*может быть*), вопросно-ответной конструкции (*...в покое оставят? Не оставят...*) делает речь Владимира Путина выразительной и яркой.

Скопление в одном месте нескольких стилистических фигур или приёмов и их взаимодействие способствует усилению присущей им экспрессивности: *Кстати, денежки-то надо заплатить украинскому народу – нет же ни фига, никто ничего не платит! Понимаете, никто не остановился. Наши партнёры не остановились. Они решили, что они победители..., а все остальные – вассалы, и нужно дожимать; Позвольте! Если это эксцесс исполнителя, что вы должны были бы сказать...* [БПК 2014]. Используемые автором риторические восклицания (*никто ничего не платит! Позвольте!*) и разговорные элементы (*ни фига, дожимать*) характеризуются большой воздействующей силой.

Стилистическая конвергенция сочетается с другими приёмами выразительности, например, с парцелляцией:

Базы НАТО кто двигает к нам, военную инфраструктуру? Не мы. Нас кто-нибудь слушает, хоть какой-то диалог с нами по этому поводу ведут? Нет, вообще никакого. Всегда в ответ только одно: «Не ваше дело...» [БПК 2014].

Основная функция стилистической конвергенции в дискурсе Владимира Путина – это создание наибольшей экспрессивности, обуславливающей силу убедительности речи. Выявлено, что стилистическая конвергенция используется В. В. Путиным в основном при ответе на вопросы журналистов, и это обусловлено содержанием и эмоциональной направленностью самого вопроса. Например, в ответ на вопрос журналиста В. Кондратьева о том, что возводится новая стена, и куда может завести похолодание в отношениях с западными странами, В.В. Путин использует этот приём: *Вы сейчас сказали о том, что рухнула Берлинская стена, а сейчас мы видим то, что возводятся какие-то новые стены... Мы не сейчас это видим. Вы же специалист по Германии, по Европе. Разве после Берлинской стены нам не говорили, что не будет расширения НАТО на Восток? Но оно же пошло немедленно. Две волны расширения. Это что, не стена? И я думаю, что наша достаточно жёсткая позиция... должна нашим партнёрам дать понять, что самый правильный путь – это прекратить строить эти стены и выстраивать общее гуманитарное пространство...* [БПК 2014].

Все эти средства, усиливая выразительность и экспрессивно-оценочную направленность дискурса, позволяют автору расположить адресата к особому, не нейтральному восприятию текста, вовлечь его в обсуждение.

К числу доминантных способов создания интимизации повествования дискурса Владимира Путина относится и форма изложения «от первого лица». Непосредственное обращение к аудитории подобной формой самопрезентации характеризует Владимира Путина как языковую личность, открыто выражающую свою точку зрения. Кроме того, я-манифестацией автор подчеркивает, что помнит об аудитории, приглашает её к соучастию, при этом постоянно держит её внимание: *И в этом я уже не сомневаюсь, что нам многое удастся сделать с точки зрения диверсификации нашей экономики, ... повторяю, это безусловно, мы будем исполнять все наши социальные*

обязательства ... ; Вы знаете, я много раз на этот счёт высказывался... ; Но так же безусловно, я хочу это подчеркнуть, как говорят специалисты, «отскок в плюс» ... ; Я занимаю относительно открытую позицию...; Я имею в виду и налоговые каникулы..., я имею в виду и каникулы по проверкам..., я имею в виду льготы для малого бизнеса... [БПК 2014].

К числу средств интимизации повествования, мы склонны относить и местоимение *мы*, поскольку данное местоимение в дискурсе Владимира Путина регулярно используется не как обозначение только говорящего, а реализует значение «все я», то есть «мы обобщенное», которое представляет говорящий.

Существует мнение, что местоимение «мы» обладает в дискурсе наибольшим прагмасемантическим потенциалом, что «фактор дискурса, его прагматическое пространство, придаёт местоимению «мы» достаточно обширные возможности для реализации существенно иных функциональных свойств, чем при его использовании в изолированном виде» [Гергокаева 2008: 112].

Использованием местоимения *мы* в дискурсе Владимира Путина реализуется так называемый принцип кооперации, в результате чего происходит включение адресата информации в рассматриваемый говорящим круг вопросов: *Мы присоединились к ВТО... Мы хотим развивать нормальные отношения и в сфере безопасности, и в борьбе с терроризмом. Мы будем работать вместе по нераспространению ядерного оружия. Мы будем вместе работать над такими угрозами, как распространение наркотиков, организованная преступность...* [БПК 2014].

Одной из прагматических целей дискурса Владимира Путина, реализуемых средствами интимизации повествования, является создание эффекта дружественной беседы и привлечение адресата к совместному осмыслению рассматриваемых проблем: *Вы знаете, шутки шутками, но вопрос абсолютно правильный. Я не хочу обижать «Кока-колу», бог с ним, пускай они разбираются..., но то, что у нас есть свои национальные безалкогольные*

напитки, в том числе квас, это точно совершенно ...Вы знаете, ...мы не можем выгонять их с рынка... но мы постараемся вам помочь [БПК 2014].

Благодаря названным средствам, в дискурсе достигается имитация неофициальности, что позволяет сблизить Путина–политика с широкой аудиторией. В этой связи представляется уместным привести слова В. Толстых, которые адресованы В. С. Высоцкому: «Ему удалось добиться, пожалуй, самого редкого и завидного для художника результата – стать человеком близким, своим для очень многих людей, войти не только в дом, квартиру, но и в душу каждого, кого он задел своим творчеством» [Толстых 1989: 336]. Эти слова с полной уверенностью можно отнести и к Путину-политику, потому что он не только своей профессиональной деятельностью, конкретными делами, но и дискурсивной деятельностью сумел добиться «самого редкого и завидного ... результата – стать человеком близким, своим для очень многих людей». В этом немаловажную роль играет особым образом организованный дискурс, «лишенный сухой официальности», который достигается, кроме всего прочего, умелым использованием комплекса средств интимизации повествования.

Что касается инвариантов-репрезентации в дискурсе В.В. Путина, то их тематическая область не отличается специфичностью и отражает важнейшую для политического сознания народа совокупность концептов, вокруг которых интегрируется обширное понятийное поле, связанное с политикой, государством, народом, гражданами, властью, интересами, в целом с Россией, с её будущим.

Мы, вслед за И.В. Соповой, считаем, что специфика институционального дискурса и ЯЛ политического лидера, в том числе и Владимира Путина, обусловлена доминантами мышления политика российского социума. Поэтому доминантные концепты его дискурса связаны с программным направлением партии «Единая Россия».

Что же касается идеологической позиции В.В. Путина, то она в качестве доминантного концепта отражена и в самом названии партии и выражена в его словах: *«Знаю, что до сих пор идут дискуссии о том, к кому всё-таки, "Единая Россия" ближе из классических европейских партий – к социал-демократам или к консерваторам. Конечно, идеологическая основа должна быть. Что касается того, к кому быть ближе, – будьте ближе к гражданам России».*

Все эти средства интимизации повествования связаны с так называемой «интеллектуальной экспрессивностью», рельефно характеризующей индивидуальность автора, являющейся косвенным способом убеждения адресата и выступающей *мотивационно когнитивным инвариантом* В.В. Путина. Они направлены на решение общей прагматической задачи идеологического воздействия на адресата: а именно, на завоевание одобрения народа и доведения до него идеи необходимости вместе искать слагаемые будущего сильной России.

2.3.3. «Личностные инварианты» автора публицистического дискурса

Исследованию публицистического дискурса посвящена обширная литература [Бобровская 2011; Клушина 2008; Ляпун 2011; Немец 2010; Павлушкина 2010; Хорольский 2001; Чернышева 2003 и др.]. Его определяют как институциональный дискурс информационно-ориентирующего и воздействующего типа, реализующего интенцию убеждения, а следовательно оказывающего мощный перлокутивный эффект на своего адресата [Клушина 2008].

По мнению Павлушкиной Н. А., публицистический дискурс представляет собой определенный текст, актуализированный в конкретной ситуации, связанный с некоторым событием в одном и том же времени и пространстве, отличительными признаками которого являются его динамичность, диалогичность, открытость [Павлушкина 2010].

Публицистический дискурс и тип ЯЛ публициста имеют много общего с политическим дискурсом и с ЯЛ политика. Как и политический, публицистический дискурс направлен на убеждение адресата, на формирование у него определенного оценочного отношения к предлагаемой информации, в целом, манипулирование им. Это, по мнению Н. И. Клушиной, обусловлено тем, что публицистический дискурс имеет политико-идеологический подтекст, призванный воздействовать на адресата [Клушина 2008: 70].

Однако в отличие от политического дискурса, основной целью которого является убеждение адресата с целью получения и удержания политической власти, в публицистическом дискурсе поднимается широкий круг проблем, связанный с разнообразными сферами социальной, политической, экономической и культурной жизни общества. В силу того, что публицистический дискурс обслуживает широкую область общественных отношений, используется в политической литературе, в средствах массовой информации – газетах, журналах, радио, телевидении, документальном кино [Бобровская 2011], он является наиболее доступной широкому кругу сферой, стремящейся мгновенно отражать социальные и языковые изменения. Поэтому, естественно, что он является динамичным, постоянно меняющимся типом дискурса.

Стратегическая цель публицистического дискурса и обусловленные ею информационная и воздействующая функции предопределяют его форму, максимально доступную для широкой аудитории. Поэтому в публицистическом дискурсе широко используются различные клишированные формы, целью использования которых является быстрое описание ситуации.

Любой публицистический дискурс создается в условиях определенной речевой ситуации с определенной коммуникативной целью. Поэтому в целях информационно-эмоционального воздействия на адресата в современном публицистическом дискурсе широко используются разнообразные способы, приёмы и средства социальной и индивидуальной авторской оценочности,

создающие специфическую тональность текста. В создании этой специфической тональности особую роль играет ЯЛ публициста.

В лингвистических исследованиях отмечается, что современный публицистический дискурс отличается усилением личностного характера, который выражается в раскрепощенном, эпатажном представлении информации.

Следует отметить, что автор публицистического дискурса имеет большую языковую свободу, обусловленную спецификой публицистики и её связями с широкой областью общественных отношений. Поэтому, на наш взгляд, он имеет широкие возможности манифестации «личностных инвариантов» в создаваемом дискурсе.

Под этим углом зрения рассмотрим дискурс А.А. Проханова. Для выявления своеобразия когнитивного стиля и определения его доминантных особенностей особое внимание будет уделено частотно используемым в дискурсивной деятельности инвариантам-процессам, инвариантам-модальности и инвариантам-репрезентациям, их комбинаторике, делающим стилистическую тональность дискурса специфичной, а ЯЛ А.А. Проханова узнаваемой.

Александр Проханов известный политический деятель, писатель, публицист, журналист, дискурс которого неоднозначно воспринимается представителями разных социальных слоёв. Насколько доминантные особенности когнитивного стиля способствуют такому отношению и его отнесенности к определенному типу языковой личности?

Выше было отмечено, что специфика когнитивного стиля ЯЛ обуславливается своеобразием языкового сознания, определяющим степень частотности употребления в речи тех или иных концептов, и проявляется в создаваемых ЯЛ текстах, характеризующих не только этнокультурную и социокультурную её принадлежность, но и отнесенность к тому или иному типу ЯЛ.

Исходя из этого, материалом анализа послужили опубликованные в газете «Завтра» статьи А.А. Проханова «Световод тьмы и революция справедливости»,

«Русская река времени», «Пуля, замри», «Заклание в ночи», «Государство полярной звезды», «Мессиянство Путина» [Газета «Завтра» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.onlinegazeta.info/moskow/moskva_gazeta_zavtra_online.htm]; [<http://www.zavtra.ru/content/view/messianstvo-putina/>], в частности, репрезентированные в них стилистически маркированные языковые единицы, а также способ представления информации, позволяющие выявить доминантные характеристики когнитивного стиля А.А. Проханова как ЯЛ.

Было также отмечено, что для определения корреляции понятий «когнитивный стиль» и «тип языковой личности» с лингвистической точки зрения следует исходить не из специфики поведения и характера языковой личности, как это делается в психологии, а из анализа текста/дискурса для выявления названных когнитивных особенностей. При этом особое внимание должно уделяться определению предпочтительно используемых ЯЛ концептов представления информации, способов их актуализации в дискурсе, а также выявлению применяемого в дискурсивной деятельности относительно стабильного набора процедур и их последовательности в обработке информации.

Если исходить из существующих в современной лингвистике определений ЯЛ, А.А. Проханов – личность неординарная. Для его характеристики, на наш взгляд, наиболее адекватным представляется определение языковой личности, данное Г.И. Богиным в его книге «Современная лингводидактика»: «Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин 1986: 3].

На наш взгляд, именно то, что А.А. Проханов «может с языком делать», именно специфический набор используемых им языковых средств, в значительной степени отличает его от других и позволяет отнести к определенному типу ЯЛ.

В лингвистике на основании использования различных критериев предлагается целый ряд типологий ЯЛ [Карасик 2002; Караулов 1987; Нерознак, Халеева 2005; Сиротинина 1997 и др.], о которых говорилось выше. При характеристике ЯЛ А.А. Проханова хотелось бы особое внимание обратить на выделяемые В.И. Карасиком эгоцентрический и социцентрический типы ЯЛ на основе своеобразия используемых определенным типом личности языковых средств.

К какому типу языковой личности относится А.А. Проханов? Своёобразием ответом на этот вопрос являются слова из критической статьи И.Л. Гринберга, посвященной прозе А.А. Проханова: «Последовательность, цельность прозы Проханова так ощутима потому, что она дает себя знать не только в выборе сюжетов, не только в умонастроении писателя, но и в словесной расцветке, очень броской, энергичной, красочной» [Гринберг 1976: 108].

Анализ статей А.А. Проханова позволяет утверждать, что именно «словесная расцветка, очень броская, энергичная, красочная», в значительной степени отличает его стиль от других. Она создается посредством контекстуально непривычно использованных языковых единиц, выпукло представляющих *инварианты-репрезентации*, специфически соотнесенные по содержанию и форме. К таким единицам относятся:

1) метафоры: *Генераторы ненависти соединяются с моим героем световодом тьмы, оккультным каналом, по которому льётся незримый огонь преисподней, опаляющий моего героя... ; В этих информационных взрывах клокочет беспощадная ненависть... ; Россию обкладывают флажками, бьют в неё из всех дустволок и карабинов... ; В своё время такому информационному удару подвергся Горбачёв. Будучи куклой в ловких руках мировых театралов, он развалил государство. Маги и колдуны перестройки убили в нём личность, а он убил Родину... Разгромив сионистский проект, Сталин построил "красную империю" СССР... ; И странным, истори-*

чески необъяснимым, но мистически предопределенным выглядит появление в русской политике Путина, который, подобно Сталину, противодействует **либеральной мегамашине...** [Газета «Завтра» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.onlinegazeta.info/moskow/moskva_gazeta_zavtra_online.htm]; [<http://www.zavtra.ru/content/view/messianstvo-putina/>];

2) оксюмороны: *Он делает это, как и Сталин, в условиях оккупации. В окружении **врагов-соратников**, под бдительным контролем оккупантов, насадивших невидимые «оккупационные комендатуры» в политике, экономике, культуре, информационной сфере. Эта борьба носит противоречивый характер, со взлётами и падениями, и её неровный график определяется **невидимыми столкновениями** Путина с ближайшим окружением, экономическими и политическими обстоятельствами, непомерным внешним давлением; Но вокруг президента нет-нет да и вспыхнут чёрные зеркала, из которых в его сторону летят потоки **чёрного света**; Эта победная империя сокрушила германский нацизм – мистическое государство, исповедующее **религию Тьмы** [там же].*

Яркие метафоры, репрезентирующие *инварианты-модальности* (напр.: *генераторы ненависти, льётся огонь, информационный взрыв, клокочет ненависть, маги и колдуны перестройки, удар тьмы, волна добра, кокон света, разрушить психику, шквал ударов, крылатые ракеты ненависти, стенобитные машины ненависти, поток беженцев, волны миграции и др.*), на наш взгляд, относятся к числу доминантных особенностей стиля А.А. Проханова и делают эту личность узнаваемой.

По своеобразию предпочтительно используемых языковых средств мы склонны отнести А.А. Проханова к эгоцентрическому типу языковой личности.

Согласно В.И. Карасику, «эгоцентрическая языковая личность насыщает свою речь яркими и необычными выражениями, среди которых немало фразеологических единиц, с целью саморепрезентации и украшения речи»

[Карасик 2002: 142]. Когнитивный стиль эгоцентрической языковой личности объективируется актуализацией доминирующих коммуникативных свойств её речи специфическим набором характеризующихся яркой стилистической маркированностью и контекстуальной необычностью разноуровневых языковых единиц, используемых в целях саморепрезентации и украшения речи.

Кроме того, в рамках целевой направленности данной работы интерес для нас представляет предложенная Ю.Н. Карауловым трёхуровневая структура языковой личности, в частности, выделяемые им лингвокогнитивный уровень (или тезаурусный), отражающий понятия, идеи, концепты, системы ценностей, актуальные для языковой личности) и прагматический уровень (или мотивационный), включающий цели, мотивы, интересы, установки [Караулов 1987].

Нам представляется, что на уровне лексикона когнитивный стиль А. Проханова отличается не столько наличием или отсутствием тех или иных концептов и их признаков, сколько их *актуализацией и специфической комбинаторикой*.

Дискурс А. Проханова отличается необычным сочетанием концептов, в нем чрезвычайно много стилистических фигур, основанных:

1) на скрытом сравнении: *сам народ помещает Путина в кокон света; клубки ненависти и клеветы; крылатые ракеты ненависти; удар тьмы; стенобитные машины ненависти* [Газета «Завтра» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.onlinegazeta.info/moskow/moskva_gazeta_zavtra_online.htm];

2) на соединении противоречащих друг другу по смыслу слов: *чёрный свет; световод тьмы; соратники-враги*; [там же];

3) на сочетании слов и словосочетаний, относящихся к возвышенной лексике и имеющих стилистическую окраску торжественности и приподнятости: *цивилизация Полярной звезды; Это был образ грядущих бед, которые навязывались людям в России; сияющий золотом глав; таинственными*

силами русского возрождения; собираются для вековой благой работы; ликующее чудо [там же] и др.

Для определения специфики понятия «когнитивный стиль» важен не только анализ лексикона, доминантных концептов языковой личности, составляющих смысловое пространство дискурса, но и способов представления информации, то есть того, как личность организует дискурс, в каком виде представляет информацию.

На уровне дискурсивной деятельности это различие выражается в устойчиво проявляющемся предпочтении к определенным когнитивным операциям и их последовательности, обуславливающим специфику структурирования дискурса.

Анализ статей свидетельствует о том, что, наряду с метафорами, оксюморонами, в дискурсе А.А. Проханова широко используются приемы и средства структурирования информации, представляющие *инварианты-процессы* его когнитивного стиля. На языковом уровне к ним относятся различные типы стилистических фигур:

1) синонимический ряд или повтор в сочетании с конкатенацией, которые являются синтагматическими средствами усиления выразительности речи и её эмоционального воздействия: *«Великая Россия» – вот его тайна, его мечта, его крест; Центры, что осуществляют информационное воздействие на Путина, являются закрытыми лабораториями, в которых объект исследуется по сотням направлений: исследуются его нрав, привычки, его пристрастия и увлечения. Его слабые стороны и карты его здоровья, круг его друзей, глубинный психотип. Его жизненный путь, на котором он совершал проступки или добивался успехов. Исследуются его подсознание, книги, которые он читал, быть может, сны, что он видит ночью* [Газета «Завтра» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.onlinegazeta.info/moskow/moskva_gazeta_zavtra_online.htm]; <http://www.zavtra.ru/content/view/messianstvo-putina/>];

2) синтаксический параллелизм как особый принцип синтаксической организации речи, выполняющий функцию структуризации, которая направлена на усиление образно-выразительной функции речи: *Но главные удары, которым подвергается Путин, – это непрерывные информационные бомбы, что взрываются над его головой. В этих информационных взрывах клокочет беспощадная ненависть. Его оскорбляют. На него клеветают. Высмеивают. Сравнивают с самыми страшными персонажами мировой истории. Обвиняют в злоупотреблениях. Его мажут кровью. Его положительный образ стараются выбить из сознания народа, который оказывает ему поддержку* [Газета «Завтра» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.onlinegazeta.info/moskow/moskva_gazeta_zavtra_online.htm];

3) анафора в сочетании с другими стилистическими приемами: *Поэтому сам Путин по-прежнему является тайной. Он носит маску, защитный доспех, отбрасывает сразу несколько теней, иные из которых достоверней, чем он сам. Он плейбой. Он член закрытых мировых клубов. Он журавль и уссурийский тигр. Он сталинист. Он поклонник Столыпина. Он тайный русофил. Он тот, кто стоит в кипе. Он тот, кто летит в истребителе над разгромленным Грозным... Он воюет с Болотной площадью... Он возрождает русское оружие, ослабленное либералами, восстанавливает заводы и научные школы. Он обнародовал «евразийский проект» – эскиз будущей Евразийской империи* [<http://www.zavtra.ru/content/view/messianstvo-putina/>].

Использование принципа «расширяющегося» синтаксического параллелизма, или конкатенации, мотивированное как содержанием дискурса, так и целью саморепрезентации и украшения речи, и представление отдельного высказывания в виде «цепочки последовательно подчиненных друг другу синтаксических конструкций, протяженность которой превышает обычную, среднестатистическую длину такого рода синтаксических образований» [Сковородников 2003: 263], дает возможность А.А. Проханову не только дос-

тичь экспрессивно-эмоционального эффекта, но и задерживать внимание читателя/слушателя: *Только личный стоицизм, смертельный бой, который герой даёт силам зла, только чудесная волна добра, которой окружают его молитвенники и заступники русской земли, – только это сберегает моего героя, поднимает его из праха, ведёт дальше путями духовного преображения; Сплочённый вокруг президента народ, оказывающий ему доверие, благодарный ему за Крым, за безопасность страны, за русские самолёты, громящие штабы ИГИЛ, за Пальмиру, которую Путин вернул человечеству, сам народ помещает Путина в кокон света. В монастырях и православных приходах молятся за президента, эти божественные молитвы рассекают световод тьмы, окутывают президента облаком фаворского света, останавливают на дальних подлётах крылатые ракеты ненависти* [<http://www.zavtra.ru/content/view/messianstvo-putina/>].

В данном случае эффект сильной экспрессивности, убедительности и красоты речи создается сочетанием различных стилистических фигур в рамках синтаксического параллелизма. Всё это подтверждает справедливость слов В.Г. Бондаренко о том, что у А.А. Проханова есть свой исключительный стиль, стиль в политике, стиль в жизни, стиль в литературе. По его мнению, А.А. Проханов у одних вызывает восторг, у других – ненависть, потому что у него свой стиль.

Наконец, говоря о *мотивационных когнитивных инвариантах* ЯЛ А.А. Проханова, следует отметить, что любой дискурс является процессом и результатом дискурсивной деятельности, имеющей определенную прагматическую установку и направленной на оказание воздействия на адресата. Такой установкой дискурса А.А. Проханова является привлечение внимания адресата на события и побуждение к их оценочному восприятию. Этими мотивационными когнитивными инвариантами определяется выбор и употребле-

ние языковых средств, которые отличаются специфической реализацией интенций автора и несут имплицитную информацию о нем как о ЯЛ.

Итак, особенность когнитивного стиля А.А. Проханова, репрезентированная в его дискурсе, обусловлена индивидуальным способом мировосприятия, который определяет специфику содержательного и структурного представления результатов его дискурсивной деятельности, доминантной характеристикой которой является особо сильная экспрессия, граничащая с украшательством.

2.4. Когнитивный стиль языковой личности автора персонального дискурса

2.4.1. Художественный дискурс как специфический репрезентант когнитивного стиля языковой личности автора

При выделении как самостоятельного типа персонального дискурса мы опираемся на классификацию В.И. Карасика, который с позиций социолингвистического подхода выделяет личностно-ориентированный и статусно-ориентированный типы дискурса [Карасик 2000¹: 6].

Конститутивные признаки персонального дискурса, на наш взгляд, должны обуславливаться ключевым концептом «персональность», определяемым как проявление личности человека.

По мнению В.И. Карасика, автор персонального дискурса стремится раскрыть свой внутренний мир адресату и выступает как личность во всем многообразии личностных характеристик [там же: 6]. Специфика личностно-ориентированного общения обуславливается «личностной концептосферой адресанта, личностно-ориентированное общение строится на широком смысловом поле сознания адресанта» [там же: 6–7].

В.И. Карасик выделяет две основные разновидности персонального дискурса – бытовой и бытийный. Поскольку бытовой дискурс связан со сфе-

рой непосредственного бытового общения и преимущественно реализуется в устной форме с использованием различных паралингвистических средств, в перспективе он может стать самостоятельным интересным объектом анализа специфики когнитивного стиля ЯЛ. В данной работе нас интересует бытийная разновидность персонального дискурса, которая реализуется в конкретных типах, таких, как философский, художественный, мифологический. Из персональных бытийных типов дискурса объектом анализа в настоящей работе является художественный поэтический дискурс. Выбор данного типа дискурса обуславливается тем, что поэтический дискурс сочетает в себе различные характеристики. С одной стороны, его формальная организация обусловлена литературно-художественной традицией. Чаще всего он представляет собой текст, ритмически построенный по канонам соответствующей лингвокультуры с соблюдением размеров стиха. Даже у белых стихов соблюдаются все характеристики поэтического дискурса, кроме рифмы. То есть, с точки зрения формы, поэтический дискурс – это текст достаточно жесткой формальной организации. С другой стороны, векторы развития содержания и концепты представления информации вариативны и зависят от типа ЯЛ его автора.

Названные характеристики поэтического дискурса, на наш взгляд, обуславливают свободное авторское представление материала и особого рода конфигурации «личностных инвариантов» в дискурсе. Уже в силу персонифицированного характера, специфического построения и фасцинативных свойств в данном типе дискурса особенность когнитивного стиля автора проявляются по-особому, благодаря используемым в нем эмоционально и эстетически маркированным языковым средствам.

Таким образом, ритмическая организация и специфическое мировидение, репрезентированное изобразительно-выразительными средствами языка для его интерпретации в результате их свободного выбора автором, символи-

ческое изображение внешнего и внутреннего мира является отличительной особенностью поэтического дискурса. По словам О.А. Алякринского, «плоть и кровь» поэтического произведения – это специфическое мировидение, тот особый угол зрения на действительность, который избирает поэт» [Алякринский 1984: 22]. Именно «особый угол зрения на действительность» способствует оказанию эстетического и эмоционально-психологического воздействия. Художественный поэтический дискурс, по мнению В.И. Карасика, – это «общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» [Карасик 2009: 327]; «содержательно это бытийное общение, темы которого касаются вечных проблем и переживаний человека – любовь, встреча, разлука, дружба и вражда, жизнь и смерть, родина, красота, правда и т.д. Вместе с тем это художественное не только по форме, но и по содержанию общение, насыщенное конкретными образами и поэтому богатое символами» [там же: 329]. Поэтическая речь – это речь символическая. Поэтому особая роль в нем принадлежит различным выразительным средствам, создающим повышенную эмоциональную окраску и благодаря которым при передаче концептуальной информации актуализируется индивидуальное оценочное отношение автора к изображаемому.

Изучению поэтического дискурса посвящено достаточное количество специальных исследований, среди которых мы выделяем работы, в которых анализируются индивидуально-авторские концепты и их репрезентации [Беспалова 2002; Болотнова 2006; 2007; Лотман 1976; Маслова 2004; Миллер 2000; Тарасова 2004; 2009; 2010; 2011; Чарыкова 2000 и др.].

Исследование репрезентированных в дискурсе доминантных концептов позволит изучить индивидуальную языковую картину мира автора, «модель мира, представленную в сознании личности системой концептов, выраженных средствами языка в определенный исторический период»

[Маслова 2004: 41]. Эти концепты, с одной стороны, выступают как «отпечаток духовного опыта человека определенной культуры» [Тильман 1999: 9], с другой, являются способами концептуализации когнитивного пространства автора. И наконец, в рамках художественного произведения эти концепты выступают не просто как познавательные, а как художественные концепты, выполняющие определенную функцию.

По мнению В.А. Масловой, художественный концепт отличается от познавательного тем, что «во-первых, в основе связи его лежит ассоциация; во-вторых, художественный концепт включает в себе не только потенцию к раскрытию образов, но и разнообразные эмотивные смыслы; в-третьих, художественный концепт тяготеет к образам и включает в себя их» [Маслова 2004: 34].

Особый интерес представляет для нас следующая характеристика художественного концепта: «в отличие от обобщенных познавательных концептов художественные концепты индивидуальны, личностны, размыты и психологически более сложны; это комплекс понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений, возникающий на основе художественной ассоциативности. Чем богаче культурный и эмоциональный опыт поэта, тем глубже и обширнее его концепты» [Маслова 2004: 34–35]. С одной стороны, художественные концепты представляют универсальный опыт определенного этнокультурного сообщества, с другой, являются «единицей сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально авторское осмысление сущности предметов или явлений» [Беспалова 2002: 6].

Мы актуализируем трактовку художественного концепта как результата когнитивной деятельности конкретной ЯЛ, который репрезентируется различными языковыми единицами, средствами художественной образности и отражает художественно-образное мировосприятие автора.

2.4.2. «Личностные инварианты» автора поэтического дискурса

Одним из способов изучения когнитивного стиля ЯЛ является анализ концептов, доминантно и специфически используемых в произведениях, созданных той или иной ЯЛ. В данном случае речь идёт не о любой ЯЛ, а о признанных мастерах слова, поэтах, писателях, исторических деятелях, индивидуальная концептосфера которых основывается на универсальных для данного этнокультурного сообщества характеристиках, но в то же время пополняет её новыми смыслами.

Для русского народа одним из таких поэтов является С.А. Есенин, анализ языка произведений которого представляет особый интерес с точки зрения отражения в нем сочетания основных признаков русской ментальности с индивидуальными характеристиками поэта как ЯЛ.

В специальных исследованиях подчеркивается, что такие концепты, как «свобода», «воля», «тоска», «удаль», «простор», «ширь», «даль» являются ключевыми для русской культуры и языка и наиболее полно отражают русскую ментальность, заключают в себе значимую информацию о русском национальном идеале, взглядах на мир, на жизнь человека [см., например: Шмелев 2002]. Все эти концепты являются ключевыми и в произведениях С.А. Есенина. Кроме того, многие универсальные концепты в поэтическом дискурсе С.А. Есенина переосмысливаются, наполняются новым смысловым содержанием.

Известно, что базовые концепты как «ключ» к пониманию национально-культурных особенностей этноса интенсивно исследуются в лингвистике последних десятилетий, однако концепты и когнитивные структуры отдельной личности, а также её вклад в вербальное освоение мира в рамках концептологии остаются недостаточно изученными. Этим обстоятельством определяется актуальность исследования доминантных концептов лирики Сергея Есенина как знаковой личности в русской культуре.

В литературе указывается, что «восприятие и осознание человеком мира оказываются производными от культурно-исторического бытия» [Кухаренко 1988: 14]. В этой связи нам представляется важным отметить, что воспринимает, осознает, репрезентирует мир не просто человек или «национальный человек», этот человек является ещё отдельной личностью с присутствием ей миропониманием. Восприятие мира, вовлечённого в личностную сферу человека, хотя исторически и культурно обусловлено, картина мира, созданная на основе индивидуального восприятия, неизбежно носит черты человеческой субъективности, черты когнитивного стиля её создателя, которые проявляются в дискурсе как сочетание «личностных инвариантов» и к числу которых, прежде всего, относятся **инварианты–репрезентации** содержательного характера, то есть концепты.

Определение индивидуально-авторских концептов Сергея Есенина, а также специфики предметно-понятийного, ассоциативно-образного и аксиологического слоев в их содержании, способствует выявлению своеобразия его когнитивного стиля.

Нам представляется, что изучение базовых концептов ЯЛ позволит лингвистически осмыслить понятие «когнитивный стиль» как отражение индивидуального образа мира и специфики его содержательного представления в аспекте соотношения «ментальность личности» и «ментальность народа».

Не вызывает сомнения то, что при одинаковом наборе универсальных концептов у каждой знаковой ЯЛ существуют особые, только ей присущие соотношения между этими концептами, что создает специфическую колористику, запечатлевающую мироощущение личности и делающую узнаваемой её индивидуальную картину мира.

Нет также сомнения в том, что эта специфическая колористика обуславливается особенностями репрезентации мира в голове человека. И если «индивидуально-своеобразные способы переработки информации» рассмат-

риваются психологами в рамках понятия «когнитивный стиль», то концептуальная специфика этой информации, и в особенности доминантные концепты личности, не могут не иметь отношения к когнитивному стилю. То же самое утверждают некоторые исследователи, связывающие способ, которым конкретная личность познает мир, используя определенные познавательные способности и эмоциональные свойства, с когнитивным стилем личности [Петренко 1988: 136–141].

В.В. Виноградов писал о том, что «понятие стиля является везде и проникает всюду, где складывается представление об индивидуальной или индивидуализированной системе средств выражения и изображения, выразительности и изобразительности» [Виноградов 1961: 8].

Важным в рамках целевой направленности данной работы представляется утверждение И.А. Тарасовой о том, что «в большинстве работ, затрагивающих когнитивный аспект идиостиля, центральной категорией исследования является индивидуально-авторский концепт» [Тарасова 2003: 5].

Каков этот индивидуально-авторский концепт и различные его конфигурации, свойственные именно для «есенинского» взгляда на мир, какое преломление получают концепты русской культуры в концептосфере С.А. Есенина?

Своеобразным ответом на этот вопрос могут служить слова самого С.А. Есенина: «В стихах моих читатель должен главным образом обращать внимание на лирическое чувствование и ту образность (*выделено нами – А.П.*), которая указала пути многим и многим молодым поэтам и беллетристам. Не я выдумал этот образ, он был и есть основа русского духа и глаза, но я первый развил его и положил основным камнем в своих стихах» [Есенин 1962: 79].

Анализ лирики С.А. Есенина позволяет констатировать, что «лирическое чувствование и образность» определяют всю структуру его концептосферы.

Особый интерес для нас представляют доминантные концепты, инварианты-репрезентации. Это концепты «Простор», «Даль», «Ширь», «Синь

(синий)», «Голубой», «Любовь», «Грусть», «Тоска», которые сами по себе не являются исключительной принадлежностью концептосферы С.А. Есенина. Однако они преимущественно репрезентированы в его лирике, устойчиво повторяются, наделены особым смыслом и являются специфичными для «есенинского» видения мира.

Исследование предметно-понятийного, ассоциативно-образного и ценностного составляющих в их содержании позволяет постулировать, что все они своеобразными когнитивными нитями связаны с вечной темой – любовью к Родине. Каждый из этих концептов обладает особым смыслом в пределах концептосферы С.А. Есенина, а их конфигурации формируют её центр, который составляет концепт «Россия (Русь)».

Следует отметить, что концепт «Россия» занимает центральное положение в лирике многих поэтов. Специфика концепта «Россия (Русь)» в лирике С.А. Есенина заключается в том, что он складывается как «мозаичное полотно» из различных ментальных представлений России, истоки своеобразия которого обуславливаются спецификой индивидуально-поэтического взгляда на мир.

В концептосфере С.А. Есенина концепт «Россия (Русь)» предстает как сегментный тип концепта, репрезентированный такими микроконцептами, как «Русь деревенская», «Русь уходящая» и «Русь советская», каждый из которых характеризуется различным соотношением предметно-понятийного, ассоциативно-образного и аксиологического составляющих, находящих выражение в индивидуально маркированных «лирическим чувствованием и образностью» языковых единицах.

В аспекте определения своеобразия когнитивного стиля С.А. Есенина и «личностных инвариантов» наиболее значимым является исследование микроконцепта «Русь деревенская», смысловую основу которого составляет понятие «Родина». Родина для С. Есенина – это деревенская Русь, священная земля, его культурное пространство, его мир, любовь к которой у С.А. Есе-

нина обнажена до предела и которую поэт не поменяет ни на что: *Если крикнет рать святая:/ «Кинь ты Русь, живи в раю!»/ Я скажу: «Не надо рая,/ Дайте Родину мою».*

Деревенские реалии, своеобразно осмысленные поэтом и представленные в особых конфигурациях, создают образ Родины, радостный и грустный: *Гой ты, Русь, моя родная / Хаты – в ризах образа... / Не видать конца и края- / Только синь сосет глаза; / А у низеньких околиц / Звонно чахнут тополя; / Край ты мой заброшенный, / Край ты мой, пустырь. / Сенокос некошенный, / Лес да монастырь; / Покосившаяся избенка, / Плач овцы, и вдали на ветру / Машет тощим хвостом лошаденка, / Заглядевшись в неласковый пруд.*

Языковые единицы, репрезентирующие предметную составляющую концепта «Русь», выпукло маркируют когнитивный стиль С. А. Есенина: *О Русь – малиновое поле / И синь, упавшая в реку, / Люблю до радости и боли / Твою озерную тоску.*

В предметном слое данного микроконцепта заключены сельские образы и сформировавшие миропонимание поэта деревенские впечатления, которые представлены **инвариантами–репрезентациями**.

Предметный слой концепта составляют представления о России, обусловленные спецификой перцептивного восприятия, результаты которого эксплицированы в картинно наглядных символических образах, объективированных **инвариантами–модальности**: *Стережет голубую Русь / Старый клен на одной ноге; / Чахнет старая церквушка, / В облака закинув крест...*

«Русь деревенская» в лирике С. Есенина имеет особую концептуальную организацию, обусловленную, прежде всего, реалиями русской деревни: «пастушеский рожок», «посвист журавлей», «тропинка склизкая», «туманный берег», «заречная коса», «половодье каждый год», «несжатая рожь», «поминальные кресты», «веселый пляс» и др.

Однако ассоциативный слой концепта определяется спецификой индивидуального образного восприятия той «сельщины», России, находящей вербальное выражение в своеобразных сочетаниях языковых единиц, метафорах, характерных только для когнитивного стиля С.А. Есенина, поскольку он замечал то, что не видели другие, находил удивительно точные слова-образы, передающие неброскую красоту его родины.

В индивидуальном мировосприятии поэта базовые концепты культуры приобретают удивительную, метафорически репрезентированную колористику: *«полевая Россия», «свинцовой свежести полынь», «озерная тоска», «золототканое цветение», «теплая грусть», «поток ветров, крылато дующих», «река серебристая», «гречневые просторы», «седые вербы», «желтая дорога», «зеленый вечер», «неласковый пруд», «чахнет церквушка», «звонят родные степи», «молитвословным ковылем», «черемуха машет рукавом», «свет луны, таинственный и длинный», «поэт золотой бревенчатой избы», «чужая юность брызжет новью», «соловиный рассвет», «русская ширь», «северных бедных небес», «нежность грустная русской души», «тощие поля», «малиновые села», «пахучий туман», «солнца струганные дранки», «вихлистое приволье», «родина кроткая», «угли-очи в подковах бровей» «мягкие травы», «бусы рос», «метельные всхлипы» и др.*

Одной из важных особенностей мировосприятия С.А. Есенина является создание антропоморфных образов и персонификация реальных и идеальных объектов: *Туча кружево в роще связала, / Закурился пахучий туман./ Лес застыл без печали и шума, / Виснет темь, как платок, за сосной. / Сердце гложет плакучая дума.../ Пригорюнились девушки-ели; Куга зовет к вечерне длительной; Как совиные глазки, за ветками/ Смотрят в шали пурги огоньки./ Крутит вихорь леса во все стороны,/ Машет саваном пена с озер./ Грянул гром, чашка неба расколота, / Тучи рваные кутают лес; Выткался на озере алый свет зари; Плач прорезал кругом тишину; Пла-*

чут вербы, шепчут тополя; Буераки... пеньки... косогоры/ Обпечалили русскую ширь; Тихо степные бегут берега, / Тянется дым, у малиновых сел/Свадьба ворон облегла частокол; Но им в ответ/ Лишь улыбались дали, / Да наша жидкая / Лимонная заря; Метель ревела под оконцем; В захватском степном разгоне / Колокольчик хохочет до слез; Цветы мне говорят — прощай, / Головками склоняясь ниже; Уж вечер. Жидкой позолотой / Закат обрызгал серые поля. / И ноги босые, как телки под ворота, / Уткнули по канавам тополя; И клены морщатся ушами длинных веток и другие.

«Очеловеченное бытие» предстает в поэтическом творчестве в вещно-осязаемых образах, таких, как «туча связала кружево», «берега бегут», «пена с озер машет саваном», «тишину прорезал плач» и другие. Многие вещно-осязаемые образы создаются поэтом посредством синестезии, которая как особая форма метафоры занимает значительное место в создании индивидуальной картины мира поэта, репрезентируя уникальность его восприятия.

Специфика есенинской синестезии определяется неповторимостью комбинаций его собственных ощущений, интеграцией двух или более чувственных образов в один целостный художественный образ: *Колокольчик серебрянный; Синий туман. Снеговое раздолье,/ Тонкий лимонный лунный свет; Сверху озябшая светит луна; Есть светлая радость под сенью кустов; Пушистый звон и руга, / И камень под крестом./ Стегает злая вьюга / Расщелканным кнутом; Отговорила роща золотая/ Березовым, веселым языком; Золото холодное луны; Свищет ветер, серебряный ветер, / В шелковом шелесте снежного шума; Под окнами костер метели белой; Ты – мое васильковое слово, / Я навеки люблю тебя./ Как живет теперь наша корова, / Грусть соломенную теребя?*

Образный слой концепта «Русь деревенская» составляют метафорические модели типа *Русь – страна берёзового ситца, Русь – малиновое поле, Русь – пустырь, Русь – мать, Русь – родной приют, Русь – покойный уго-*

лок, которые обладают ценностными характеристиками и связаны с авторским концептом «Россия (Русь)». В них базовый концепт культуры, когнитивно переосмысленный авторским восприятием, выступает как концепт ЯЛ и позволяет лингвистически осмыслить понятие «когнитивный стиль» как отражение индивидуального образа мира и специфики его содержательного представления в аспекте соотношения «ментальность личности» и «ментальность народа».

Репрезентация ценностных характеристик «Руси деревенской» связана и с концептами другого ряда – пространственными, цветовыми и ментальными: «Простор», «Ширь», «Даль», «Синь», «Любовь», «Грусть», «Тоска», «Боль»: *Гляжу в простор твоих полей; Не видать конца и края / Только синь сосет глаза; синие села; голубая долина; Россия! Сердцу милый край / Душа сжмается от боли; Теплой грустью болен; Твою пастушескую грусть, / Звени, звени, золотая Русь; Мне грустно на тебя смотреть, / Какая боль, какая жалость! ; Устал я жить в родном краю / В тоске по гречневым просторам; Но более всего /Любовь к родному краю / Меня томила / Мучила и жгла.*

В концепте «Русь деревенская» для С.А. Есенина объединилось «все родное и близкое, от чего так легко зарыдать», поэтому не случайно его ассоциативно-образный слой определяет овеванная легкой грустью любовь к просторам России.

Негативной окраской и трагической тональностью пронизаны другие два сегмента концепта «Россия (Русь)». Их предметно-понятийный и ассоциативно-образный слой у С.А. Есенина – «гражданина села», который «очутился в узком промежутке», резко дистанцируется от «Руси деревенской» таким индивидуально-авторским представлением, как «непонятные события», и манифестируется **инвариантами–процессами**. Поэт то с радостью, то с грустью описывает перемены в патриархальном деревенском укладе жизни

русского крестьянства. Неоднозначное отношение к этим событиям отражено и в таких строках: *Я человек не новый! / Что скрывать / Остался в прошлом я одной ногою; Я тем завидую / Кто жизнь провел в бою, / Кто защищал великую идею...; Но и все же хочу я стальнойю / Видеть бедную, нищую Русь.*

В предметно-понятийном и ассоциативно-образном слое микроконцептов «Русь уходящая» и «Русь советская» находят отражение такие ассоциативные концептуальные признаки, как «грусть в кипении весёлом», «сонма бурь», «грусть большая», «грустная радость», «отравленные дни», «край осиротелый», «иностранец в своей стране», «развороченный бурей быт», «стальная конница» и другие.

В отличие от первого сегмента в микроконцептах «Русь уходящая» и «Русь советская» затушевываются пространственные и цветовые концепты, придававшие особую лирическую тональность описанию «Руси деревенской». На передний план выдвигаются и актуализируются концепты ментального плана, такие, как «Грусть», «Тоска», а также «Любовь». И эта любовь не только к России «полевой», «золотой», «голубой», «деревянной», «деревенской», но и так отличающимся от неё и непонятным для поэта «Руси уходящей» и «Руси советской»: *Тот ураган прошел. Нас мало уцелело; Кого позвать мне? С кем мне поделиться / Той грустной радостью, что я остался жив? / Здесь даже мельница – бревенчатая птица / С крылом единственным – стоит, глаза смежив; Пускай меня сегодня не поют — / Я пел тогда, когда был край мой болен; Приемлю все. / Как есть все принимаю. / Готов идти по выбитым следам. / Отдам всю душу октябрю и маю; Я буду воспевать всем существом в поэте / Шестую часть земли с названием кратким «Русь».*

Итак, универсальный концепт культуры «Россия (Русь)» в рамках концептосферы С. Есенина претерпевает определенные трансформации, что позволяет считать его индивидуально-авторским концептом, репрезентирующим специфику его когнитивного стиля. Он репрезентирован раз-

личными микроконцептами, в каждом из которых специфика соотношения предметно-понятийного, ассоциативно-образного и аксиологического составляющих определяется своеобразием авторского мировосприятия. В представляющих его микроконцептах либо актуализируются («Русь деревенская» – простор, ширь, даль, синь, любовь, грусть; «Русь уходящая» и «Русь советская» – любовь, грусть, тоска), либо затушевываются («Русь уходящая» и «Русь советская» – пространственные и цветовые концепты), определенные когнитивные признаки, которые также обусловлены спецификой индивидуального авторского восприятия.

Связанные с Россией природные и социальные реалии, своеобразно осмысленные поэтом, объективируются в особых конфигурациях и находят выражение в формальной и содержательной структуре субъективно маркированных языковых единиц, выпукло представляющих когнитивный стиль автора.

Выводы

1. Текст/дискурс выступает как пространство реализации особенностей когнитивного стиля языковой личности, информационное поле которого, а также используемые в нём доминантные концепты определяются различными характеристиками ЯЛ.

2. Хотя типы институциональных дискурсов имеют достаточно устойчивую формальную организацию, количество структурных частей и их конфигурация в текстовом пространстве различаются у разных типов ЯЛ.

3. «Личностные инварианты» определяются как устойчивые постоянные свойства ЯЛ, проявляющиеся как предпочтение к определенным когнитивным операциям и их последовательности, к использованию определенных концептов представления информации, обуславливающие специфику когнитивного стиля ЯЛ.

4. «Личностные инварианты» (инварианты-модальности и инварианты-процессы в обращении с информацией, инварианты-репрезентации, мотивационные когнитивные инварианты) по-разному проявляются в персональном и институциональном типах дискурса.

5. Специфика дискурсивной деятельности известных ЯЛ – ученого В.Вс. Иванова, политика В.В. Путина, публициста А.А. Проханова, поэта С.А. Есенина – проявляется в том, что «личностные инварианты» в разной степени распределены в их дискурсивном пространстве.

6. «Личностные инварианты» в дискурсе разных типов ЯЛ репрезентируются различными средствами и приемами, доминантными из которых являются в дискурсах: В.Вс. Иванова – структурированная подача информации и линеаризации речи, В.В. Путина – выдвижение и средства авторской модальности, А.А. Проханова – такой особый принцип синтаксической организации речи, как конкатенация, и метафоры, С.А. Есенина – художественные

концепты, репрезентированные различными языковыми единицами и средствами художественной образности.

7. Одним из способов изучения когнитивного стиля ЯЛ является анализ концептов, доминантно и специфически используемых в дискурсе ЯЛ.

8. Хотя статус «институциональная языковая личность» обуславливает правила стандартного коммуникативного поведения и построения дискурса. Дискурсы разных ЯЛ, созданные с соблюдением системы стандартов социального института, содержат «личностные инварианты», позволяющие говорить об особенностях когнитивного стиля «институциональной языковой личности».

9. Из рассматриваемых в диссертации типов институционального дискурса в публицистическом и политическом дискурсах доля личностного компонента намного выше, чем в научном, поэтому когнитивный стиль ЯЛ автора политического и публицистического дискурса репрезентируется всем комплексом «личностных инвариантов» в различных конфигурациях в каждом.

10. Личностно-ориентированный дискурс в силу персонифицированного характера отличается многовекторностью и вариативностью содержания и различными способами представления концептуальной информации, что обуславливает свободное авторское представление материала и неограниченные возможности объективации специфики когнитивного стиля автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертационной работе исследуется актуальная проблема, посвященная когнитивным аспектам текстовой деятельности ЯЛ – автора институционального и персонального типов дискурса. Объектом конкретного анализа является когнитивный стиль ЯЛ в аспекте определения специфики её объективации в персональном (личностно-ориентированном) и институциональном (статусно-ориентированном) типах дискурса.

Для решения поставленной задачи используются различные методы, основными из которых являются *дискурс-анализ*, ориентированный на выявление «личностных инвариантов» когнитивного стиля языковой личности; и *лингвоконцептуальный анализ*, направленный на исследование представленных в дискурсе концептов как единиц репрезентации индивидуальной картины мира автора.

Репрезентация личности в языке и общении является одной из интенсивно разрабатываемых проблем в лингвистике. Поэтому в языкознании существуют различные трактовки данного понятия. «Языковую личность» мы, вслед за Г.И. Богиным, понимаем как совокупность познавательных, творческих способностей и характеристик субъекта, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определённой целевой направленностью.

Анализ научных работ, посвященных выявлению и описанию ЯЛ в гуманитарных науках, позволяет заключить, что аспекты изучения ЯЛ как многослойного объекта чрезвычайно разнообразны.

В настоящей работе таким аспектом является исследование специфики её когнитивного стиля, благодаря которому становится возможным выявить когнитивные способности ЯЛ, определить предпочитаемые способы объективации её ментального мира.

В данной работе такое понятие психологической науки, как «когнитивный стиль», получает лингвистическое осмысление и определение проекцией на дискурсивную деятельность ЯЛ.

Когнитивный стиль в диссертации определяется как относительно устойчивый, предпочтительный, лингвистически и экстралингвистически обусловленный способом мировосприятия набор когнитивных операций по презентации информации, её структурированию и оценке, свойственный для дискурсивной деятельности конкретно-индивидуальной ЯЛ, устойчиво проявляющийся в созданном этой личностью тексте/дискурсе.

При определении понятия «когнитивный стиль» мы исходим не из специфики поведения и характера языковой личности, как это делается в психологии, а из анализа созданного ЯЛ текста/дискурса, который позволяет определить используемый в дискурсивной деятельности относительно стабильный набор процедур и их последовательность в обработке информации, а также инвариантные репрезентационные модели, эксплицированные в текстовом пространстве. Именно в тексте/дискурсе получают манифестацию предпочтительно используемые ЯЛ концепты представления информации и способы их актуализации.

Дифференциальным признаком понятия «когнитивный стиль», отличающим его от понятий идиолект и идиостиль, признается актуализация не только представляемой информации, но и когнитивных механизмов её репрезентации. Поэтому текст/дискурс рассматривается в диссертации как пространство объективации индивидуальной картины мира ЯЛ, его информационное поле признается местом локализации ключевых концептов, обусловленных экстралингвистическими и личностными факторами, а структура – средством объективации особенностей когнитивной деятельности ЯЛ по представлению информации.

Таким образом, для лингвистического осмысления понятия «когнитивный стиль» важно не только концептуальное пространство дискурса, но и особенности его формальной организации.

В работе постулируется непосредственная связь когнитивного стиля как одного из способов объективации языкового сознания личности с дискурсом, который выступает как инструмент репрезентации внутреннего мира автора.

В диссертации принято следующее определение дискурса, предложенного Г.Н. Манаенко [2003: 37]: дискурс – это «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов».

В работе на основе анализа политического, научного, публицистического, художественного поэтического типов дискурса определены «личностные инварианты», которые понимаются нами как устойчивые постоянные свойства ЯЛ, проявляющиеся в предпочтении к определенным когнитивным операциям и их последовательности, к использованию определенных концептов представления информации, обуславливающие специфику когнитивного стиля ЯЛ.

В результате проведенного исследования выявлено, что, хотя известная степень трафаретности институционального дискурса создаёт определенные рамки для манифестации специфики когнитивного стиля ЯЛ, автор, тем не менее, не нарушая параметров институциональности, находит возможности создания своего неповторимого стиля. Поэтому дискурсы разных ЯЛ, созданные с соблюдением системы стандартов социального института, содержат «личностные инварианты», позволяющие говорить об особенностях когнитивного стиля их авторов. При этом логика репрезентации и структурирования информации в дискурсе обусловлена не только социальным институтом, но и прагматическими установками автора.

В результате исследования выявлено, что специфика когнитивного стиля ЯЛ – автора институционального и персонального типов дискурса – проявляется в особой конфигурации «личностных инвариантов» и в разной степени их объективации в дискурсивном пространстве ЯЛ – авторов статусно-ориентированного и личностно-ориентированного типов общения.

«Личностные инварианты» не в одинаковой степени эксплицируются в дискурсе разных типов ЯЛ. В дискурсе ученого В.Вс. Иванова особое место занимают инварианты-процессы в обращении с информацией; в дискурсе политика В.В. Путина – инварианты-модальности, инварианты-процессы, инварианты-репрезентации, в дискурсе публициста А.А. Проханова – инварианты-модальности, инварианты-процессы, в дискурсе поэта С.А. Есенина – инварианты-репрезентации и инварианты-модальности.

«Личностные инварианты» в дискурсе разных типов ЯЛ репрезентируются различными средствами и приемами. Доминантным способом представления информации в дискурсе В.В. Путина, инвариантом-процессом является выдвигание, которое позволяет фокусировать внимание на идеях и представлениях, которые характеризуют его взгляды и платформу политической партии «Единая Россия».

Выявлено, что, проявляя общестилевые признаки политического дискурса, дискурс В.В. Путина отличается специфическим сочетанием стандартных и экспрессивных языковых средств, к числу которых в первую очередь относится «авторская модальность», которая служит цели «минимизации коммуникативного расстояния» между автором и адресатом.

Установлено, что доминантным способом представления информации в дискурсе В.Вс. Иванова является структурированная подача информации и линеаризация речи.

Выявлено, что спецификой когнитивного стиля А.А. Проханова является не столько наличие или отсутствие тех или иных концептов и их при-

знаков, сколько их актуализация и специфическая комбинаторика. Эта специфика отчасти обусловлена особенностями публицистики и её связями с широкой областью общественных отношений. Большой частью эта специфика создается разнообразными, непривычно использованными языковыми единицами, способами, приёмами и средствами индивидуальной авторской оценочности, и, прежде всего, метафорами и таким особым принципом синтаксической организации речи, как конкатенация. Доминантной характеристикой дискурса А.А. Проханова является особо сильная экспрессия, граничащая с украшательством.

Несмотря на то, что дискурс С.А. Есенина исторически и культурно обусловлен, картина мира и индивидуально-авторские художественные концепты, созданные на основе уникального мировосприятия поэта и комбинации его собственных ощущений, неизбежно носят индивидуально-личностные особенности когнитивного стиля её создателя и репрезентируются различными языковыми единицами и средствами художественной образности.

В ходе проведенного исследования верифицирована его рабочая гипотеза: создаваемый ЯЛ дискурс неизбежно содержит детерминированные индивидуальным и коллективным сознанием характеристики. Однако степень объективации «личностных инвариантов» и в целом особенности манифестации когнитивного стиля ЯЛ зависят как от принадлежности дискурса к персональному и институциональному типам, так и от индивидуально-личностных характеристик автора.

Из рассматриваемых в диссертации типов институционального дискурса в публицистическом и политическом дискурсах доля личностного компонента намного выше, чем в научном, что обуславливает репрезентацию когнитивного стиля ЯЛ всем комплексом «личностных инвариантов» в различных конфигурациях в каждом.

Что же касается такого типа персонального дискурса, как художественный (поэтический), то, несмотря на достаточно жесткую формальную организацию, обусловленную канонами соответствующей культуры и требованиями ритмической организации и соблюдения размеров стиха, многовекторность и вариативность его содержания и концептов представления информации обуславливают свободное авторское представление материала и особого рода конфигурации «личностных инвариантов». Кроме того, персонафицированный характер данного типа дискурса, обуславливающий широту способов использования в нем эмоционально и эстетически маркированных языковых средств, предполагает неограниченные возможности для объективации специфики когнитивного стиля автора персонального дискурса.

Перспектива исследования видится в изучении когнитивного стиля различных типов ЯЛ.

Другим перспективным вектором исследования представляется изучение базовых концептов институциональных ЯЛ, что, на наш взгляд, позволит лингвистически осмыслить понятие «когнитивный стиль» как отражение индивидуального образа мира и специфики его содержательного представления в аспекте соотношения «ментальность личности» и «ментальность народа», «стиль личности» и «стиль эпохи».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адлер А. Теория и практика индивидуальной психологии. – М.: Прагма, 1993. – 175 с.
2. Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. – Нальчик : Эль-Фа, 1999. – 318 с.
3. Алимуратов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность: монография. – Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2003. – 312 с.
4. Алимуратов О.А. Концепт как основная составляющая информационно-когнитивной системы языковой личности. Возможности метонимического моделирования концепта // Язык и ментальность: сборник статей. Серия «Славянский мир». Вып. 5. – СПб.: СПбГУ, 2010. – С. 3–9.
5. Алисова Т.Б. Опыт анализа концептуального мира Данте с позиций современной лингвистики // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1996. – № 6. – С. 7–19.
6. Алякринский О. А. Поэтический текст и поэтический смысл // Тетради переводчика: Вып. 19. – М.: Высшая школа, 1982. – С. 19–32.
7. Анализ художественного текста (лирическое произведение): хрестоматия / сост. Д.М. Магомедова, С.И. Бройтман. – М.: Издательский центр РГГУ, 2005. – 334 с.
8. Анализ художественного текста: эпическая проза: хрестоматия / сост. Н.Д. Тамарченко. – М.: Издательский центр РГГУ, 2005. – 442 с.
9. Андреева. К.А. Когнитивная стилистика как новая парадигма исследования литературного текста // Вестник Тюменского государственного университета. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета – 2005. – № 2. – С. 179–184.
10. Античные теории языка и стиля: Антология текстов. – СПб.: Алетейя, 1996. – 364 с.

11. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 448 с.
12. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник. – М.: Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
13. Артемов В.Н. Институциональный человек: Становление философской концепции // Homo institutus – Человек институциональный / под ред. О. В. Иншакова. – Волгоград, 2005. – С. 4–9.
14. Артемов В. Н. Институциональный человек: от общества риска к обществу знания. – Саратов, 2014. – 166 с.
15. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
16. Архипова Л.В. Риторический прием автоинтерпретации как средство организации дискурса (на материале английских научных текстов): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 203 с.
17. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. – 184 с.
18. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник. –3-е изд., испр. – М., 2005. – 496 с.
19. Баева Н.А. Языковые средства репрезентации когнитивных стилей в пейзажных описаниях (на материале англоязычной прозы) // Homologuens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : сб. науч. ст.. – Вып. 3. – СПб., 2011. – С. 11–15.
20. Баева Н.А. Когнитивные стили и языковые способы их репрезентации (на материале произведений женщин-писателей викторианской эпохи // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы 1-й международной научной конференции. – Барнаул: АлтГПА, 2012. – С. 27–29.

21. Базылев В.Н. Политический дискурс в России // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып. 15. – Екатеринбург, 2005. – С. 5–32.
22. Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора Анатолия Федоровича Кони: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2007. – 46 с.
23. Байтукалов Т.А. Быстрое изучение иностранного языка от английского до японского. – М.: РИПОЛ, 2009. – 160 с.
24. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Оценочный аспект когнитивного стиля и его языковые корреляты // Когнитивные стили. – Таллин, 1986. – С. 91–95.
25. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1993. – 182 с.
26. Барляева Е.А. Средства актуализации автора научного текста (на материале англ. яз.): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1993. – 225 с.
27. Барсукова Е.В. Языковая личность как категория исторической культурологии (на материале «Архива князя Воронцова»): автореф. дис... канд. культурологии. – М., 2007. – 22 с.
28. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – 4-е изд. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
29. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
30. Башиева С.К. Формирование билингвальной личности как сложный когнитивный процесс // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 2014. – С. 150–156.
31. Башиева С.К., Дохова З.Р., Чепракова Т.А., Шогенова М.Ч. Специфика формирования языковой личности россиянина в поликультурном контексте // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 4. – С. 90–94.

32. Безрокова М.Б. Специфика формирования и развития языковой личности в моно- и полиэтнической среде (на примере Кабардино-Балкарской республики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2013. – 27 с.

33. Белоус Н.А. Когнитивный диссонанс как один из факторов возникновения конфликтного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1(014). – С. 53–63.

34. Беляев Д.К. Генетика, общество, личность // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 155–164.

35. Беспалова О.В. Концептосфера поэзии Н. Гумилева в ее лексикографическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 24 с.

36. Беспмятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1994. – 19 с.

37. Бобнева М.И. Методологические проблемы изучения личности // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 462–471.

38. Бобровская И.В. Газетный дискурс в проблемном поле коммуникативно-прагматической лингвистики // Научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – Волгоград, 2011. – № 4. – С. 1–4.

39. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис.... докт. филол. наук. – Л., 1984. – 31 с.

40. Богин Г.И. Типология понимания текста: учебное пособие. – Калинин: КГУ, 1986. – 87 с.

41. Богомолов А.Ю. Языковая личность персонажа в аспекте психопоэтики (на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Череповец, 2005. – 23 с.

42. Бокова О.А. Отражение русской ментальности в идиостиле Ф.М. Достоевского (на материале языка романов «великого Пятикнижия»): дис. ... канд. филол. наук. – Липецк, 2015. – 230 с.

43. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. – 172 с.

44. Болдырева А.А., Кашкин В.Б. Категория авторитетности в научном дискурсе // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 1. – Воронеж, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://tp11999.narod.ru/WebLSE2001/BoldKach.htm>>.

45. Болотнова Н.С. О связи регулятивной и концептуальной структур поэтического текста // Вестник Томского педагогического университета. Вып. 5 (56). – 2006. – С. 108–113.

46. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – М., 2009. – 520 с.

47. Болотнова Н.С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации // Вестник Томского педагогического университета. Вып. 3 (105). – 2006. – С. 34–40.

48. Борев Ю.Б. Эстетика: учебник. – М.: Высшая школа, 2002. – 511 с.

49. Борисова М.Б. Голос автора и голос героя в драматургическом тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: сборник статей в честь профессора С.Г. Ильенко. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1998. – С. 248–258.

50. Борн М. Состояние идей в физике // Физика в жизни моего поколения. – М.: Жанр, 1963. – 536 с.

51. Булацкая В.В., Гулевич Е.В. Идиостиль как авторский почерк // Филологические науки. – 2014. – № 23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novainfo.ru/article/2069>.

52. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика: сборник статей. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. – С. 125–166.

53. Буряк Н.Ю. Культура языковой личности в поликультурной среде вуза: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Краснодар, 2012. – 26 с.
54. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. — 283 с.
55. Бутакова Л.О. Когнитивная поэтика: вариант интерпретации текста // Предложение и слово: межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. – С.74–80.
56. Бутакова Л.О. Автор и текст: когнитивная модель и вербальный феномен // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: материалы III филол. чтений. – Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2002. – С. 170–174.
57. Бушев А.Б. Языковая личность политика: в чем её специфика? // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве: материалы Международной конференции. – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012. – С. 147–152.
58. Бюффон Ж.Л. Discours sur le style. Речь при вступлении во Французскую Академию / пер. и прим. В. Милчиной // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 13.
59. Василюк И.П. Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности (на материале афористики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: 2004. – 22 с.
60. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402–421.
61. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. – М.: Художественная литература, 1961. – 614 с.
62. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 5–93.
63. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – 2-е изд. – М.: Наука, 1999. – 703 с.

64. Виноградов В.В. О языке художественной прозы // Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
65. Виноградов В. А. Идиолект // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 171.
66. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 361–370.
67. Власов В.Г. Введение. Взгляд художника на теорию стилей // Стили в искусстве: словарь. – СПб: Лита, 1998. – 672 с.
68. Власов В.Г. Стиль, стилизация // Стили в искусстве: словарь. – СПб.: Лита, 1998. – Т. 1. – С. 592–593.
69. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
70. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности Вып. 3. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 79–95.
71. Ворожбитова А.А., Кегеян С.Э. Проблематика типологии языковой личности в аспекте анализа идиодискурсов вождей-идеологов большевизма // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2009. – № 13. – С. 54–58.
72. Л.С. Выготский. Конкретная психология человека // Вестник МГУ. Серия Психология. – 1986. – №1. – С. 54–59.
73. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2006. – С. 208–564.
74. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
75. Галстян С. С. Языковая личность – основа телевизионной коммуникации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.ipk.ru/index.php?id=1544>.

76. Гартман К.О. Стили. – М.: Искусство, 1998. – 301 с.
77. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.
78. Гегель Г. Эстетика. – М.: Искусство, 1968. – Т 1. – 330 с.
79. Геляева А.И. Человек в языковой картине мира. – Нальчик: Каб-Балк. ун-т, 2002. – 177 с.
80. Геляева А.И., Пугоева А.О. Выдвижение как составляющая когнитивного стиля языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 3-х ч. Ч. 1. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 8 (50). – С 45–48.
81. Геляева А.И., Пугоева А.О. Доминанты когнитивного стиля эгоцентрической языковой личности (на материале статей Александра Проханова в газете «Завтра») // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2016. – № 3 (23). – С. 71–75.
82. Геляева А.И., Хучинаева Д.Д. Метатекстовые единицы репрезентации языковой личности ученого в карачаево-балкарском лингвистическом дискурсе // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2012. – № 6 (50). – С. 148–154.
83. Гергокаева Д.Д. Эгоцентризм лингвистического дискурса (на материале русского, английского и карачаево-балкарского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2008. – 181 с.
84. Годунова С.Ю. Педагогические условия развития языковой личности студента технического вуза: автореф. дис.... канд. пед. наук. – М., 2008. – 24 с.
85. Голикова Т.А. Слово как интегративный компонент репрезентации концептуальной картины мира (на материале творчества В. Набокова): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Барнаул, 1996. – 22 с.
86. Голованова Е.И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 33. – С. 18–25.

87. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 1997. – 220 с.
88. Григорьев В.П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. – М.: Наука, 1983. – С. 54–105.
89. Гринберг И.Л. Полет стиха и поступь прозы. – М.: Современник, 1976. – 192 с.
90. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 34–298.
91. Данилова С.А. Типология дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Вып. 1. – 2015. – С. 345–349.
92. Дармограй В.М. Стиль как методологическая форма творчества. Вып. 1. – Саратов: Изд-во СГАУ, 2005. – С.69–70.
93. Дацюк С. Коммуникативные стратегии моделируемых коммуникаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uis.kiev.ua/~xyz/moderation.html>.
94. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
95. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
96. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.gumer.info/bibliothek Buks/linguist/Article/Dem PolDisk.php-52k](http://www.gumer.info/bibliothek/Buks/linguist/Article/DemPolDisk.php-52k)
97. Десюкевич О.И. Теория текста: пособие для студентов специальности «Литературная работа (редактирование)» . – Минск: БГУ, 2011. –132 с.
98. Донцу Н.Ф. Особенности интимизации повествования в эссе В.С. Высоцкого «Из дорожного дневника» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mediaplanet.ru>static/upload/DONZU2001.pdf.

99. Драч Г.В. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Шпенглер О. Закат Европы. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
100. Драчева С.И. Психоллингвистический анализ фрагмента картины мира Ф.Сологуба // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч. I. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. – С. 90–92.
101. Еремеева О.А. О понятии «языковая личность» // Лингвистика: взаимодействие концептов и парадигм. Вып. 1. – Харьков, 1991. – Ч. 2. – С. 43–48.
102. Ерошенко А.Р. Концепт «Человек» в антропологической лингвистике: особенности интерпретации // Антропоцентрическая парадигма в филологии. – Ставрополь: СГУ, 2003. – Ч. 2. – С. 18–20.
103. Зайцева И. Д. Дискурсивные особенности текстов юридических документов (общая характеристика) // Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева и ТБ. Чернышовой. – Барнаул-Кемерово: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2010. – С. 33–38.
104. Залевская А.А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – 1985. – С. 150–171.
105. Захарова Н.Н. Теоретические и прикладные основы курса «Русский язык и культура речи» // Риторика и культура речи в современном информационном обществе: материалы докл. участников XI Международной научно-методической конференции. – Ярославль, 2007. – Т. 1. – С. 112–118.
106. Золотова Е.С. Особенности реализации профессиональной языковой личности в естественной письменной речи предпринимателей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2013. – 22 с.
107. Золян С.Т. К проблеме описания поэтического идиолекта // Известия АН СССР. Серия Литература и язык. – М., 1986. – 156 с.

108. Золян С.Т. От описания идиолекта — к грамматике идиостиля (на материале поэзии Л. Мартынова) // Язык русской поэзии XX века: сборник научных трудов. — М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1989. — С. 238–259.

109. Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой. — Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2006. — 336 с.

110. Жолковский А.К., Щеглов, Ю.К. Работы по поэтике выразительности: инвариант — Тема — Приемы — Текст: сборник статей. — М.: Прогресс, 1996. — 344 с.

111. Иванов В.Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему // Языкознание: Взгляд в будущее / под ред. проф. Г.И. Берестнева. — Калининград: Янтар. Сказ, 2002. — С. 6–86.

112. Иванов Л.Ю. Дискурс // Культура русской речи: Энциклопедический словарь справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 163–166.

113. Иванова И.Н. Ирония в художественном мире Георгия Иванова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Старополь, 1999. — 18 с.

114. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: Истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 4 (12). — С. 25–32.

115. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. — 312 с.

116. Иванчикова Е.А. Индивидуальный синтаксис Достоевского // Слово Достоевского: сборник статей. — М.: Азбуковник, 2001. — С. 272–314.

117. Ивченков В.И. Лингвистическая организация текста: в творческой лаборатории Владимира Короткевича. — Минск: БГУ, 2002. — 211 с.

118. Ильенков Э.В. Что же такое личность? // Философия и культура. — М.: Политиздат, 1991. — С. 387–415.

119. Индивидуальный стиль или идиостиль. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iterviam.ru/gum-nauk/stilistik/idiostil/>.
120. Иншаков О.В. «Человек институциональный» – субъект социально освящённого действия // Homo institutus – Человек институциональный / под ред. О. В. Иншакова. – Волгоград, 2005. – С. 9–87.
121. Ионин Л. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2000. – 431 с.
122. Искандарова Г.Р. Языковая личность российского юриста в 21 веке // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве: материалы Международной конференции / отв. ред. Е.В. Белгородцева. – Бийск: АГАО им. В.М.Шукшина, 2012. – С.152–155.
123. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: УРСС. 2006. – 288 с.
124. Кажарова Д.С. Событийное и оценочное пространство научного гуманитарного текста: сравнительный анализ русских и английских текстов: дис. ... канд. филол. наук – Нальчик, 2006. – 184 с.
125. Кайда Л.Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию: учебное пособие. – М.: Флинта : Наука, 2004. – 2006 с.
126. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2000¹. – С. 5–20.
127. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сборник обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000². – С. 37–64.
128. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
129. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

130. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
131. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
132. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
133. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
134. Касавин И.Т. Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология & философия науки: научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам / ред. И.Т. Касавин, В.Н. Порус. – 2006. – Т. X, № 4. – С. 5–17.
135. Касевич В.Б. Теория коммуникации и теория языка // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. – СПб.: Союз, 2001. – С. 70–75.
136. Кашекова И.Э. От античности до модерна: стили в художественной культуре. – М.: Просвещение, 2000. – 143 с.
137. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: учебное пособие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kachkine.narod.ru/CommTheory/6/WebComm6.htm>.
138. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / пер. с франц. и португальского / предисл. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – 416 с.
139. Клаус Г. Введение в дифференциальную психологию учения. – М.: Педагогика, 1987. – 171 с.
140. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык. Сознание. Коммуникация. – Вып. 1. – М.: Филология, 1997. – С. 19–36.
141. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (в аспекте культуры речи) // Средства массовой информации в совре-

менном мире. Петербургские чтения: тезисы межвузовской научно-практической конференции. — СПб: С.-Петерб. гос. ун-т, 2008. — С. 70–71.

142. Клюканов И.Э. Языковая личность и интегральные смысловые образования // Язык, дискурс и личность. — Тверь, 1990. — С. 69–73.

143. Ковалева И. В. Особенности высказываний с семантическим компонентом «побуждения» в официальном регистре общения // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 6 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7756>.

144. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — Минск: Тетра Системс, 2008. — 272 с.

145. Кожина М. Н. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVII–XX вв. В 3-х т. Т. 1. Развитие научного стиля и функционирование языковых единиц различных уровней. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1994. — Ч. 1. — 304 с.

146. Конечкая В.П. Социологии коммуникации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.i-ru/biblio/archive/koneckaja_sociologija.

147. Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. — 171 с.

148. Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого: монография. — Пермь: Пермский гос. ун-т, 2011. — 304 с.

149. Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики. Вып. 26. — Саратов: Колледж, 1996. — С. 14–24.

150. Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) //

Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1997. – Вып. 1. – С. 128–144.

151. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК, 2003. – 375 с.

152. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ, 1997. – 245 с.

153. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 42–52.

154. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 90–107.

155. Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М. Онтогенез речи и формирование языковой способности человека // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С. 141–220.

156. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность. Сборник обзоров. Серия Теория и история языкознания. – М.: РАН. ИНИОН, 2000а. – С. 5–13.

157. Кубрякова Е.С. В начале XXI века (размышления о судьбах когнитивной лингвистики) // Когнитивная семантика: материалы второй международной школы-семинара. Ч. 1. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000б. – С. 6-7.

158. Кубрякова Е.С. Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. Материалы круглого стола. – М. Институт языкознания РАН, 2000в.

159. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 3–12.

160. Кузнецова Л.Н. В.В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: лингвориторический аспект (на материале тек-

стов о языке и стиле русских писателей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2013. – 23 с.

161. Кулишова Н. Д. Языковая личность в аспекте психолингвистических характеристик (на материале письменных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2001. – 15 с.

162. Культура русской речи: Энциклопедический словарь справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

163. Кухаренко В.Л. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. – 191 с.

164. Ладутько М. В. Когнитивный аспект художественного дискурса. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. – 73 с.

165. Ласточкина Е.В. Интимизация повествования в книге Сергея Довлатова «Наши»// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. – С. 114-116.

166. Леденева В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова: средства номинации и предикации: дис. докт. филол. наук: 10.02.01. – М., 2000. – 481 с.

167. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. – М.: СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 846с.

168. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек –текст – семиосфера –история / Ю.М.Лотман. —М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 447 с.

169. Лузина Л. Г. Когнитивный стиль // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 79-81.

170. Лютикова В.Д. Языковая личность: Идиолект и диалект: дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2000. – 316 с.

171. Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1995. – С. 311-317.

172. Ляпун С.В. Газетная публицистика в парадигме лингвистических исследований XXI в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. – 2011. – № 1. – С. 109–115.

173. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 277 с.

174. Макаров В.Л., Шамхалов Ф.И., Нургалиев Р.Г. «Человек институциональный» в интеллектуальной и исторической спирали // Homo institutus – Человек институциональный / под ред. О. В. Иншакова. – Волгоград, 2005. – С. 23–58.

175. Маклаков А. Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 2000. – 471 с.

176. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. – Ставрополь: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2003. – С. 26–40.

177. Манаенко Г.Н. Информация – дискурс – речевое взаимодействие // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: сборник статей. Серия «Славянский мир». Вып. 3 / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 23–29.

178. Манаенко Г.Н. Методологические и теоретические аспекты когнитивно-дискурсивных исследований: монография. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. – 207 с.

179. Мартынов М.И. Философия: курс интенсивной подготовки. – 4-е изд., перераб. – Минск: ТетраСистемс, 2012. – 304 с.

180. Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. – Минск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 1997. – 156 с.

181. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учебное пособие. – М. : Флинта, 2004. – 256 с.

182. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре: монография. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
183. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. — Вып. 1 (24). – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2008. – С. 43–48.
184. Махнёва А.И. Лингвистический анализ языковой личности Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла и Архиепископа др. Роберта Цоллича // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве: материалы Международной конференции / отв. ред. Е.В. Белгородцева. – Бийск: АГАО им. В. М. Шукшина, 2012. – С. 131–136.
185. Мельник Н.В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf>.
186. Мещерякова О.А. Индивидуально-авторская концептосфера И.А. Бунина в ее репрезентации средствами свето-и цветообозначений: научная монография. – Елец: ЕГУ, 2007. – 210 с.
187. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 39–45.
188. Мурзин Д.Н. Антропологическая ниша в языковой науке // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1995. – С. 11–12.
189. Недошивин Г.А. Искусства пластические // Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1972.
190. Недошивин Г.А., Чёрных А.М., Чудакова М.О., Кантор А.М. Стиль в литературе и искусстве // Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. Т. 24 / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1976.

191. Немец Г. Н. Публицистический дискурс как методологический конструкт // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. – 2010. – № 3. – С. 86–91.

192. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сборник научных трудов. – М.: Московский гос. лингв. ун-т. – 1996. – С. 112–116.

193. Нерознак В. П., Халеева И. И. Языковая личность // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник. – М., 2005. – С. 587–591.

194. Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Вып. 8 / сост. и вступ. статья Т.М. Николаевой. – М.: Прогресс, 1978. – 479 с.

195. Новое в зарубежной лингвистике. Лингвостилистика. Вып. 9. – М.: Прогресс, 1980. – 430 с.

196. Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII / пер. с англ. / сост.. ред., вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М: Прогресс, 1988. – 320 с.

197. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии. 1998, – С. 330.

198. Олешков М.Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / отв. ред. М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – С. 68-85.

199. Орлов А. Б.. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики: учебное пособие. – М.: Академия, 2002. – 47 с.

200. Осипова А.А. Концепт «смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В.П. Астафьева 1980-1990-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2005. – 250 с.

201. Павловская О.Е. Проблема функционирования межсистемного термина *стиль* в гуманитарных науках // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. – Ростов-на-Дону, 2004. – № 2.

202. Павлушкина Н.А. Релевантность массовой прессы как основа взаимодействия с аудиторией // СМИ в современном мире: Петербургские чтения: тезисы межвузовской научно-практической конференции.– СПб., 2010. – С. 254–255.

203. Пажитнова Е.Е. Влияние когнитивных стилей деятельности педагогов на адаптацию учащихся к обучению в школе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nsportal.ru> ...shkola ...kognitivnych-stiley ...pedagogov.

204. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 207 с.

205. Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1992. – 431 с.

206. Плеханова Т.Ф. Текст как диалог. – Минск: МГЛУ, 2003. – 251 с.

207. Плигин А.А. Личностно ориентированное образование: история и практика: монография. – М.: КСП+, 2003. – 432 с.

208. Плисецкая А. Д. Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности // Когнитивное моделирование в лингвистике: текст доклада на конференции. – Варна, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://virtualcoglab.cs.msu.su/html/Plisetskaya.html>.

209. Попова О.В. Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2004. – 19 с.

210. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110–122.

211. Праведников С.П., Хроленко А.Т. В поисках методик исследования идиолекта // Идиолект: сборник научных статей. Вып. 1. – Курск: Курский гос. пед. ун-т, 2000. – С. 4–14.

212. Прокошенкова Л.П., Гецкина И.Б. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 4. – С. 451–456.

213. Прокудина И.С. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей репродуцирования научного текста (на материале студенческих рефератов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2009. – 26 с.

214. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 238 с.

215. Пугоева А.О. К вопросу об объеме понятия «когнитивный стиль языковой личности» // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива–2015». – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2015. – Т. 1. – С. 408–411.

216. Пугоева А.О. Текст как репрезентант когнитивного стиля языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 11(53). – Ч. 2. – С. 149–151.

217. Пугоева А.О. Роль интимизации повествования в актуализации когнитивного стиля языковой личности // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2015. – № 6 (68). – Т. 1. – С. 197–202.

218. Пугоева А.О. Индивидуально-авторский концепт как «ключ» к пониманию особенностей когнитивного стиля языковой личности: 24 международная научно-практическая конференция: Актуальные проблемы в современной науке и пути их решения // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Ежемесячный научный журнал. Ч. 4. – М., 2016. – № 3 (24). – С. 137–139.

219. Пугоева А.О. К проблеме соотношения понятий «когнитивный стиль», «идиостиль» и «идиолект» языковой личности // Теория и практика приоритетных научных исследований: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 4-х ч. Ч. 3. – Смоленск: НОВАЛЕНСО, 2016. – С. 91–95.

220. Пугоева А.О. Об особенностях вербальной репрезентации личностных инвариантов языковой личности // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива-2016». – Т. II. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2016. – С. 197–200.

221. Пушкин А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность. – Тверь: ТГУ, 1990. – С. 50–60.

222. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. – М., 1998. – С. 274–323.

223. Рожкова О.Е. Когнитивно-прагматические аспекты политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2003. – 169 с.

224. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН: Институт международных связей, 2008. – 282 с.

225. Русалов В.М. Психофизиологические аспекты в изучении индивидуальности человека // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 243–252.

226. Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. – М.:Academia, 1997. – 317 с.

227. Седов К.Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – С. 297–312.

228. Седых А.П. Этнокультурные характеристики языковой личности (на материале французской языковой личности): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – Саратов, 2005. – 43 с.

229. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – Киев: ЦУЛ «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.

230. Сентенберг И.И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград, 1994. – С. 14–25.

231. Сергеев С.Ф. Когнитивная педагогика: пользовательские свойства инструментов познания // Образовательные технологии. – 2012. – № 4. – С. 69–78.
232. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: Локид-Пресс, 2003. – 880 с.
233. Сигал К.Я. Прескрипторные правила линеаризации в когниции и тексте (на материале русских сочинительных конструкций) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3. – С. 11–25.
234. Силантьева М.С. Элитарная языковая личность в профессиональном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2012. – 26 с.
235. Сиротинина О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на её становление // Термин и слово: межвузовский сборник, посвященный 80-летию проф. Б.Н. Головина. – Нижний Новгород: НГУ, 1997. – С. 7–12.
236. Сиротинина О.Б. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград; Саратов: Перемена, 1996. – С. 3–9.
237. Сковородников А.П. Конкатенация // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 263–265.
238. Скотникова И. Г. Реализация когнитивного стиля в познавательных стратегиях как проявление его содержательной стороны // Когнитивные стили. Тезисы научно-практического семинара / под ред. В. Колги. – Таллин, 1986. – С. 51–55.
239. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2011. – 256 с.
240. Словарь русского языка. В 4-х т. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. – 698 с.
241. Соколов Е.Г. Дискурсивные пределы стиля // Барокко и классицизм в истории мировой культуры: материалы Международной научной кон-

ференции. Серия «Symposium». Вып. 17. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 15–20.

242. Соколова В. В. Культура речи и культура общения. – М.: Просвещение, 1995. – 192 с.

243. Сопова И.В. Фразеология и институциональный дискурс в лингво-персонологическом аспекте (на материале речевых манифестаций В.В. Путина и А. Меркель): дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2011. – 252 с.

244. Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – М.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

245. Сочивко Д.В. Исследование индивидуального стиля познавательной деятельности студентов: дис. ... канд. психолог. наук. – Л., 1984. – 175 с.

246. Степанов Ю.С. Стиль языка. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – Т. 24.

247. Стилистический энциклопедический словарь русского. – 2-е изд., стереотип / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта : Наука, 2011. – 696 с.

248. Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев: Наукова думка, 1992. – 162 с.

249. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 9–16.

250. Сухих О.В. Критерии становления языковой личности // Мир через языки, образование, культуру: сборник научных статей. – Пятигорск: ПГЛУ, 1997. – С. 43–45.

251. Сухих С.А., Зеленская В.В. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций: учебное пособие. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1997. – 72 с.

252. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 280 с.

253. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского): дис. ... доктора филологических наук. – Саратов, 2004. – 484 с.

254. Тарасова И.А. Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова сост. И.А. Тарасова. – Саратов: Наука, 2008. – 08 с.

255. Тарасова И.А. Метафорические и метонимические когнитивные модели в концептуальном пространстве идиостиля // Известия Саратовского университета. Серия филология, Журналистика. Вып. 4. Т. 9. – 209. – С. 9–14.

256. Тарасова И.А. Индивидуальная концептосфера как основа поэтического идиостиля // Держава та регіони: Науково-виробничий журнал. Серія: Гуманітарні науки. – 2009. – № 3–4. – С. 54–58.

257. Тарасова И.А. Концепт «быт» в поэзии 1920-х годов // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: сборник статей участников международной научной конференции / под ред И.Ю. Иванюшиной, И.А. Тарасовой. – Саратов: Наука, 2010. – С. 194–205.

258. Тарасова И.А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 742–745.

259. Тарасова И. А. Поэтическое слово Георгия Иванова в лексикографическом представлении // Международная научная конференция: Георгий Владимирович Иванов (1894–1958): материалы и исследования. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2011. – С. 55–65.

260. Тарасова И.А. Баллады И. Одоевцевой и Н. Тихонова: к проблеме когниотипа жанра // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: материалы международной конференции к 90-летию образования литературной группы. – Саратов: Орион, 2011. – С. 214–222.

261. Тарасова И.А. Жанровые трансформации в поэзии русского Зарубежья // Жанры речи: сборник научных статей памяти К.Ф. Седова. Вып. 8. – Саратов–М.: Лабиринт, 2012. – С. 288–300.

262. Тарасова И.А. Теория репрезентации мыслительных структур в языке как методологическая основа когнитивной поэтики // Когнитивные исследования языка. Теоретические аспекты языковой репрезентации. Вып. XII. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 420–429.

263. Тарасова И.А. О зонах риска в междисциплинарных исследованиях // Известия Саратовского ун-та. Серия Филология. Журналистика. Вып. 2. – 2013. – Т. 13. – С. 45–49.

264. Тарасова И.А. Эволюция идиостиля Георгия Иванова в зеркале его словаря // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». – М.: Азбуковник, 2013. – С. 313–318.

265. Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. – Рязань: Изд-во РГПУ, 2002. – 236 с.

266. Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 511 с.

267. Тильман Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 25 с.

268. Толстых В. Владимир Высоцкий как явление культуры // Владимир Высоцкий. Человек. Поэт. Актёр. – М.: Прогресс, 1989. – С. 335–336.

269. Трошина Н.Н. Когнитивная парадигма в лингвостилистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сборник научных трудов. – М.: РАН. ИНИОН, 2008. – С. 104–121.

270. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. – М.: Наука, 1968. – 424 с.

271. Фахруддинова Д.Р. Структурирование жанрового пространства военного институционального дискурса // Ученые записки Казанского госу-

дарственного университета. Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150. – Кн. 2. – С. 259–266.

272. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 369–495.

273. Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2004. – 46 с.

274. Фуко М. Археология знания / пер. с французского. – Киев: Ника-центр 1996. – 300 с.

275. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования, – Томск: Изд-во Том. ун-та. – М.: Барс, 1997. – 392 с.

276. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 272 с.

277. Хорольский В.Н. Культурологический метод изучения публицистического дискурса // RELGA. Культура. – 2001. – № 6 [60]. – С. 80–102.

278. Цурикова Л.В. Проблемы когнитивного анализа дискурса // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. – 2001. – № 2. – С. 146–152.

279. Чарыкова О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 327 с.

280. Чарыкова О.Н. Художественный текст как воплощение индивидуальной картины мира автора произведения // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный сборник научных трудов. Вып. 28. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 3–7.

281. Человек институциональный – Homo institutus: коллективная монография / под ред. О.В. Иншакова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 854 с.

282. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – 214 с.

283. Чернышева Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект): учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 178 с.
284. Чернышева Т.А. Идиостиль: лингвистические контуры изучения // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 29–33.
285. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 136 с.
286. Чувакин А.А. Основы филологии: учебное пособие / под ред. А.И. Куляпина. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 496 с.
287. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта : Наука, 2007. – 256 с.
288. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
289. Шевченко Н.М. Языковая личность М.И. Цветаевой как объект лексикографии: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2014. – 331 с.
290. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. – М.–Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
291. Шеллинг Ф.В. Философия искусств / пер. с нем. П.С. Попова / под общ. ред. М.Ф. Овсянникова. – М.: Мысль, 1999. – 608 с.
292. Ширина Е.В. К характеристике понятий «личность», «языковая личность» и «языковой портрет» // Речевая деятельность. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Таганрог: Таганрог. гос. пед. ин-т, 2002. – С. 274–280.
293. Шкуратова Т.П. Когнитивный стиль и общение / отв. ред. В.А. Лабунская. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского пед. ун-та, 1994. – 156 с.
294. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

295. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 311 с.
296. Шпенглер О. Закат Европы. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 640 с.
297. Штучка П.Т. Журнал. – М.: Ровесник, 2001. – № 5.
298. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учебное пособие. – СПб.: Книжный дом, 2007. – 472 с.
299. Ядов В.А. Социологический подход к исследованию личности // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 455–462.
300. Язык и личность / отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – 211 с.
301. Язык и ментальность: сборник статей // отв. ред. М.Влад. Пименова. – СПб.: СПбГУ, 2010. – 696 с.
302. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: ВГПУ «Перемена», 2000. – 228 с.
303. Aylwin S. Structure in thought and feeling. – L.; N.Y.: Methuen, 1985.
304. Ausubel D.P. Educational psychology: A cognitive view. – N.Y., 1968. – 685 p.
305. Beaugrande R. de, Dressler W. Introduction to text linguistics. – L.: Longman, 1981. – 134 p.
306. Bühler A. Die Logik kognitiver Sätze: Über logische Grundlagen der Argumentation in den Geistes- und Sozialwissenschaften. – B.: Duncker & Humblot, 1983.
307. Fakhrutdinova D.R. Structuring of the Genre Space of the Military Institutional Discourse//Kazan State University Memoir // The Humanities. – 2008. – Vol. 150. – В. 2. – P. 259–266.
308. Flavell J.H. Cognitive development. – Englewood-Cliffs: Prentice Hall, 1977.

309. Kagan J. Reflection-impulsivity and reading ability in primary grade children. – 1965. – Vol. 36. – P. 609–628.
310. Karasik V.I. The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 p.
311. Karasik V.I. The Language Keys. M. : Gnosis, 2009. 406 p.
312. Kasavin I.T. Discourse Analysis as Interdisciplinary Method of Humanities // Epistemology & Philosophy of Science: Scientific Theoretical Journal on General Science Methodology, Theory of Cognition and Cognitive Studies. – 2006. – Vol. X, № 4. – P. 5–17.
313. Kashkin V.B. Discourse. – Voronezh, 2004. – 76 p.
314. Krasnych V.V. «Friend» among «Foes»: Myth or Reality? – M.: Gnosis, 2003. – 375 p.
315. Kroeber A.L. Style and civilizations. – New York: Cornell, 1957.
316. Leech G., Short M. Style in fiction: A linguistic introduction to English fictional prose. – L.: Longman, 1981. – 117 p.
317. Lipsky B.I., Markov B.V. Philosophy: Bachelor's Textbook. – M.: Publishing House Yurite, 2012. – 495 p.
318. Longacre R. The grammar of discourse. – NY: Plenum Press, 1983. – 362 p.
319. Osgood Ch.E. Toward an abstract performance grammar // Talking minds: The study of language in cognitive science. – Cambridge: MIT Press, 1984. – P. 147–179.
320. Geeraerts, D., Cuyckens, H. The Oxford handbook of cognitive linguistics. – NY: Oxford University Press, 2007. – 1295 p.
321. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. – London: Arnold, 1978. – 256 p.
322. Homo Institutius. – Human Institutional: Collective Study / ed.by Dr. of Economics O.V. Inshakov. – Volgograd: VolSU Publishing House, 2005. – 854 p.

323. Huteau M. Style cognitif et personnalité: La dépendance – indépendance à l'égard du champ. – Lille: Presses Universitaires de Lille, 1987.

324. Rusakova O.F. Modern Discourse Theories: Classification Experience // Modern Discourse Theories. Multidisciplinary Analysis (Discourse Studies). Yekaterinburgh: Publishing House «Discourse-P», 2006. – P. 11–30.

325. Rusakova O.F., Rusakov V.V. PR-Discourse: Theoretical-Methodological Analysis. Yekaterinburgh : Institute of Philosophy and Law UrD RAS – Institute of International Relations, 2008. – 282 p.

326. Yusupova T.S. Functional, Stylistic and Pragmatic Characteristics of the English Language Military Discourse : Synopsis of Master of Philology Dissertation. – Samara, 2010. – 190 p.

327. Waber D. The biological boundaries of cognitive styles: A neuropsychological analysis // T. Globerson, T. Zelniker eds. Cognitive style and cognitive development. – Norwood (N.J.): Ablex, 1989. – P. 11–35.

328. Wardell D.M., Royce J.R. Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and effect // Journal of Personality. – 1978. – Vol. 46. – Issue 3. – P. 474"505 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.14676494.1978.tb01013.x/abstract#fn1>.

329. Zagnitko A.P. Fundamentals of Discourse Studies. – Donetsk: DonNU, 2008. – 194 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Большая пресс-конференция Владимира Путина // Кабардино-Балкарская правда. – 2014. – № 242. – 19 декабря.
2. Газета «Завтра» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.onlinegazeta.info/moskow/moskva_gazeta_zavtra_online.htm.
3. Есенин С. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5. Предисловие. – М.: Художественная литература, 1962.
4. Никитин М.В. Метафора: уподобление vs. интеграция концептов // С любовью к языку: сборник научных трудов, посвящается Е.С. Кубряковой. М. – Воронеж: ИЯ РАН; Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 255–270.
5. Чудинов А.П. Метафорическое моделирование действительности в политическом нарративе // С любовью к языку: сборник научных трудов, посвящается Е. С. Кубряковой. – М.–Воронеж: ИЯ РАН; Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 298–310.
6. Языкознание: Взгляд в будущее / под ред. проф. Г.И. Берестнева. – Калининград: ФГУИПП «Янтар. Сказ», 2002. – С. 6–86.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/content/view/messianstvo-putina>.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АТЯС – Античные теории языка и стиля: антология текстов. – СПб.: Алетейя, 1996. – 364 с.

БПК 2014 – Большая пресс-конференция Владимира Путина // Кабардино-Балкарская правда. – 2014. – № 242. – 19 декабря.

КРР – Культура русской речи: Энциклопедический словарь справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ, 1997. – 245 с.

СРЯ – Словарь русского языка. В 4-х т. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. – 698 с.